Социогуманитарные коммуникации

СКАНДИНАВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1 (15)

2025

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

№ 1 (15)

Научное периодическое сетевое издание

Выпуск составлен по материалам **XVI Всероссийской научной конференции с международным участием**

СКАНДИНАВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Санкт-Петербург, 30-21 октября 2025 г.

Санкт-Петербург
2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гехт А. Б. – заведующий кафедрой истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Неровный А. В. – заместитель заведующего кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Цверианашвили И. А. – заместитель декана факультета Социальных цифровых технологий (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Бекшаева Н. Э. – специалист по учебно-методической работе кафедры истории и регионоведения (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алёшин А. С. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасов В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасова В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Барышников В. Н. – доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Белов В. В. – доктор психологических наук, доцент (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Белова Е. В. – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Борисова Н. А. – кандидат технических наук, доктор исторических наук, доцент Центральный музей связи имени А. С. Попова, Санкт-Петербург, Россия)

Бурлина Е. Я. – кандидат искусствоведения, доктор философских наук, профессор (Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия)

Васильева Е. В. – кандидат культурологии, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия)

Вольфсон М. Б. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Воронов И. И. – доктор исторических наук, доцент, (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Геращенко Л. И. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Гончарова Е. А. – доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Губанов И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Завалишин А. Ю. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Зиновьева Е. И. – доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Зотова А. В. – доктор исторических наук, академик РАЕН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Иваненко А. В. – кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ипполитов Г. М. – доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникации и информатики, Самара, Россия)

Камедина Л. В. – доктор культурологических наук, профессор (Забайкальский государственный университет, Чита, Россия)

Ковалёв Б. Н. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Краснова Е. В. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Кулик С. В. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Кульназарова А. В. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Лейбенсон Ю. Т. – кандидат исторических наук, доцент (филиал МГУ в г. Севастополе, Севастополь, Россия)

Макаров В. В. – доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Мальченкова А. Е. – кандидат социологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Марков А. П. – доктор педагогических наук, доктор культурологии (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия)

Мешков А. В. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Микешин М. И. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Михеева Н. М. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия)

Позднякова А. С. – кандидат исторических наук, доцент (Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия)

Полторак С. Н. – доктор исторических наук, профессор (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Пученков А. С. – доктор исторических наук, профессор РАН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рудник С. Н. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рупасов А. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Самбуров К. В. – кандидат географических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сидорова Н. А. – кандидат культурологических наук, доцент (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Стародубцев М. П. – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сыроватская Е. Ф. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Хлевов А. А. – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия)

Чернов С. А. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Цыгоняева А. Ю. – кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яценко М. В. – доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

© Журнал «Социогуманитарные коммуникации», 2026
© Авторы публикаций, 2026
16+

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

А. Ю. Покрищук

Мечи с кольцом в общем контексте наступательного вооружения Скандинавии эпохи Вендель 7

Г. Ю. Иршин

О предметах с германскими руническими надписями II-V веков из Восточной Европы 15

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

И. М. Виноградов

Скандинавские фонетические особенности готского языка: попытка формализации и относительной хронологии 27

М. А. Несин

С какой стороны русы в 860 г. явились к Константинополю? 31

О. Л. Губарев

Русы под знаменами Каролингов? (к вопросу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского) 44

Л. Н. Аряев

Клятва русов Перуном и Волосом в русско-византийских договорах X века 56

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

И. А. Цверианашвили

Отто Торелль (1828-1900): полярный исследователь и геолог 72

И. С. Нестерова

Коробейническая торговля беломорских карелов в Финляндии: стратегия выживания 78

С. А. Куприк

Об открытии памятника Эдит Сёдергран а Рощино в 1960 году 87

А. Б. Гехт, О. А. Яковлев

Роль финансово-промышленной группы Валленберг в телефонизации Российской Империи (начало XX в.)....103

А. Б. Гехт

Фактор финансово-промышленной группы семьи Валленберг во вступлении Швеции в НАТО....110

КУЛЬТУРА И ЯЗЫКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

И. В. Дубовцева

Курортное дело Кексгольма (Кякисалми) в конце XIX – начале XX вв.....118

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

УДК 94

МЕЧИ С КОЛЬЦОМ В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ НАСТУПАТЕЛЬНОГО ВООРУЖЕНИЯ СКАНДИНАВИИ ЭПОХИ ВЕНДЕЛЬ

А. Ю. Покрищук

Статья представлена научным руководителем – д. филос. н., проф. Хлевовым А. А.

Статья посвящена одному из наиболее любопытных предметов вооружения скандинавов эпохи Вендель – мечам с кольцом. На сегодняшний день перед исследователями стоит ряд вопросов относительно бытования этого вида оружия. В частности, до сих пор нет удовлетворительного объяснения роли кольца на данных мечах и характеристики мечей с кольцом как части комплекса вооружения эпохи Вендель. Автор дает характеристику мечей с кольцом, анализирует основные версии о роли кольца и ставит целью формализацию имеющегося знания об этом вооружении.

Ключевые слова: меч с кольцом, Вендель, типология, сага, Старшая Эдда, вооружение, скандинавы.

Меч с кольцом, пожалуй, представляет собой один из наиболее узнаваемых и ярких символов эпохи Вендель. Однако помимо своей символической привлекательности, они также являются весьма любопытным предметом для исследования, до сих пор вызывающим неугасаемый интерес ученых из разных стран. Во многом, этот предмет вооружения представляет собой крайне большую загадку, поскольку до сих пор в научном сообществе не выработано единого мнения относительно назначения кольца на навершии таких мечей, степени их распространенности в скандинавском обществе эпохи Вендель, принадлежности подобного типа вооружения к определенному классу воинов или предводителей. Также относительно открытыми остаются вопросы типологии и хронологии бытования мечей с кольцом у различных германских народов. Частично мы постараемся дать предварительные ответы на эти вопросы в рамках настоящей статьи, однако в первую очередь, по замыслу автора, она представляет собой попытку формализации известных на сегодняшний день знаний о мечах с кольцом, ограничившись преимущественно территорией Скандинавии и используя находки с территории Англии и континентальной Европы в качестве дополнительных аналогий. Вследствие этого, структурно работа будет разделена на три условные части:

1) Характеристика предмета исследования, т.е. мечей с кольцом, рассмотрение имеющихся на сегодняшний день попыток их типологической группировки.

2) Рассмотрение некоторых гипотез относительно назначения кольца на навершии мечей, с кратким анализом их слабых и сильных сторон.

3) Оформление известного нам знания о мечах с кольцом в общем контексте вооружения Скандинавии эпохи Вендель и постановка новых вопросов, ответы на которые позволят исследователям углубить научное знание о таком непростом предмете исследования.

Исходя из обозначенной структуры работы, вновь повторюсь, что данная статья не претендует на то, чтобы дать окончательные ответы на все животрепещущие вопросы относительно мечей с кольцом – это было бы слишком самонадеянно с моей стороны! Однако настоя-

щий небольшой текст задается целью понять, что на сегодняшний день известно научному сообществу, а что требует дальнейшей разработки и, вероятно, новых подходов к решению.

Мечи с кольцом представляют собой достаточно классический германский тип меча эпохи Меровингов или, применительно для Швеции, эпохи Вендель, для которого было характерно установленное на одном из боков навершия кольцо. Исходя из составленной шведским исследователем Э. Бэмером типологии германских мечей 400-800 гг. [9], кольцами могли обладать мечи типа VI и, в крайне редких случаях, отдельные образцы мечей типа V, как, например, меч из Снартемо, о котором мы более подробно скажем в последующем. Согласно упрощенной типологии британского исследователя Уиллера, все мечи с кольцом относятся к четвертой группе [1]; [12, p. 25]. В общем и целом, можно сказать, что все образцы, на рукоятях которых у навершия было закреплено кольцо, обладали одной общей характеристикой: пирамидальным или подтреугольным навершием, на одну из сторон которого крепилось кольцо. Именно в контексте рассмотрения пирамидальных наверший мечи с кольцом рассматривал и немецкий археолог В. Менгин в своей работе «Меч в раннем средневековье» [11].

Конструкция установленного на навершие меча кольца и технология его изготовления позволяет выделить в этом массиве мечи с подвижными кольцами, яркими примерами коих могут служить англосаксонские мечи из Кента и Фавершама, а также некоторые ранние скандинавские находки, и мечи с литыми неподвижными кольцами, которые преимущественно относятся к более поздним образцам. Из таковых можно отметить, например, несколько мечей из собрания Государственного исторического музея в Стокгольме (HSM), а также некоторые поздние мечи из Финляндии и лангобардское навершие меча, которое датируется VII в. Британский исследователь Э. Оукшотт в своей книге «Меч в руке: краткий очерк о рыцарском мече» рассмотрел истоки клинкового оружия английских рыцарей и, в контексте анализа клинков т.н. «периода миграций»[1] проанализировал и мечи с кольцом, выделив 4 типа колец и способа их крепления к навершию меча [12, p. 23]. Вместе с этим, Оукшотт делает попытку определения хронологии бытования мечей с кольцом – он предполагает их существование в рамках середины V – начала VIII вв. [12, p. 23] и изначальное зарождение мечей с кольцом во франкском мире. Схожей позиции относительно хронологии придерживается современный болгарский исследователь В. Т. Васильев, который отмечает самую раннюю находку меча с кольцом серединой V в., а конец бытования относит к VII в. н.э. [15, p. 48-49]. В общем и целом, такая хронологическая характеристика бытования мечей с кольцом, с небольшими различиями у разных авторов, является общепринятой, чему может служить обоснованием работа немецкого исследователя Х. Штойера и его определение времени существования мечей с кольцом – примерно первая половина VI – первая половина VII вв. [13, s. 207].

Помимо археологических находок самих мечей с кольцом, нам известны их изображения и крайне скудные описания, которые также используются исследователями в качестве источников изучения различных аспектов бытования мечей с кольцом в скандинавском и, шире, германском обществе периода раннего средневековья. В качестве изображений мы имеем в виду, в первую очередь, пластины шлемов вендельского периода, на некоторых из которых изображены воины с мечами, у которых нередко можно заметить прикрепленное к навершию кольцо [10, p. 40]. Наиболее известными

[1] Под этим наименованием в зарубежной историографии нередко понимается как эпоха Великого переселения народов, так и эпоха Меровингов/эпоха Вендель, т.е. охватывает хронологический промежуток от III в. до VIII в. н.э. [Оукшотт, p. 25]

примерами таких пластин являются образцы из погребения Вендель XIV [8, с. 117], а также матрицы для изготовления таких пластин из Торслунда [8, с. 120]; [10, p. 26]. В качестве дополнительных примеров резонно также вспомнить находки из погребения в Саттон-Ху, в частности прорисовки пластин шлема из данного погребения, изображающие как одиночных воинов, так и целые их отряды, вооруженные мечами с кольцом. Предположительно, схожие изображения были и на пластинах шлема, найденного в Стаффордширском кладе, однако качество доступных цифровых изображений не позволяет однозначно утверждать это. Куда более редкими, в свете имеющихся в распоряжении данных, изображениями можно считать мелкую пластику в декоре иных предметов воинского гардероба. В частности, можно привести в пример лишь изображение звероподобного воина на одной из пластин ножен Гутенштейна из Зигмарингена, которые датируются VII в. [14]. Письменные источники, донесшие до исследователей информацию о мечах с кольцом, являются более поздними, и практически ничего не говорят о предмете нашего исследования. Широко известно описание богато сделанного меча с кольцом, который принадлежал Хельги сыну Хьёрварда – одному из известнейших героев Старшей Эдды:

8. «Мечи лежат
на Сигарсхольме,
четырьмя там меньше,
чем пять десятков;
есть там один
самый лучший,
золотом убран, —
гибель для копий.
9. С кольцом рукоять,
храбрость в клинке,
страх в острие
для тех, чьим он станет;
на лезвие змей
окровавленный лег,
другой обвивает
хвостом рукоять» [2, 8-9]

В общем и целом, можно отметить, что мечи с кольцом достаточно полно представлены перед исследователями в археологическом плане, однако практически не нашли отражения в письменных источниках, возможно, в силу их более поздней фиксации.

Как было отмечено ранее, в контексте изучения вопросов бытования мечей с кольцом в скандинавском обществе эпохи Вендель одним из до конца нерешенных вопросов является вопрос назначения этого самого кольца. Носило ли это кольцо какое-либо функциональное или культурно-символическое значение, и если да, то в чем оно заключалось? На этот достаточно серьезный вопрос исследователи предлагали отвечать поразному, однако среди наиболее распространенных обычно выделяются два. Предлагаем в рамках статьи именовать их «функциональным» и «символическим», поскольку подобные формулировки, хотя и не являются идеальными, позволяют достаточно точно характеризовать эти два вида предположений или объяснений назначения кольца на мече. Функциональное объяснение заключается в том, что кольцо как элемент меча предназначался для крепления т.н. «завязок мира» или «ремешков добрых намерений», которые должны были удерживать клинок в ножнах и не допускать его извлечения во время собраний. Такое предположение было выдвинуто после нахождения в 1933 г. на территории Норвегии меча с кольцом, которое было расположено не на навершии, а на нижней части гарды, обращенной к клинку и ножнам. Он известен как меч из Снартемо, и датируется вместе с захоронением ранним VI в. Вместе с этим, исследователи указывали на описание «завязок мира» в некоторых исландских родовых сагах, в частности, на эпизод из Саги о Гисли сыне Кислого:

«На Торкеле русская меховая шапка и серый плащ, скрепленный у плеча золотою пряжкой, а в руке меч. Тогда Халльбьёрн с мальчиками подходят ту-

да, где сидит Торкель. Вот заводит разговор один из мальчиков, тот, что постарше, и говорит:

— Что это за знатный человек сидит здесь? Не видывал я человека собой красивее и благороднее.

Торкель отвечает:

— Спасибо на добром слове. Меня зовут Торкель.

Мальчик сказал:

— Верно, нет цены тому мечу, что у тебя в руках. Не дашь ли ты мне взглянуть на него?

Торкель отвечает:

— Странная это просьба, но, пожалуй, я дам тебе взглянуть.

И протягивает ему меч. Мальчик взял меч, отступил немного, развязал завязки на ножнах и обнажил меч. Увидев это, Торкель сказал:

— Я ведь не разрешал тебе обнажать меч.

— А я и не просил у тебя разрешения! — сказал мальчик» [4, XXVIII]

Похожее описание можно увидеть и в Саге об Исландцах, которая повествует о событиях в Исландии XII-XIII вв. Так, «завязки мира» встречаются в сцене с сожжением хутора на Мошкарном Болоте: *«Гроа взяла меч Бронерез, развязала тесьму на ножнах (fridbönd) и подала Гицуру. Затем он обнажил меч»* [6, 172]. Однако на сегодняшний день эта версия назначения кольца на мече исчезла из работ исследователей, вследствие, во-первых, слабого обоснования, а во-вторых, отсутствия объяснения того факта, что более поздние образцы мечей с кольцом имели этот элемент в едином с навершием виде, а не в виде подвижного кольца [3, с. 70]. В качестве альтернативы было предложено т.н. символическое объяснение роли кольца на мечах. Его основная суть заключается в признании за кольцом своеобразного «маркера» принадлежности воина, владельца меча, к определенной группе воинов (вероятнее всего, дружине вождя), а также кольцо выполняло роль элемента оружия, на котором можно было дать клятву. Подобная интерпретация была характерна еще для ряда исследователей XX в., среди которых можно вновь отметить видного британского оружиеведа Э. Оукшотта: *«Как я уже говорил, в тот героический век кольцо было предметом, на котором можно было поклясться, точно так же, как и на оружии. Эти мечи представляют собой два почитаемых символа в одном: это оружие вождей, оружие, на котором приносят клятву верности»* [1, с. 135-136]. На сегодняшний день схожей символической интерпретации роли кольца на мечах придерживается британская исследовательница С. Брюннинг, которая также отмечает, что мечами с кольцом были вооружены элитные воины [10, p. 50]. Символическая интерпретация роли кольца на мечах достаточно интересна в том отношении, что позволяет дать ответы на некоторые трудные вопросы, нерешаемые с помощью интерпретации функциональной. По крайней мере, можно избежать ответа на вопрос о причинах трансформации колец с течением времени, а также достаточно уверенно дать ответ на вопрос о причинах исчезновения самих мечей с кольцом после первой половины VII в. в континентальной Европе и на территории Англии – традиционно их выход из употребления связывают с распространением христианства [15, p. 48]. Однако в таком случае появляются проблемы с причинами исчезновения подобных мечей на территории Скандинавии примерно в то же время, что и в среде других германских народов, поскольку христианство еще не было в первой половине VII в. и далее хоть как-то распространено в этом регионе. В довесок, в рамках символической интерпретации так же, как и в случае функциональной, проблема изменения вида колец от подвижных к полностью литым: чем было вызвано подобное изменение и почему изначально кольца на навершиях мечей были подвижными? В то же время, нам известен пример меча из Снартемо и, согласно карте немецкого

исследователя Штойера, некоторые образцы мечей с кольцом, расположенным не на навершии, а на гарде меча [13, s. 209]. Символическая интерпретация также не позволяет дать удовлетворительный ответ на вопрос о причинах такого расположения кольца на мече.

В рамках обсуждения доклада, послужившего основой для написания данной статьи, было выдвинуто предположение о раннем функциональном назначении кольца на мечах: оно могло выполнять роль крепления для темляка – петли, которую воин надевал себе на руку, чтобы избежать выпадения меча из ладони во время боя. По сути своей, это – некоторое развитие функциональной интерпретации кольца на мече, только в качестве основной его функции провозглашается крепление темляка, а не «завязок мира». Версия кажется автору настоящей статьи интересной, однако также не лишенной основных проблем функциональной интерпретации: безусловно, нам известны примеры темляков на скандинавском клинковом оружии, преимущественно описанные в исландских родовых сагах мечи (в этом контексте наиболее интересны пример из Саги об Эгиле с описанием поединка главного героя саги и его противника – Берг-Энунда [7, LVII], а также поединка из Саги о Гуннлауге Змеином языке [5, VII]), однако они относятся к более позднему времени и не объясняют причины трансформации кольца на мече. Также можно сказать, что, с учетом форм рукоятей на мечах эпохи Вендель, приспособление темляка на саму рукоять нарушило бы удобство хвата для воина, однако этот вопрос эргономики должен решаться в будущем проведением эксперимента с полноценной реконструкцией меча с кольцом, к которому будет приспособлен темляк.

Подводя итоги работы, хочется постараться составить формализованный ответ относительно известного на сегодняшний день знания о мечах с кольцом. В первую очередь, стоит сказать, что они получили распространение в среде разных германских народов и, возможно, даже имеет место их частичная выработка на общегерманской почве, однако существовали относительно непродолжительное время. Что у древних скандинавов, что у англосаксов и континентальных германцев, мечи с кольцом используются примерно с начала VI в. и до первой половины VII в., после чего выходят из употребления. В рамках этого хронологического промежутка кольца на самих мечах претерпевают изменения, и образцы, которые датируются VII в., уже имеют литые кольца, составляющие с навершием единое целое. Причины исчезновения и выхода из употребления колец на мечах достаточно хорошо устанавливаются для континентальных германцев и англосаксов, в то время как их выход из употребления в Скандинавии, на данный момент, остается без удовлетворительного ответа. Исходя из данных мелкой пластики, а именно изображений воинов на пластинах шлемов, можно предположить, что мечи с кольцом занимали достаточно важное место в общем комплексе вооружения Скандинавии эпохи Вендель, о чем может косвенно свидетельствовать количество воинов, вооруженных на этих изображениях мечами с кольцом на навершии. Вполне вероятно, что назначение у кольца на ранних этапах его существования могло носить функциональный характер, хотя нам пока что слабо представляется его суть, однако преимущественное его назначение было символическим. Дальнейшие исследования подобного типа мечей эпохи Вендель или, если рассуждать шире, эпохи Меровингов, как представляется автору, необходимо проводить с привлечением методов экспериментальной археологии и реконструкции, ряда естественнонаучных методов, преимущественно связанных с химией металлов, а также требуется уточнение и доработка изначального типологического разделения, предложенного Э. Оукшоттом, для мечей с кольцом.

Таково мнение автора данной статьи о современном состоянии и перспективах исследования одного из самых загадочных предметов вооружения раннего средневековья.

Список источников и литературы

1. *Окшотт Э.* Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Пер. с англ. М. К. Якушиной. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2021. – 424 с.

2. Песнь о Хельги сыне Хьёрварда [Электронный ресурс] // Северная слава. – URL: https://norroen.info/src/edda/helgah/ru.html (дата обращения: 27.12.2025).

3. *Покрищук А. Ю.* «Завязки мира» на скандинавском клинковом оружии: реальность существования // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 69-77.

4. Сага о Гисли сыне Кислого [Электронный ресурс] // Северная слава. – URL: https://norroen.info/src/isl/gisli/ru.html#XXVIII (дата обращения: 27.12.2025).

5. Сага о Гуннлауге Змеином Языке [Электронный ресурс] // Северная слава. – URL: https://norroen.info/src/isl/gunnlaug/ru.html (дата обращения: 27.12.2025).

6. Сага об исландцах [Электронный ресурс] // Северная слава. – URL: https://norroen.info/src/samtid/islendinga/ru.html#172 (дата обращения: 27.12.2025).

7. Сага об Эгиле сыне Скаллагрима [Электронный ресурс] // Северная слава. – URL: https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html (дата обращения: 27.12.2025).

8. *Хлевов А. А.* Предвестники викингов. – СПб.: Евразия, 2019. – 336 с.

9. *Behmer E.* Das Zweischneidige schwert der Germanischen Volkerwanderungszeit. – Stockholm, 1939. – 294 s.

10. *Brunning S. E.* The Sword in Early Medieval Northern Europe. – Woodbridge: The Boydell Press., 2019. – 213 p.

11. *Menghin W.* Das Schwert im Frühen Mittelalter. – Stuttgart: Konrad Theiss Verlag., 1983. – 391 s.

12. *Oakeshott E.* Sword in hand. A brief survey of the knightly sword. – Arms & Armor Inc., 2000.

13. *Steuer H.* Helm und Ringschwert Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. Studien zur Sachsenforschung 6, 1987. – Ss. 190-236.

14. *Steuer H.* Seit 1945 verschollen, jüngst wieder aufgetaucht – Die Schwertscheide von Gutenstein an der Oberen Donau. // Förderkreis Archäologie in Baden e. V: Archäologische Nachrichten aus Baden. Heft 76/77 (2008). – Ss. 74-75.

15. *Vasilev V. T.* Ring-sword in Early Medieval Europe // NAM, Anno 5, Fascicolo N. 17 Storia Militare Medievale (Febbraio), 2024. – Pp. 35-56.

Покрищук Александр Юрьевич – студент 4 курса, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, (г. Севастополь, Россия), pokrischuk_al@mail.ru

Хлевов Александр Алексеевич – научный руководитель – д. филос. н., к. и. н., профессор, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Севастопольский государственный университет, (г. Севастополь, Россия), hlevov@mail.ru

RING SWORDS IN THE GENERAL CONTEXT OF OFFENSIVE WEAPONRY IN SCANDINAVIA DURING THE VENDEL PERIOD

A. Yu. Pokrishchuk

The article is presented by the scientific supervisor, Doctor of Philosophy, Professor A. A. Khlevov.

The article is devoted to one of the most intriguing items of weaponry of the Scandinavians during the Vendel period – ring swords. To date, researchers face a number of questions regarding the use of this type of weapon. In particular, there is still no satisfactory explanation for the role of

the ring on these swords, and for the characteristics of ring swords as part of the Vendel period weaponry complex. The author characterizes ring swords, analyzes the main theories regarding the ring's function, and aims to systematize the existing knowledge about this weapon.

Keywords: ring sword, Vendel, typology, saga, Poetic Edda, weaponry, Scandinavians.

References

1. *Oakeshott E.* Arkheologiya oruzhiya. Ot bronzovogo veka do epokhi Renessansa [The Archaeology of Weapons: From the Bronze Age to the Renaissance] / Per. s angl. M. K. Yakushinoi. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2021. 424 p. (In Russ.)

2. Pesn' o Khel'gi syne Khyorvarda [The Lay of Helgi Hjörvarðsson]. [Electronic resource] // Severnaya slava [Northern Glory]. URL: https://norroen.info/src/edda/helgah/ru.html (last request: 27.12.2025). (In Russ.)

3. *Pokrishchuk A. Yu.* «Zavyazki mira» na skandinavskom klinkovom oruzhii: real'nost' sushchestvovaniya ["Peace-bands" on a Scandinavian Edged Weapon: the Reality of Existence]. Sotsiogumanitarnye kommunikatsii [Social and humanitarian communications]. 2024, no. 1(7), pp. 69-77. (In Russ.)

4. Saga o Gisli syne Kislogo [The Saga of Gisli Súrsson]. [Electronic resource] // Severnaya slava [Northern Glory]. URL: https://norroen.info/src/isl/gisli/ru.html#XXVIII (last request: 27.12.2025). (In Russ.)

5. Saga o Gunnlauge Zmeinom Yazyke [The Saga of Gunnlaug Serpent-Tongue]. [Electronic resource] // Severnaya slava [Northern Glory]. URL: https://norroen.info/src/isl/gunnlaug/ru.html (last request: 27.12.2025). (In Russ.)

6. Saga ob islandtsakh [The Saga of the Icelanders]. [Electronic resource] // Severnaya slava [Northern Glory]. URL: https://norroen.info/src/samtid/islendinga/ru.html#172 (last request: 27.12.2025). (In Russ.)

7. Saga ob Egile syne Skallagrima [The Saga of Egil Skallagrimsson]. [Electronic resource] // Severnaya slava [Northern Glory]. URL: https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html (last request: 27.12.2025). (In Russ.)

8. *Khlevov A. A.* Predvestniki vikingov [Harbingers of the Vikings]. Sankt-Peterburg: Evraziya, 2019. 336 p. (In Russ.)

9. *Behmer E.* Das Zweischneidige schwert der Germanischen Volkerwanderungszeit. Stockholm, 1939. 294 s.

10. *Brunning S. E.* The Sword in Early Medieval Northern Europe. Woodbridge: The Boydell Press, 2019. 213 p.

11. *Menghin W.* Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983. 391 s.

12. *Oakeshott E.* Sword in hand. A brief survey of the knightly sword. Arms & Armor Inc., 2000.

13. *Steuer H.* Helm und Ringschwert Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. Studien zur Sachsenforschung 6, 1987, ss. 190-236.

14. *Steuer H.* Seit 1945 verschollen, jüngst wieder aufgetaucht – Die Schwertscheide von Gutenstein an der Oberen Donau. Förderkreis Archäologie in Baden e. V: Archäologische Nachrichten aus Baden. Heft 76/77 (2008), ss. 74-75.

15. *Vasilev V. T.* Ring-sword in Early Medieval Europe. NAM, Anno 5, Fascicolo N. 17 Storia Militare Medievale (Febbraio), 2024, pp. 35-56.

Pokrishchuk Alexander Yuryevich – 4th year student, Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, (Sevastopol, Russia), pokrischuk_al@mail.ru

Khlevov Alexander Alekseevich – scientific supervisor – Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor at the Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, (Sevastopol, Russia), hlevov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 28.12.2025; принята к публикации: 03.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Покрищук А. Ю. Мечи с кольцом в общем контексте наступательного вооружения Скандинавии эпохи Вендель // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 7-14.

FOR CITATION:

Pokrishchuk A. Yu. Mech s kol'tsom v obshchem kontekste nastupatel'nogo vooruzheniya Skandinavii epokhi Vendel' [Ring Swords in the General Context of Offensive Weaponry in Scandinavia during the Vendel Period] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 7-14.

УДК 94

О ПРЕДМЕТАХ С ГЕРМАНСКИМИ РУНИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ II-V ВЕКОВ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. Ю. Иршин

Статья посвящена проблеме распространения рунической письменности в пределах расселения германцев в Восточной Европе в первой половине I тыс. н. э. Данная проблема раскрывается за счёт изучения самих предметов, на которые наносились рунические знаки, и контекста их обнаружения. Некоторые особенности существования рунической письменности в Восточной Европе также оказываются связанными с общими вопросами вельбаркской и черняховской культур.

Ключевые слова: Восточная Европа, руническая письменность, предметы с надписями, контекст, германцы, черняховская культура.

Введение.

На первый взгляд германцы в Восточной Европе вполне отчётливо фиксируются многими античными авторами. Ещё в работах Страбона и Тацита встречаются упоминания о германских племенах восточной Европы [12, книга VI]; [7]. Более подробными сведениями обладают другие источники, такие как Новая история восточноримского историка Зосима [3], и Гетика Йордана [4]. Таким образом, на территории Восточной Европы и Северного Причерноморья локализуются многочисленные племена, часто именуемые племенами готского союза: готы, гепиды, остроготы, визиготы, грейфтунги, тайфалы, герулы и другие. В источниках упоминается также множество племенных наименований, которым сложно дать точную этническую интерпретацию. К сожалению, античные авторы не всегда знали, как определить те или иные племена, потому для исследователей решение данного вопроса оказывается нелёгким. Тем не менее, существует несколько ключевых работ по этой проблематике [1];[9]. Стоит сказать, что достоверно германскими можно считать племена готского союза, как и собственно самих готов.

С точки зрения материальной культуры вопрос становится несколько шире, а именно потому, что к растолкованию названий племён подключается также сопоставление их с археологическим материалом. Общеизвестно, что германский компонент присутствует в двух археологических культурах: вельбаркской и черняховской.[1] Черняховская культура имеет ряд характерных черт: чёрная лощёная гончарная керамика [13, с. 92], биритуальные погребения [10, с. 25-39], наличие римского импорта [13, с. 93-94], дома, совмещённые с хозяйственными постройками (как аналогия длинным домам в Скандинавии) [10, с. 19-25], особенности типов украшений и их иконографических элементов [18, с. 188-195], стили [Там же…с. 320-323], а также орнаментация [10, с. 56-58]. Границы черняховской культуры постепенно расширялись с открытием новых памятников, и иногда с обобщением материала старых. В 50-х годах М. А. Тихановой были выделены несколько локальных вариантов черняховской культуры: среднеднепровская группа, группа памятников порожистого Днепра, приднестровская группа, группа бассейна Дуная, волынская группа [14, с. 171; с. 193-194]. Со временем эти границы углубились на юг и восток. Теперь же известны черняховские памятники в Белгородской и Курской областях [8]. Кроме то-

[1] Вопросы пшеворской культуры мной сознательно опущены, поскольку большинство из имеющихся предметов с германскими руническими надписями Восточной Европы имеют отношения к двум обозначенным культурам. Однако, до сих пор проблемным остаётся вопрос, где именно проводить границу между Восточной и Центральной Европой.

го, есть основания предполагать, что некоторые из носителей черняховской культуры доходили вплоть до хоры позднеантичного Херсонеса [20, с. 171-181].

Ко всем приведённым отличительным характеристикам черняховской культуры важно отнести также немногочисленные, но всё же имеющиеся свидетельства рунического письма (старшего футарка). Исследователями отмечается примерно около 10 предметов с предполагаемыми руническими надписями в черняховской культуре. Есть также несколько индивидуальных находок, а кроме того одна находка в составе клада. Не менее интересными предстают близкие по хронологии находки предметов с рунами в Польском Поморье. Несмотря на то, что вопрос о рунической письменности в Восточной Европе в I тыс. н. э. поднимался неоднократно [16]; [6], ещё не было попытки свести воедино имеющиеся сведения о находках в Польском Поморье и в ареале черняховской культуры. Необходимой задачей также становится прослеживание пути распространения рунической письменности в определённых выше границах расселения германцев.

Основная часть.

В Польском Поморье локализуется несколько предметов со старшими рунами. Прежде всего это скрамасаксы с несколькими рунами около хвостовика. Есть также предположения, что рунические знаки в единичной форме наносились на многие другие предметы – в первую очередь фибулы, кольца и другие украшения. Подобный вывод был сделан В. И. Кулаковым из-за сходства этих знаков с зональным орнаментом. После анализа материала он предположил, что одиночное нанесение рун могло быть из-за восприятия их как понятийных знаков или в виду перехода от орнамента к рунам в последствие [5, с. 437-450]. Ранние датировки предметов с руническими знаками в Балтии предполагают II-III века [5, с. 447-450], что несколько противоречит находкам в Дании, которые относят первые проявления рунического письма к середине I века н. э [25, с. 77-80, 87, 122]; [27]; [33]; [39]. В этом отношении крайне странно, что руническая письменность куда более часто встречается в регионе южной Скандинавии и Северной Германии в позднеримскую эпоху. В общем и целом, выделить предметы с ранними руническими надписями в Балтии не удаётся, однако, стоит учитывать скрамасаксы с нанесёнными руническими знаками как свидетельство существования в этом регионе рунической письменности, (рис. 1)[2] вероятней всего, в рамках вельбаркской культуры. Крайне любопытно выглядит предположение В. И. Кулакова о функциональном значении нанесения знаков на скрамасаксы – использование их для фиксации пальца [6, с. 99]. Тем не менее, к скрамасаксам из Балтии имеются несколько аналогий в Южной Германии, где, однако, часто нанесены полноценные надписи [28]; [29]; [38].

[2] Непонятно, что именно называет рунами на «ножах-кинжалах» В. И. Кулаков. Из показанных иллюстраций явно руническими знаками в привычном понимании являются знаки на скрамасаксе из погр.L-l Lauth/Большое Исаково (восточная окраина г. Калининграда). Остальные пока что остаются под вопросом.

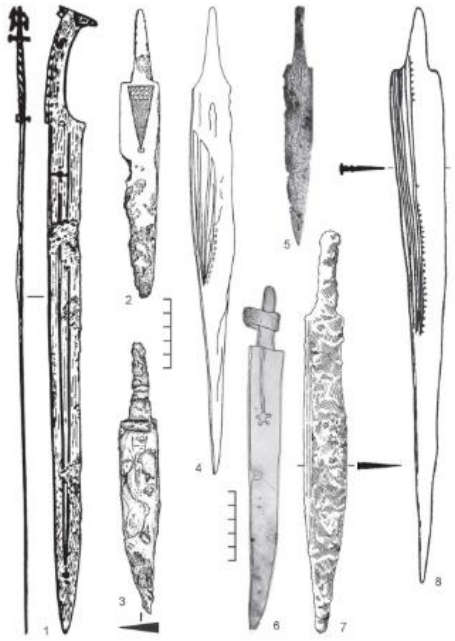


Рис. 1 Находки скрамасаксов в Балтии. Из работы В. И. Кулакова [6, с. 100]

На Южной Волыни в 1858 году в урочище Великий Гронд был найден известнейший наконечник с рунической надписью KJ33 | AZ2 [31] (рис. 3), который часто называют ковельское копьё или иногда наконечник из Сушично. Надпись на нём выглядит так: **(t)ilari(d)s**, переводимое как «стремящийся» или «нападающий» [11, с. 91]. Наконечник любопытен несколькими обстоятельствами. Первое состоит в том, что обнаружен он был воткнутым в землю и вне какого-либо контекста [17, с. 216]. В известной коллективной работе, посвящённой готскому пути и землям Oium, авторы предположили, что наконечник был брошен в знак завоевания территории – то есть, его положение обусловлено ритуальными действиями [19, с. 266-268]. Подобное подчёркивалось вторым обстоятельством: на наконечнике была расположена сарматская тамга. Те же авторы, за исключением М. Б. Щукина, в другой работе предположили, что нанесение сарматских тамг на германские парадные копья могло быть пометкой после победы над противником [2, с. 57-76]. Это же иллюстрируется продвижением готов на юг и вероятной войной со спалами [19, с. 255-259]. К иным выводам пришёл А. И. Яценко. Он предположил, что связь германских наконечников с сарматскими тамгами обусловлена культурными контактами германцев с сарматами – возможно заключение союза, подкреплённого браком знатных родов [22, с. 496]. Подобное сочетание тамг и рунических надписей встречается и на наконечнике из Розвадува KJ35 | AZ41 [37] (рис. 2), который найден относительно близко к ковельскому копью. На нём расположена надпись **(k)rlus**. С первого взгляда надпись считается непереводимой, однако, стоит предположить, что изначальная форма была **ek erilaZ** – я эрул [11, с. 92];[21, с. 238-249] Вполне вероятно, что надпись представляет собой деформированную форму написания частой формулировки. Возможно такое произошло в виду частичной потери знаний о рунах в этом регионе. Стоит заметить, что два наконечника с рунических надписями получают уникальный культурный контекст. Несомненно, подобные интерпретации требуют подтверждения новыми материалами в дальнейшем. Важно упомянуть также об исчезновении ковельского копья в годы Великой Отечественной войны [11, с. 89].

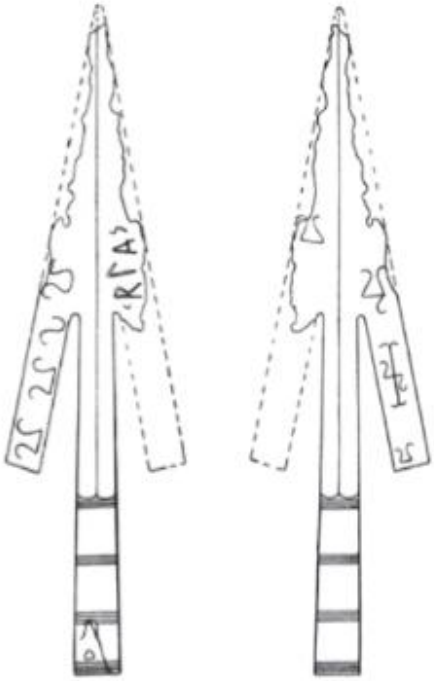


Рис. 2 Наконечник из Розвадува [2]

Рис. 3. Ковельское копьё [31]

Достаточно близко к находке наконечника из Ковеля расположено поселение около деревни Лепесовка, относимое к вельбаркской и черняховской культурам. Оно было изучено в 1957-1959 годах экспедицией ЛОИА под руководством М. А. Тихановой [15]. Среди находок было обнаружено множество уникальных образцов черняховской гончарной керамики: сосуды-чаши с зональным орнаментом, миски с пролощёнными крестами на дне и другие необычные предметы [Там же, с. 184]. Кроме этих предметов на поселении обнаружены и осколки керамики с графемами неясного происхождения. Некоторые из них интерпретируют как рунические надписи. Собственно, эта серия граффити представлена 7 осколками с предполагаемыми граффити и 1 пряслицем [18, с. 171-173] (рис. 4). Все керамические изделия Лепесовки датируются III-IV веками. При первичном осмотре граффити на осколках сосудов не вызывают явных ассоциаций с руническим письмом и вполне вероятно, что изображённые символы могли быть буквами греческого или латинского алфавита [15, с. 189-190].[3] Среди скандинавских материалов также встречаются руны на отдельных частях предметов, в частности на кости [30]. Особый интерес среди граффити Лепесовки вызывает осколок с изображением креста в круге. Надписи на пряслице две: первая находится на верхней части, другая на боковой. Е. А. Мельникова посчитала, что наверху находится руническая надпись и предложила свою интерпретацию символов [11, с. 96-98]. Тем не менее, оба граффити на пряслице лишь частично напоминают надпись, предположу, что они близки к орнаментации. Эту же мысль, как пишет Е. А. Мельникова, высказывала М. А. Тиханова [11, с. 97]. Следует обратить внимание, что рассмотрение серии граффити Лепесовки требует более детального изучения контекста. Пока что трудно сказать что-то определённое об этих предметах.

[3] Премного благодарен С. В. Воронятову за знакомство с серией граффити Лепесовки и за полезные советы.

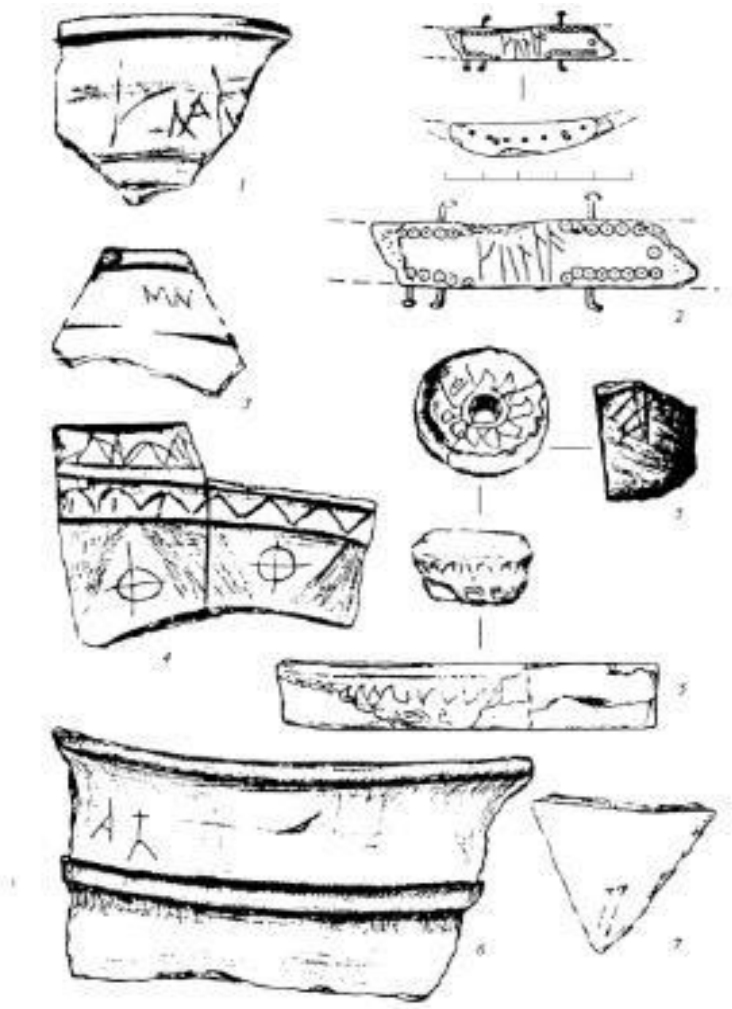


Рис. 4 Находки граффити и рунических надписей в черняховской культуре. Слева вверху – осколки из Лепесовки; справа вверху гребень из Грайворона; По центру пряслице, и осколок кувшина с крестом в круге («фадкройцем»). Из книги М. Б. Щукина «Готский путь» [18, с. 172]

Несколько иначе выглядят при рассмотрении предметы из Румынии. В Лецканах в погребении второй половины-конца IV века биритуального могильника культуры Синтана де Муреш-Черняхов (черняховской) было найдено пряслице с вполне сохранившейся рунической надписью Krause1969;153 [16, с. 15] (рис. 5). Надпись на нём выглядит так: **Idons ufthe[r]- Rae[n]o** [11]. В. Краузе интерпретирует эту надпись как разграничение на пряслице, которым могли пользоваться разные женщины. Перевод приблизительно такой: «Это ткань Идо здесь – Рагно» [23, с. 156]. Отличается перевод Тинеке Лоенга, она предположила, что надпись может означать: **rango: adons uf he(r)**. То есть: «кольцо Эды здесь ниже» [26, с. 261-264]. В этом случае заметно видимое отличие данного пряслица с рунами от пряслица из Лепесовки, поскольку встречается чётко прорезанная надпись, которую даже возможно прочитать. Руноподобные знаки встречаются и на кувшине из Раду-Негру [16, с. 15], здесь они представляют, возможно, соединённые между собой несколько графем, что напоминает биндеруны [25, с. 34]. В этом они заметно похожи на граффити Лепесовки, однако, всё также до конца не ясно имеет ли это отношение к рунам или к чему-то другому. Таким образом, находки из погребений в Румынии в чём-то отличаются от предметов Лепесовки, а в чём-то имеют параллели с ними. Но всё же пока что сходство прежде всего в том, что и те, и другие возможно представляют собой керамические изделия с рунами – что достаточно редко для Скандинавии и Западной Европы этого периода.

Рис. 5 Вверху: расшифровка пряслица из Лепесовки по Е. А. Мельниковой; внизу: пряслице из Лецкан по М. А. Тихановой. Взято из работы Щукин, М. Б., Мачинский, Д. А. Воронятов, С. В. [19, с. 278].

Остаются несколько предметов на границах черняховской культуры. Первый – золотое кольцо-гривна из Петроса в Румынии (др. варианты: Петроасале, Петроаса) KJ41| AZ4 (рис. 6) с надписью: **(g)ut(ani 1?)[0-1?](wi 0-1?)h(a)i(l)ag | (0-?) |** [36]. Кольцо при его обнаружении было размером в диаметре около 16 см и толщиной 1-1,5 см. К сожалению, артефакт был украден и, в конце концов, утерян, чему сопутствует почти детективная история [18, с. 374-375]. Найден он был в составе большого золотого клада примерно ступени D2 (380-420 гг.) в который входило объёмное количество золотой посуды и различных изделий из средиземноморья. Такой контекст позволил интерпретировать надпись на кольце как: **gutani owi hailag**, то есть как: священная клятва готов, где **gutani** – готская, **owi** – клятва/жертва, **hailag** – священная. Есть и несколько других трактовок надписи [Там же, с. 377], но остановимся на двух. Предполагалось, что надпись связана с событиями гуннского нашествия, как раз относящегося к ступени D2 черняховской хронологии, и была частью откупных платежей или дани, которую готы платили гуннам. Другое предположение исходит из более дробного прочтения надписи: **gutani o wi hailag** – священное место священное готов, где **gutani** – готов, готское; **o** – прочитывается в значении руны одаль – наследуемая земля; **wi** – священная земля, место жертвоприношений (в данном случае как усиление значения, возможно); **hailag** – священное. Это прочтение предложил В. Краузе [24, с. 135]. Исходя из этого было предположение, что кольцо могло висеть на воротах капища или жертвенника (собственно **wi**). Какое из предложенных чтений верное, пока что не представляется возможным определить: в первом случае на стороне интерпретации контекст, во втором надпись на гривне-кольце предстаёт в часто встречаемом стиле записи магических формулировок на ритуальных предметах. Похожие формулы есть на линдхольмском амулете или копье из Крагехула [35];[31]. Стоит осторожно предположить, что более ясная для нас интерпретация второго прочтения может звучать так: готская наследуемая земля – место священное. Тем не менее, важной особенностью кольца является наличие редко встречаемого самоназвания – **gutani**.

Рис. 6 Кольцо-гривна из клада в Петросе [36]

Есть и другой возможный пример рунической надписи в Восточной Европе с ономастикой. Это небольшой трёхчастный гребень с черняховского поселения в Белгородской области (рис. 4). В конце 90-х годов (точной даты нет) группа белгородских археологов-краеведов проводила разведки в Грайворонском районе, в ходе чего было найдено несколько интересных предметов, в том числе римская весовая гиря и костяной гребень [8, с. 120-121]. Материал авторы публикации, В. Г. Ерошенко, А. И. Семёнов, датируют примерно второй половиной IV века. В надписи на гребне они предлагают видеть имя: Гунта [Там же…с. 121]. Вопрос с гребнем крайне осложняется тем, что на данный момент неизвестно где находится весь материал. Кроме того, в устной беседе Н. Н. Болгов сообщил, что о проводимых раскопках не сохранилась документация. В. Г. Ерошенко и А. И. Семёнов, к сожалению, уже не живы. Осмотр зарисовки предмета позволяет предположить, что надпись возможно читается иначе: **kunla**, а не **gunta**. Однако подобное избавляет от сколько-нибудь близкой аналогии.

Резюмируя, следует отметить, что из всех предметов с руническими надписями в Восточной Европе II-V веков выделяются три группы: 1) предметы с отдельными знаками – скрамасаксы из Балтии; 2) Керамические изделия с граффити, которые пока лишь с очень малой долей вероятности можно отнести к проявлениям рунического письма; 3) Предметы с надписями, которые даже поддаются прочтению – наконечники копий, пряслице из Лецкан, кольцо-гривна из Петроса и костяной составной гребень из Грайворонского района.

Заключение

Таким образом, есть всего пять предметов с надписями, несколько предметов с отдельными рунами и корпус предметов с граффити, которые сложно отождествить с рунами. Как минимум три предмета из третьей группы сейчас стоит считать утраченными, что не позволяет провести повторное прочтение с оригинала. Вопрос о существовании рунической письменности на территории готского расселения представляет собой научную проблему, которая требует привлечение новых археологических материалов. Тем не менее, одна из главных особенностей черняховской культуры – руническая письменность, всё же явно проявляется в имеющихся материалах. Несмотря на то, что М. А. Тиханова помещала кольцо из

Петроса и Ковельский наконечник вне ареала черняховской культуры [16, с. 16], представляется возможным видеть связь этих предметов с черняховцами. Другой и не менее сложный вопрос – граффити. Вполне вероятно, что, работая с этими предметами, исследователи имеют дело с одной из гибридных форм записи футарка, которая сложилась в виду различных влияний и взаимодействий в среде готов III-IV веков. Возможно, подобному послужило использование нового материала – гончарной керамики. С такой стороны логичными выглядят выводы Е. А. Мельниковой об использовании скорописи на пряслице из Лепесовки [11, с. 97]. Предметы с явными руническими надписями представляют собой скорее всего присутствие в среде черняховцев выходцев из Скандинавии. В виду этого стоит присоединиться к выводам Тинеке Лоенга о том, что владелицей пряслица из Лецкан могла быть скандинавская женщина [26, с. 263]. Подобное расширяет представления об этнокультурных контактах в Восточной Европе первой половины I тыс. н. э. Предположу, что область Восточной Европы, где распространяется руническое письмо следует именовать Южной контактной зоной рунической письменности.

Список источников и литературы

1. *Буданова, В. П.* Готы в эпоху великого переселения народов: монография / В.П. Буданова, ответственный редактор академик Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1990. – 232 с

2. *Воронятов, С. В., Мачинский, М. А.* О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania–Sarmatia II : сб. науч. ст. по археологии народов Центр. и Восточной Европы посвящ. Памяти М.Б. Щукина / ред.: О.А. Щеглова [и др.] ; сост.: О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. – Калининград: [б. и.], 2010. – 404 с. – с. 57-76.

3. Зосим Новая история / Перевод и комментарии Н. Н. Болгова. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. – 344 с.

4. *Иордан. О* происхождении и деяниях гетов = Getica / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 436 с.

5. *Кулаков, В. И.* Руноподобные знаки и руны старшего футарка в древностях юго-восточной Балтии // Civitas et castrum ad mare Balticum, Riga, 2002. – с. 437-460.

6. *Кулаков, В. И.* О происхождении ножей-кинжалов // Записки ИИМК РАН, вып. 15, СПб, – с. 97-109.

7. *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения» / Издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко – М., Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. – 2 тома. – 443 с.

8. *Ерошенко, В. В., Семёнов А. И.* Новые поселения черняховской культур на юго-западе Белгородчины // В. В. Ерошенко, А. И. Семёнов Поселения: среда, культура, социум: материалы науч. конф. – СПб., Издательство СПб университета, 1998. – с. 119-122.

9. *Лавров, В. В.* Готы и Боспор в III в. н. э./ В. В. Лавров // Античный полис. – СПб., 1995. – С. 111-122

10. *Магомедов, Б.* Черняховская культура: Проблема этноса/ Б. Магомедов – Люблин, Издательство университета Марии Кюри-Склодовской, 2001. – 203 с.

11. *Мельникова, Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий / Е. А. Мельникова – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 496 с.

12. *Страбон.* География в 17 книгах: репринтное воспроизведение текста издания / Страбон, Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского под общей редакцией проф. С. Л. Утченко. Редактор перевода проф. О. О. Крюгер. – 1964 г. М.: «Ладомир», 1994. – 840 с.

13. *Тиханова, М. А.* Ещё раз к вопросу происхождения черняховской культуры // КСИА 12, 1970 г. – 89-94.

14. *Тиханова, М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры // СА. №4, 1957 – 168-194.

15. *Тиханова, М. А.* Раскопки на поселении III - IV вв. у с. Лепесовка в 1957-1959 гг. // СА. – 1963. – №2. – С.178-191

16. *Тиханова, М. А.* Следы рунической письменности в Черняховской культуре: статья // Средневековая Русь. – М., 1976 г. – с. 11-16.

17. *Шумовский, А.* Острие с рунической надписью, найденное в Сушично // Вестник археологии и истории. СПб., 1888 г., вып. VII – С. 200-220.

18. *Щукин, М. Б.* Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура) / М. Б. Щукин – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 576 с.

19. *Щукин, М. Б., Мачинский Д. А., Воронятов С. В.* «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. XIV чтения памяти Анны Мачинской СПб: «Нестор-История», 2011 – с. 246-291.

20. *Ушаков, С. В.* (2025). Варвары в позднеантичном-ранневизантийском Херсонесе: археологические материалы. Археология Евразийских степей, (5), 171-185. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.171.185

21. *Хлевов, А. А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII веках/ А. А. Хлевов. – СПб.: Евразия, 2002. – 336 с.

22. *Яценко, С. А., Добжаньска, Г.* Германские парадные копья II-III веков н. э. с сарматскими знаками // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. – М, 2012. – с. 494-507.

23. *Krause, W.* Die gotishe Runeninschrift von Letcani / W. Krause «Zeitschrift fur vergleichende Sprachforshung», – Bd. 83, H. I, 1969 – s. 153-161.

24. *Krause, Wolfgang, Jankuhn, Herbert* Die Runeninschriften im älteren Futhark / Wolfgang Krause, Herbert Jankuhn. – Göttingen : Vandenhoeck u. Ruprecht, 1966 – 340 s.

25. *Moltke, Eric* The runs and their origins. Denmark and Elsewhere/ Eric Moltke translated by Professor Peter G. Fotte, M. A., FIL. DR. – London Department of Scandinavian Studies University College, 1985. – 556 p.

26. Looijenga, Tineke The runic inscription of Letckani spindle whorl // Arheologia Moldovei, XIX, 1996, – p. 261-264.

27. Garbølle, wooden box [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/27 (last request: 14.03.2025).

28. Gräfelfing, sax [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/254 (last request: 14.03.2025).

29. Hailfingen, sax [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/162 (last request: 14.03.2025).

30. Horvnes, bone fragments [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/419 (last request: 14.03.2025).

31. Kovel, lance head [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/23 (last request: 14.03.2025).

32. Kragehul, lance [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/25 (last request: 14.03.2025).

33. Meldorf, brooch (Almgren Type II) [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/197 (last request: 14.03.2025).

34. Lętcani, spindle-whorl [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/210 (last request: 14.03.2025).

35. Lindholmen, bone piece [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/34 (last request: 14.03.2025).

36. Pietroasele, ring [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/38 (last request: 14.03.2025).

37. Rozwadów, spearhead [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/56 (last request: 14.03.2025).

38. Steindorf, sax [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/161 (last request: 14.03.2025).

39. Øvre Stabu, lance head [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/21 (last request: 14.03.2025).

Иршин Георгий Юрьевич – независимый исследователь, Институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет, (г. Екатеринбург, Россия), irshintovgin@mail.ru

ABOUT OBJECTS WITH GERMANIC RUNIC INSCRIPTIONS FROM THE 2ND-5TH CENTURIES FROM EASTERN EUROPE

G. Yu. Irshin

This article examines the spread of runic writing within the Germanic settlements of Eastern Europe in the first half of the 1st millennium CE. This issue is explored through a study of the objects themselves on which runic signs were inscribed and the context in which they were discovered. Some aspects of the existence of runic writing in Eastern Europe are also linked to common themes in the Wielbark and Chernyakhov cultures.

Keywords: Eastern Europe, runic writing, inscribed objects, context, Wielbark culture, Chernyakhov cultur.

References

1. *Budanova, V. P.* Goty v epokhu velikogo pereseleniya narodov: monografiya [The Goths in the Era of the Great Migration: A Monograph] / V.P. Budanova, otvetstvennyj redaktor akademik B. A. Rybakov. – Moscow: Nauka, 1990. – 232 p. (In Russ.)

2. *Voronyatov, S. V., Machinskij, M. A.* O vremeni, obstoyatel'stvakh i smysle poyavleniya sarmatskikh tamg na germanskikh kop'yakh [On the Time, Circumstances, and Meaning of the Appearance of Sarmatian Tamgas on Germanic Spears] // Germania–Sarmatia II : sb. nauch. st. po arkheologii narodov Centr. i Vostochnoj Evropy posvyashch. Pamyati M.B. Shchukina [Germania–Sarmatia II: Collection of Scientific Articles on the Archaeology of the Peoples of Central and Eastern Europe Dedicated to the Memory of M.B. Shchukin] / ed.: O.A. Shcheglova [et al.]; comp.: O. A. Radyush, K. N. Skvorcov. – Kaliningrad: [b. i.], 2010. – 404 p. – pp. 57-76. (In Russ.)

3. *Zosim.* Novaya istoriya [New History] / Perevod i kommentarii N. N. Bolgova. – Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. – 344 p. (In Russ.)

4. *Iordan.* O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov = Getica [Jordanes. On the Origin and Deeds of the Getae = Getica] / Vstupitel'naya stat'ya, perevod, kommentarij E. Ch. Skrzhinskoj. – Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1960. – 436 p. (In Russ.)

5. *Kulakov, V. I.* Runopodobnye znaki i runy starshego futarka v drevnostyakh yugo-vostochnoj Baltii [Rune-like Signs and Runes of the Elder Futhark in the Antiquities of the South-Eastern Baltic] // Civitas et castrum ad mare Balticum, Riga, 2002. – pp. 437-460. (In Russ.)

6. *Kulakov, V. I.* O proiskhozhdenii nozhej-kinzhalov [On the Origin of Knife-Daggers] // Zapiski IIMK RAN [Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], iss. 15, Saint Petersburg. – pp. 97-109. (In Russ.)

7. *Kornelij Tacit.* Sochineniya v dvukh tomakh. Tom I. «Annaly. Malye proizvedeniya» [Cornelius Tacitus. Works in Two Volumes. Volume I. "Annals. Minor Works"] / Izdanie podgotovili A. S. Bobovich, Ya. M. Borovskij, M. E. Sergeenko – Moscow: Nauch.-izd. centr «Ladomir», 1993. – 2 vols. – 443 p. (In Russ.)

8. *Eroshenko, V. V., Semyonov A. I.* Novye poseleniya chernyakhovskoj kul'tur na yugo-zapade Belgorodchiny [New Settlements of the Chernyakhov Culture in the South-West of the Belgorod Region] // V. V. Eroshenko, A. I. Semyonov. Poseleniya: sreda, kul'tura, socium: materialy nauch. konf. [Settlements: Environment, Culture, Society: Materials of a Scientific Conference]. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPb universiteta, 1998. – pp. 119-122. (In Russ.)

9. *Lavrov, V. V.* Goty i Bospor v III v. n. e. [The Goths and the Bosporus in the 3rd Century AD] / V. V. Lavrov // Antichnyj polis [The Ancient Polis]. – Saint Petersburg, 1995. – pp. 111-122. (In Russ.)

10. *Magomedov, B.* Chernyakhovskaya kul'tura: Problema ehtnosa [The Chernyakhov Culture: The Problem of Ethnos] / B. Magomedov – Lublin: Izdatel'stvo universiteta Marii Kyuri-Sklodovskoj, 2001. – 203 p. (In Russ.)

11. *Mel'nikova, E. A.* Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nakhodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian Runic Inscriptions: New Finds and Interpretations. Texts, Translation, Commentary] / E. A. Mel'nikova – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001. – 496 p. (In Russ.)

12. *Strabon.* Geografiya v 17 knigakh: reprintnoe vosproizvedenie teksta izdaniya [Strabo. Geography in 17 Books: Reprint Reproduction of the Text of the Edition] / Strabon, Perevod, stat'ya i kommentarii G. A. Stratanovskogo pod obshchej redakciej prof. S. L. Utchenko. Redaktor perevoda prof. O. O. Kryuger. – 1964 g. Moscow: «Ladomir», 1994. – 840 p. (In Russ.)

13. *Tikhanova, M. A.* Eshchyo raz k voprosu proiskhozhdeniya chernyakhovskoj kul'tury [Once Again on the Question of the Origin of the Chernyakhov Culture] // KSIA 12 [Brief Communications of the Institute of Archaeology 12], 1970. – pp. 89-94. (In Russ.)

14. *Tikhanova, M. A.* O lokal'nykh variantakh chernyakhovskoj kul'tury [On Local Variants of the Chernyakhov Culture] // SA [Soviet Archaeology]. – No. 4, 1957. – pp. 168-194. (In Russ.)

15. *Tikhanova, M. A.* Raskopki na poselenii III - IV vv. u s. Lepesovka v 1957-1959 gg. [Excavations at the Settlement of the 3rd-4th Centuries near the Village of Lepesovka in 1957-1959] // SA [Soviet Archaeology]. – 1963. – No. 2. – pp. 178-191. (In Russ.)

16. *Tikhanova, M. A.* Sledy runicheskoj pis'mennosti v Chernyakhovskoj kul'ture: stat'ya [Traces of Runic Writing in the Chernyakhov Culture: Article] // Srednevekovaya Rus' [Medieval Rus']. – Moscow, 1976. – pp. 11-16. (In Russ.)

17. *Shumovskij, A.* Ostrie s runicheskoj nadpis'yu, najdennoe v Sushichno [The Point with a Runic Inscription Found in Sushichno] // Vestnik arkheologii i istorii [Bulletin of Archaeology and History]. Saint Petersburg, 1888, iss. VII – pp. 200-220. (In Russ.)

18. *Shchukin, M. B.* Gotskij put' (goty, Rim i Chernyakhovskaya kul'tura) [The Gothic Way (The Goths, Rome, and the Chernyakhov Culture)] / M. B. Shchukin – Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. – 576 p. (In Russ.)

19. *Shchukin, M. B., Machinskij D. A., Voronyatov S. V.* «Gotskij put'», plodorodnejshie zemli Oium i vel'barksko-chernyakhovskoe poselenie Lepesovka ["The Gothic Way", the Most Fertile Lands of Oium, and the Wielbark-Chernyakhov Settlement of Lepesovka] // Evropejskaya Sarmatiya. XIV chteniya pamyati Anny Machinskoj [European Sarmatia. XIV Readings in Memory of Anna Machinskaya]. – Saint Petersburg: «Nestor-Istoriya», 2011. – pp. 246-291. (In Russ.)

20. *Ushakov, S. V.* (2025). Varvary v pozdneantichnom-rannevizantijskom Khersonese: arkheologicheskie materialy [Barbarians in Late Antique – Early Byzantine Chersonese: Archaeological Materials] // Arkheologiya Evrazijskikh stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes], (5), pp. 171-185. – DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.171.185 (In Russ.)

21. *Khlevov, A. A.* Predvestniki vikingov. Severnaya Evropa v I-VIII vekakh [Harbingers of the Vikings. Northern Europe in the 1st-8th Centuries] / A. A. Khlevov. – Saint Petersburg: Evraziya, 2002. – 336 p. (In Russ.)

22. *Yacenko, S. A.,* Dobzhan'ska, G. Germanskie paradnye kop'ya II-III vekov n. e. s sarmatskimi znakami [Germanic Ceremonial Spears of the 2nd-3rd Centuries AD with Sarmatian Signs] // Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoj. Trudy GIM. Vyp. 191 [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina. Proceedings of the State Historical Museum. Iss. 191]. – Moscow, 2012. – pp. 494-507. (In Russ.)

23. *Krause, W.* Die gotishe Runeninschrift von Letcani / W. Krause «Zeitschrift fur vergleichende Sprachforshung», – Bd. 83, H. I, 1969 – s. 153-161.

24. *Krause, Wolfgang, Jankuhn, Herbert* Die Runeninschriften im älteren Futhark/ Wolfgang Krause, Herbert Jankuhn. – Gottingen : Vandenhoeck u. Ruprecht, 1966 – 340 s.

25. *Moltke, Eric* The runs and their origins. Denmark and Elsewhere/ Eric Moltke translated by Professor Peter G. Fotte, M. A., FIL. DR. – London Department of Scandinavian Studies University College, 1985. – 556 p.

26. Looijenga, Tineke The runic inscription of Letckani spindle whorl // Arheologia Moldovei, XIX, 1996, – p. 261-264.

27. Garbølle, wooden box [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/27 (last request: 14.03.2025).

28. Gräfelfing, sax [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/254 (last request: 14.03.2025).

29. Hailfingen, sax [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/162 (last request: 14.03.2025).

30. Horvnes, bone fragments [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/419 (last request: 14.03.2025).

31. Kovel, lance head [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/23 (last request: 14.03.2025).

32. Kragehul, lance [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/25 (last request: 14.03.2025).

33. Meldorf, brooch (Almgren Type II) [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/197 (last request: 14.03.2025).

34. Lęţcani, spindle-whorl [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/210 (last request: 14.03.2025).

35. Lindholmen, bone piece [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/34 (last request: 14.03.2025).

36. Pietroasele, ring [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/38 (last request: 14.03.2025).

37. Rozwadów, spearhead [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/56 (last request: 14.03.2025).

38. Steindorf, sax [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/161 (last request: 14.03.2025).

39. Øvre Stabu, lance head [electronic resource] // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) – URL: https://www.runesdb.de/find/21 (last request: 14.03.2025).

Irshin Georgy Yuryevich – independent researcher, Institute of History, St. Petersburg State University, (Yekaterinburg, Russia), irshintovgin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025; принята к публикации: 04.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Иршин Г. Ю. О предметах с германскими руническими надписями в Восточной Европе // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 15-26.

FOR CITATION:

Irshin G. Yu. O predmetax s germanskimi runicheskimi nadpisyami v Vostochnoj Evrope [About objects with Germanic runic inscriptions from the 2nd-5th centuries from Eastern Europe] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 15-26.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

УДК 1751

СКАНДИНАВСКИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОТСКОГО ЯЗЫКА: ПОПЫТКА ФОРМАЛИЗАЦИИ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ

И. М. Виноградов

Статья представлена научным руководителем – д. филол. н., проф. Красухиным К. Г.

Идея о том, что Готы вышли из Скандинавии высказывалась еще готским историком Иорданом, что впоследствии было подтверждено топонимически и археологически. В настоящей статье автор обращается к вопросу готско-скандинавского единства на основании данных историко-лингвистических, которые связывают готский язык и древнескандинавский в плане общих фонетических преобразований, в конце также будут рассмотрены некоторые данные относительной хронологии.

Ключевые слова: готский язык, древнескандинавский язык, прагерманский язык, фонетический закон, готско-скандинавское единство, относительная хронология.

Закон Хольцмана

Первой и самой яркой чертой, которая связывает готский язык с языками северными в фонетическом плане, является реализация прагерманских долгих сонорных – **-jj-* и **-ww-*, которую обнаружил в середине 19 века немецкий лингвист Адольф Хольцман [1, с. 81]. Основная его суть в следующем:

Прагерманские долгие сонорные **-jj-* и **-ww-* в западногерманских языках сохранялись, в дальнейшем упрощаясь в краткие, а в восточных и северных германских языках наблюдается их *гуттурализация*(то есть образованием смычного призвука и в дальнейшем сохраняется и становится самостоятельным элементом), в результате чего мы наблюдаем рефлексы – *-ggj-*, гот. *-ddj-* (вероятно, через ступень палатального смычного *-ggʲ*) и *-ggw-*. Объясняется это наиболее интенсивным произношением долгих сонорных, в результате чего происходило усиление (нем. Verschärfung) сонорного с последующей его гуттурализацией [6, с. 138], [5, с. 93-103]. Так, например:

- гот. twaddje, ди. tveggja, – ср. двн. zweio, дс. tweio «двоих»;
- гот. triggws, ди. tryggr1, – ср. да. treowe, двн. Triuwi «верный»;
- гот. bliggwan, ди. blegði, – ср. двн. bliuwan «бить».

Прагерманское окончание *-z в древнеисландском и готском языке

Сохранение прагерманского окончания *-z, является чертой архаической, которая свойственна только северным и восточным германским языкам, в западногерманских языках оно, как правило, утратилось (но нем. wir < пгрм. *wiz, где *-z является частью корневой морфемы). В готском и древнескандинавском языках произошло изменение конечного *-z, в готском оно оглушилось (оглушение конечного фрикативного согласного). В древнескандинавском же произошло явление ротацизма, в результате чего, конечный звонкий *-z перешел в -r:

- гот. dags, ди. dagr, – ср. да. dæʒ, двн. tag, дс. dag «день»,

[1] В древнеисландском лабиальный призвук перед согласным утрачивался: tryggr < *tryggwaz

• гот. sunus, ди. Sun**r**, – ср. да. sunu «сын» [1-2].

Отсутствие удлинения согласных перед j

Следующая черта, присущая непосредственно западногерманским языкам, объясняет появление в западногерманских языках долгих согласных (геминированных) из сочетаний *согласный* + *j*, происходящее по схеме *согласный* + **j* > *геминированный согласный* [1, с. 89]. Некоторые лингвисты предполагают осуществление удлинения к V-VI вв. н.э. Удлинению подвергались все согласные, за исключением *r* (ср. ди. eria, но ср. да. erian, двн. Erien «пахать»), значительно реже происходило удвоение происходило перед плавными сонорными *r* и *l*. Также в единичных случаях зафиксировано удлинение перед n, m, w. Подобного удлинения не зафиксировано в восточно- и северогерманских языках. Например:

• гот. sa**tj**an, ди. se**tj**a, – ср. да. se**tt**an, двн. se**zz**en[2] «сажать»;

• гот. bi**dj**an, ди. bi**ðj**a, – ср. да. bi**dd**an, двн. bi**tt**en «просить» [1, с. 89];

• гот. Saljan «приносить жертву», – ср. да. sellan «давать» [3, с.55].

Примеры удлинения перед *r* и *l*:

• гот. snu**tr**s, ди. sno**tr**, – ср. да. sno**tt**or (snotor), двн. sno**tt**ar «мудрый»;

• ди. e**pl**i, – ср. да. æ**pp**el «яблоко».

Звонкие щелевые, в таком случае, переходили в соответствующие звонкие взрывные: *ff > *ßß > bb:

• гот. si**bj**a [siβja], ди. Si**f**[3] – ср. да. si**bb**, двн. si**bb**a/si**pp**a «кровное родство».

Относительно последнего рефлекса, можно также добавить, что в западногерманских языках произошел переход [ð] в [d] (в древневерхненемецком по второму передвижению согласных *d* переходит в *t*.), но которое не произошло в восточно- и северогерманских [4, с. 77-78]:

• гот. bei**d**an [biðːan], ди. bi**ð**a, – ср. да. bi**d**an, двн. bi**t**an,

• гот. fa**d**ar, ди. fa**ð**ir, ср. да. fæ**d**er, двн. fa**t**er.

Некоторые сведения из относительной хронологии

В этой части работы мы рискнем отнести указанные выше рефлексы к определенным этапам существования прагерманского языка.

Начну с явления сохранения в восточно- и северогерманских языках прагерманского окончания *-z, которое пособому реализовалось в обоих языковых группах. В них также есть некоторая общая черта, которая связывает оба этих языка, а именно – утрата конечного гласного, предшествующего указанному окончанию: ср. пргм. *dagaz > гот. dags, ди. Dagr. Такое явление объясняется динамическим ударением на первый слог, в результате чего конечный гласный подвергался редукции. Из чего мы можем сделать небольшое заключение, что изменение конечного согласного следовало по времени за утратой конечного гласного. Утрата тематического гласного совпала с уходом готов из Скандинавии (или же восточно-северного языкового единства), что в дальнейшем отразилось на различии рефлексов: оглушение *-z у Готов и ротацизм у Скандинавов. Из вышесказанного, можем предположить, что форма, реализовавшаяся в обоих языках, отличалась следующим: частичный или полным отсутствием конечного гласного, но еще сохранением звонкости конечного *-z, так как из звонкого в дальнейшем получилось окончание -r у скандинавов. Следовательно, праформа, относящаяся к моменту северо-восточного единства, должна выглядеть следующим образом: *dagz/*dagᵊz.

О законе Хольцмана можно сказать следующее: усиление произошло, когда готский и древнескандинавский языки находились в тесном языковом единстве или являлись единым языком, но при этом, были весьма обособлены от западногерманских языков, которые избежали подобного изменения (см. выше). Небольшая разница в рефлексах: дск. -ggj-;

[2] в древневерхненемецком по второму передвижению согласных t переходит в z[ts]

[3] Оглушение спирантов на конце слова: *f* < *b*[ß].

гот. -ddj-, можно объяснить готской инновацией. Поскольку, явление общее, можно предположить, что это изменение произошло ранее, чем изменение *-z, то есть, закон Хольцмана ему предшествует.

Сокращения

Да. – древнеанглийский
Двн. – древневерхненемецкий
Ди. – древнеисландский
Дс. – древнесаксонский
Гот. – готский
Пгрм – прагерманский

Список источников литературы

1. *Арсеньева М. Г.* Введение в германскую филологию: учебник для 1-2 курсов филол. факультетов ун-тов / М. Г. Арсеньева М. Г., С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. М. 2000. – 320 с.

2. *Блинов А. В.* Краткий курс готского языка. [Электронный ресурс] – 1999. 203 с. – URL: https://istina.msu.ru/download/89583009/1gC5Ek:vXZE7E-vDOi7876-GI28Ds8fCo0/ (дата обращения: 08.11.2025).

3. *Иванова И. П.* История английского языка: учебник для вузов / Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. СПб. 2006. – 560 с.

4. *Смирницкий А. И.* Древнеанглийский язык. М. 1955. – 318 с.

5. *Collinge N .E.* The laws of Indo-European. Amsterdam. 1985. – 308 p.

6. *Kluge F.* Urgermanisch: Geschichte der germanischen Dialekten. STRASSBURG. 1913.– 289 s.

Виноградов Иван Михайлович – студент 3 курса, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, (г. Севастополь, Россия), vano.vinograd.ov@gmail.com

Красухин Константин Геннадьевич – научный руководитель – д. филол. н., профессор, заведующий сектором общей компаративистики, Институт языкознания РАН, (г. Москва, Россия), krasukhin@iling-ran.ru

SCANDINAVIAN PHONETIC FEATURES OF THE GOTHIC LANGUAGE: AN ATTEMPT AT FORMALIZATION AND RELATIVE CHRONOLOGY

I. M. Vinogradov

The article is presented by the scientific supervisor, Doctor of Philology, Professor K. G. Krasukhin.

The idea that the Goths originated from Scandinavia was already expressed by the Gothic historian Jordanes and was later confirmed by toponymic and archaeological evidence. In the present article, the author addresses the question of Gothic-Scandinavian unity based on historical-linguistic data that connect the Gothic language and Old Norse through shared phonetic changes. At the end, some data pertaining to relative chronology will also be examined.

Keywords: Gothic language, Old Norse language, Proto-Germanic language, phonetic law, Gothic-Scandinavian unity, relative chronology.

References

1. *Arsenyeva M. G.* Vvedenie v germanskuyu filologiyu: uchebnik dlya 1-2 kursov filol. fakul'tetov un-tov [Introduction to Germanic Philology: Textbook for 1st-2nd Year Students of Philological Faculties of Universities] / M. G. Arsenyeva, S. P. Balashova, V. P. Berkov, L. N. Solov'eva. – Moscow, 2000. – 320 p. (In Russ.)

2. *Blinov A. V.* Kratkij kurs gotskogo yazyka [A Short Course of the Gothic Language] [Electronic resource]. – 1999. – 203 p. – URL: https://istina.msu.ru/download/89583009/1gC5Ek:vXZE7E-vDOi7876-GI28Ds8fCo0/ (last request: 08.11.2025). (In Russ.)

3. *Ivanova I. P.* Istoriya anglijskogo yazyka: uchebnik dlya vuzov [A History of the English Language: Textbook for Universities] / I. P. Ivanova, L. P. Chakhoyan, T. M. Belyaeva. – Saint Petersburg, 2006. – 560 p. (In Russ.)

4. *Smirnitskij A. I.* Drevneanglijskij yazyk [The Old English Language]. – Moscow, 1955. – 318 p. (In Russ.)

5. *Collinge N .E.* The laws of Indo-European. Amsterdam. 1985. – 308 p.

6. *Kluge F.* Urgermanisch: Geschichte der germanischen Dialekten. STRASSBURG. 1913. – 289 s.

Vinogradov Ivan Mikhailovich – 3rd-year student, Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, (Sevastopol, Russia), vano.vinograd.ov@gmail.com

Krasukhin Konstantin Gennadievich – **scientific supervisor** – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Sector of General Comparative Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), krasukhin@iling-ran.ru

Статья поступила в редакцию: 03.01.2026; принята к публикации: 03.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Виноградов И. М. Скандинавские фонетические особенности готского языка: попытка формализации и относительной хронологии // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 27-30.

FOR CITATION:

Vinogradov I. M. Skandinavskie foneticheskie osobennosti gotskogo yazyka: popytka formalizacii i otnositel'noj hronologii [Scandinavian phonetic features of the Gothic language: an attempt at formalization and relative chronology] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 27-30.

УДК 94

С КАКОЙ СТОРОНЫ РУСЫ В 860 Г. ЯВИЛИСЬ К КОНСТАНТИНОПОЛЮ?

М. А. Несин

Современник и очевидец набега русов на Константинополь 860 г. не упомянул, с какой стороны русы подошли к Константинополю, но дал понять, что русы напали из-за морей, омывавших Европу с севера. Не исключено что русы пришли как по рекам из Восточной Европы со стороны Черного моря, так и из скандинавских земель по морям вокруг Европы, через Средиземное и Мраморное моря.

Ключевые слова: поход русов на Константинополь 860 г., патриарх Фотий, русы, Черное море, Мраморное море.

Начиная с X в. в источниках о походе русов на Константинополь 860 г. сообщается, что они пришли к византийской столице со стороны Черного моря. На наш взгляд, первое однозначное упоминание об этом содержится в хронике Симеона Логофета (далее – СЛ) середины X ст., согласно которой русы приблизились к городу со стороны Иерона[1] – местности в северной части Босфора [12, с. 114-115, 117-118].(Как мы отмечали на прошлых «Скандинавских чтениях», сведения Продолжателя Феофана (далее – ПрФ) середины X ст. о том, что русы предали огню самый Понт, тогда не гостеприимный, можно понимать двояко, в частности, в том смысле, что русы пожгли побережье не самого Черного моря, а, к примеру, примыкающей к Константинополю бухты Золотой рог, а сообщение жития патриарха Игнатия (далее – ЖИ) начала X в. о набеге русов на черноморское побережье у входа Босфор и на Принцевы острова, по-видимому, отражает реалии какого-то иного набега: житийный набег не затронул предместья города, а если бы русы начали набег на Константинополь с разорения черноморских поселений у входа в Босфор, то он не был столь внезапным для горожан, как описан очевидцем, патриархом Фотием, к тому же ЖИ упоминает разорение русами монастырей, чем во время набега на Константинополь русы массово не занимались, поскольку глава византийской церкви Фотий, сообщая о жестоких расправах русов над жителями предместий, не упоминал ни о каких святотатствах [18, с. 51-52]). Как бы то ни было, все это уже X в., а в этом столетии Русская земля уже утвердилась в Восточной Европе к северу от Черного моря. Неудивительно, что по мнению византийских авторов X и последующих вв. русы ходили к Константинополю со стороны Эвксинского Понта.

Только к X ст. относятся и сведения византийских авторов о регулярных поездках русов к ромеям по р. Днепру (то есть, со стороны Черного моря) и о напа-

[1]В древнерусских источниках не упоминается этот топоним, восходящий к греческому слову «ιερό», (храм; в античности там стояли храмы греческим языческим богам). Поэтому в русском летописании, черпавшем сведения о походах русов 860 и 941 гг. на Царьград из славянского перевода одной из редакций хроники СЛ, этот непонятный храм заменен на «Суд» [21, с. 13, 22; 22, с. 105], примыкающую к городу Бухту Золотой рог, которую в раннем Средневековье закрывали цепью от недружественных или подозрительных кораблей, в том числе и от русских; греки, по летописным преданиям, закрыли «Суд» от войска Олега, а Ольга жаловалась, что ей пришлось простоять в «Суду» [8, с. 125-126]. (Впрочем, по версии П. В. Кузенкова, Олег высадился в северной части Босфора [13, с. 29], в 30 км от города. Однако, это противоречит летописному преданию, согласно которому Олег поставил корабли на колеса и когда ветер подул в паруса, они двинулись к городу и византийцы, увидев их, заключили с русским войском мир [21, с. 17]. Не было смысла рассчитывать на то, что ветер будет гнать 30 км поставленные на колеса суда, к тому же, если бы Олег, как полагает Кузенков, обогнул берегом гипотетический заслон в Иероне, ромеи бы успели закрыть цепью примыкающий к столице залив Золотой рог и приготовиться к обороне города. Поэтому нам кажется верной традиционная трактовка этого сюжета, согласно которой суда вытащили на берег у бухты Золотой рог [8, с.131-132; 21, с. 416; 3, с. 496]).

дениях русов на византийские владения из притоков Черного моря.

42 глава трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» сообщает о проживании русов в верховьях Днепра и плаваниях по Днепру к ромеям [11, с. 173]. Отметим, что поскольку тут же указано, что «Росия» граничит с землёй печенегов [там же], скорее всего фактически речь идет о лесостепном среднем Понепровье. Печенегов ромеи хорошо знали: те граничили с северными климатами Византийской империи. Так что никто из василевсов X в. не поместил бы этих степных кочевников в лесах Смоленской области. К слову, в данном трактате нет примеров упоминания среднего течения реки. Поэтому, не исключаем, что к верховьям Днепра здесь отнесено Среднее Поднепровье, которое находилось в сотнях км от Византийский пределов и не относилось к низовьям Днепра. О времени и авторстве этого упоминания русов высказаны разные версии: то ли оно было сделано Львом VI в начале X в. [34], то ли Константином VII в середине в. [39]. Поскольку русы в трактате – неславянский народ, давший порогам Днепра скандинавоязычные названия [11, с. 47, 322-325; 30], а в ходе археологических раскопок Киева найдены только отдельные скандинавские предметы первой половины X в. [9, с. 320-321], мы подозреваем, что представление византийского автора о русах, живших на Днепре рядом с печенегами сложилось уже к середине X в.

В трактате «Тактика» начала X в. византийского императора Льва VI Мудрого, в числе врагов Византии помимо «сарацинов» (критских арабов), использующих большие медленные «кумварии», есть упоминание как-то «называемых» «северных скифов», ходящих на быстрых и легких малых акатиях и не имеющих больших судов, ибо «впадают» в Черное море по рекам. В этой связи Лев VI рекомендовал своим подданным использовать против этих малых быстрых скифских судов иные, или, по крайней мере, по-другому снаряженные корабли, чем против больших медлительных сарацинских кумварий [ср. 35, с. 239-240]. Надо полагать, что северными скифы были по отношению к критским арабам. Ведь их суда противопоставлены сарацинским, а не кораблям каких-либо иных скифов.

В сравнительно поздней рукописи второй половины X в., указано, что этих северных скифов называют «Ρως» (росами, русами) [ср. там же, с. 239-240].

Некоторые специалисты считают это уточнение поздней вставкой. В недавних изданиях «Тактики» Дж. Деннниса В. В. Кучмы текст источника опубликован по наиболее ранней рукописи, в которой русы не фигурируют [40, pp. 532-533; 27, с. 305], а упоминание росов в более позднем списке Деннис не счел аутентичным или первичным [40, p. 533]. В свою очередь, А. С. Щавелев предполагает, что оно первично, так как наиболее грамотное: понятно, как именно называли северных скифов. Впрочем, наиболее ясное и грамматически верное чтение не всегда a priori является первичным, а не результатом более поздней редакторской правки. Поэтому сам Щавелев фактически не настаивает на правоте своей гипотезы, считая ее лишь наиболее вероятной [35, с. 240-241].

При этом, надо отметить, что в более раннем списке «Тактики» середины X в., в коем русы не фигурируют, после упоминания сарацинов имеется слово «βαβάρων» (варваров), которое, в свою очередь, отсутствует в более поздней рукописи, упомянувшей русов [ср.: там же, с. 240]. Поэтому не исключено, что Лев VI русов не упоминал, их вставил уже во второй половине X в. более поздний редактор, убравший слово «βαβάρων» и попытавшийся по-своему восполнить пропуск своего августейшего предшественника в описании северных скифов. Вероятно, это было сделано под впечатлением похода русов на Константинополь 941 г. явившихся, согласно Лиутпранду Кремонскому, (писавшему со слов своего от-

чима-очевидца), на малых кораблях, способных, в отличие от греческих, ходить по мелководью [5, с. 40]). Таким образом, сведения византийских авторов о том, что русы со стороны Черного моря регулярно ездили в Византию и нападали на византийские земли нельзя однозначно датировать раннее середины и второй половины X в.

С другой стороны, в венецианской хронике XV в. Флавио Бьондо, в целом повторявшего сведения о норманнском нападении на пригороды Константинополя более ранних венецианских хронистов, Иоанна Дьякона и Андрея Дандоло, имеется уникальное дополнение, что атаковавшие пригороды Константинополя норманны вернулись в Британское море [12, с. 152] – на пролив Ла-Манш, из чего А. А. Васильев, полагавший, что Бьондо опирался на некие уникальные источники, сделал вывод о нападении норманнов на Константинополь со стороны Средиземного моря [41, p. 31][2]. В то же время отметим, что Бьондо не уточнил, как пролегал маршрут норманнов – пересекли ли они Европу по рекам или обогнули по морям. Интересно, что младший современник Ф. Бьондо, венецианец Марк Сабеллик, полагая, что у Бьондо подразумевался кружной морской путь, тем не менее, счел нужным оговориться относительно речного пути по Истру (Дунаю) [12, с. 153-154]. К тому же, надо учесть, что, на Британском море (на Ла-Маше, то есть, в Нормандии), норманны, как известно, обосновались уже в X в. Отметим, что Бьондо ошибочно отнес к одному и тому же времени такие разновременные события, как правление Карла Лысого (около середины IX в.), арабское завоевание Крита (первая половина IX в.) и проживание норманнов на Ла-Манше (не раннее X в.) [12, с. 152]. Поэтому венецианский хронист эпохи Ренессанса демонстрировал отнюдь не знание уникальных источников [Ср.: 41, p. 31; 12, с. 152], а стремление показать эрудицию в области раннесредневековой истории, на деле перепутав события разных поколений и даже веков. Так что использовать его измышления в качестве

[2]Впрочем, Васильев не связывал этот описанный в венецианских хрониках поход норманнов с нападением русов, отмечая, что в венецианских хрониках указано иное число судов, чем в византийских – у русов и что поход норманнов завершился триумфом, в то время как русы, по словам византийских хронистов погибли [41, p. 31-41]. Однако эти аргументы не являются убедительными. Во-первых, нарративные источники нередко во много раз расходятся в оценках количества войск в одном и том же походе. Никто из ученых не дублировал поход Игоря на Константинополь 941 г. на том основании, что Л. Кремонский упоминал у Игоря более 1000 судов [5, с. 39], а хроника СЛ – 10000 [29, с. 231,] или поход Ярослава на Киев 1015/1016 г. из-за того, что по разным летописным версиям у Ярослава было не то 4000, не то 41000 воинов [21, с. 62; 22, с. 175]. Во-вторых, гибель русов в походе на Константинополь 860 г. как известно, упомянута в сравнительно поздних византийских источниках X-XI вв., в хронике СЛ и в Брюссельской хронике. Очевидец набега русов, патриарх Фотий отмечал, что русы обогатились от набега на предместья Константинополя [12, с. 57], что отвечает версии венецианских хроник об успешном разорении пригородов Константинополя норманнами. При этом источники не упоминают о 2-х нападениях на пригороды Константинополя на рубеже 850-х – 60-х гг. в царствование Михаила III (за исключением разве что поздней Никоновской летописи XVI в., в которой описание похода русов 860 г. приведено несколько раз, будучи переписано из разных источников [28]). Поэтому большинство историков относит эти описанные в венецианских хрониках события к походу русов 860 г. и версия А. А. Васильева об отдельном норманнском набеге на Константинополь за редким исключением [37, с.277] не имеет поддержки в историографии. Ныне М. К. Юрасов пытается выявить еще один набег русов на Византию, состоявшийся в 865 или 866 гг., кончившийся для русов неудачно; следы этого набега ученый пытается проследить в Никоновской летописи или в Брюссельской хронике [37; 38, с. 179] хотя сведения последней вполне перекликаются со сведениями о массовой гибели русов в буре в хронике СЛ [18, с. 45; 19, с. 235], которые ученый не решается связывать с гипотетическим походом русов на Византию середины 860-х гг. Аргументация Юрасова является весьма уязвимой: ученый вынужден признавать правоту О.В. Творогова, что все упоминания Никоновской летописи о походах Аскольда и Дира на Царьград относятся к одному походу 860 г. [37, с. 280], а современник Фотий в Окружном послании упомянул лишь об одном нападении русов «на Ромейскую державу» [38, с. 179]. Отметим, что исследователь исходит из ошибочного мнения, что русы могли креститься при Фотии лишь вследствие неудачного военного похода на Византию [37; 38, с. 179]. Между тем, средневековые страны не всегда принимали христианство после военных неудач. Крещение Руси при Владимире Святом в конце X в. состоялось в благополучное для Киева время. Таким образом, предпринятые в историографии отдельные попытки выявить 2 или 3 нападения на Константинополь при Михаиле III стоит признать неудачными.

надежного источника о походе русов на Константинополь в 860 г. не приходится.

Поэтому на первом месте должны быть свидетельства очевидца этого набега 860 г. – константинопольского патриарха Фотия.

Едва ли нужно далеко идущие выводы из того, что Фотий в первой гомилии на нашествие русов (далее – Г1) называл напавших на предместья города «скифским народом», «народом севера» и «грозой гиперборейской» (перевод П. В. Кузенкова [12, с. 31-32, 35]. Историки не пришли к согласию, кого понимать под скифами: четкой северной границы расселения скифов-гиперборейцев византийские авторы не обозначают. Если М. В. Бибиков считает, что скифы по мнению византийских книжников в основном жили в районе Черного моря (хотя при этом ссылался на слова Михаила Хониата, отнесшего к скифской пустыне Скандинавию [2, с. 99]), то А. С. Щавелев на основании упоминания русов как северных скифов в одном из списков «Тактики», склонен считать русов самыми северными скифами [35, с. 243], хотя, как указано выше, северные они по сравнению с «сарацинами», (заметим, что сам Щавелев писал в аннотации к данной работе, что в источнике «описываются корабли «северных скифов» в сравнении с кораблями сарацин» [там же, с. 239], критских арабов, что подходит как для жителей северной части Европы, так и Причерноморья). Наконец, П. В. Кузенков полагает, что термин «скифы» при византийском императоре Михаиле III не имел четкой этнической характеристики: этот василевс называл латынь скифским наречием [12, с. 43-44] (Впрочем, данный пассаж можно понимать двояко, в частности, как нелицеприятное сравнение римского церковного языка с наречием вполне конкретного варварского этноса).

Стоит приглядеться к следующему пассажу Г1: [русы] «нападали оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней» [12, с. 35]. Отметим, что константинопольский патриарх не мог так охарактеризовать издавна колонизированные греками Черное и Азовское моря и указать их во множественном числе: маленькое Азовское море греки считали не морем, а Меотским озером. Надо полгать, что речь шла о морях, омывавших Европу с севера, которые были по византийским меркам населены не самыми цивилизованными народами и средневековым византийским книжникам могли казаться дикими морями без приличных пристаней. Недаром М. Хониат ту же Скандинавию называл пустыней. Упомянутые Фотием судоходные реки обычно воспринимают как указание на то, что русы пришли по ним (иногда разве что считают этот пассаж «риторическим» [36, с. 318], что, честно говоря, напоминает уход от сложной загадки, поскольку никаких свидетельств об условности или риторичности этих слов Фотия никто не нашел [19, с. 242]). Вместе с тем, Фотий прямо не указал, что русы пришли по рекам и с какой стороны они явились к Константинополю. Наоборот, в обеих гомилях на нашествие русов неоднократно упоминал внезапность появления русов у города [12, с. 32, 35, 56, 59-60]. Ясно одно: по представлениям Фотия эти дикие моря без пристаней отделялись от Константинополя реками. А шли ли русы через континент по рекам, или в обход Европы через Средиземное и Мраморное моря, остается загадкой. У Фотия сказано про стремительность нападения и свирепость кораблей русов, но к какому классу относились эти корабли: морскому или смешанному, не понятно, очевидно лишь то, что речь шла о быстрых парусных судах, а не о мелких челнах, вмещавших несколько человек [18, с. 45].

Интересны слова второй гомилии Фотия (далее – Г2), высказанные при описании появления кораблей русов около города: «когда тихое и спокойное море раскинулось гладью, предоставляя им удобное и приятное плаванье, а на нас, бушуя, вздыбило волны войны» (пе-

ревод П. В. Кузенкова) [12, с. 59]. Что за море имелось в виду, не ясно. Примыкавшее с юга к Константинополю небольшое Мраморное море греки называли не морем, а Пропонтидой (Предморьем). Впрочем, едва ли Фотий получил оперативную сводку погоды с лежавшего в 30 км от его города Черного моря. Поэтому возможно, что де факто он описал открывающийся прямо из города вид на Пропонтиду.

О том, что, по мнению ромеев русы в раннем Средневековье ходили не обязательно только со стороны Черного моря, свидетельствует известный пассаж сохранившегося в рукописи X в. жития Георгия Амастридского (далее – ЖГА), согласно которому русы, «начав разорение с Пропонтиды и разорив прочее побережье, дошли до отчества святого» [г. Амастриды] (перевод В. Г. Васильевского) [4, с. 129-130]. Его парадоксальным образом иногда понимают, как свидетельство о локализации русов в «северопричерноморском регионе» (тот же М. В. Бибиков, например, [2, с. 101]). Хотя для того, чтобы попасть в расположенный на черноморском побережье Малой Азии город Амастриду (нын. Амасру) из Пропонтиды (Мраморного моря), надо было идти не с севера, а с юго-запада. Поэтому ближе к истине Е. А. Шинаков, полагающий, что русы шли в Черное море со стороны Эгейского [32, с. 162]. (Можно домысливать, что русы шли по Днепру через Черное море, сделав крюк в Мраморное и затем повернув обратно. Однако это никак не вытекает из источника, следовательно, является геропизмом. ЖГА сообщает о движении русов именно со стороны Мраморного моря). Вопрос о достоверности «росского» сюжета ЖГА, или, по крайней мере, авторстве и датировке памятника, сохранившегося в рукописи X в., остается открытым. (Большинство ученых считают ЖГА памятником второй эпохи иконоборчества, созданным не позднее 842 или 843 г Игнатием Дьяконом [Об этом: 12, с. 4-5; 16, с. 20].Но, как отметил А. П. Каждан, позиции исследователей, находивших лексические параллели памятника с другими произведениями И. Дьякона или, наоборот «росского» сюжета с гомилиями Фотия на нашествие русов оказываются в равной степени уязвимыми: во-первых, такие параллели можно объяснить не прямыми заимствованиями, а схожестью сюжетов и предметов, а во-вторых, ввиду привычки византийских книжников заимствовать друг у друга все, что можно, по лексическому или стилистическому сходству разных памятников не всегда можно судить о наличии у них общего автора; к тому же в ЖГА есть немного упоминаний икон и восхваление лиц, возродивших в Византию иконопчитание, что не позволяет уверенно относить это произведение к временам иконоборчества [7, с. 463-465]). Вместе с тем, здесь важно то, что по представлениям византийских интеллектуалов IX или X ст. русы могли приходить не только со стороны северного Причерноморья.

Против возможности нападения русов на предместья Константинополя со стороны Средиземного и Мраморного морей были высказаны два косвенных аргумента.

1) Неизвестны раннесредневековые походы в южные моря вокруг Европы дальше Италии. Например, по утверждению П. В. Кузенкова, «Известно, что около 859-861 гг. датские норманны во главе с Бьёрном (сыном Рагнара Лодброка) и Хастингом на 62 кораблях совершили успешный поход в Средиземноморье и взяли г. Луна (Луни) в Италии (викинги приняли его за Рим). Это нападение на западноитальянское побережье стало беспрецедентным по дальности для эпохи викингов и нашло отражение не только в западноевропейских хрониках, но и в исландских сагах. Ввиду этого сложно допустить, что в то же время какие-то западные норманны… добрались до Константинополя, удачно разграбили его пригороды и вернулись с добычей». [12, с. 154]. Почему же «сложно допустить»? Западноевропейские хроники во-

обще не упоминают о раннесредневековых военных походах на Константинополь, а исландские саги освещают деяния не всех представителей датского королевского рода. К примеру, Рерик Ютландский, действующий в IX в. на северных морях, в них не упомянут. Поэтому не стоит ожидать от них упоминания всех походов в южные моря. И нет резона утверждать, что, к примеру, какие-нибудь датчане вроде того же Хастинга, не могли совершить не воспетый в исландских сагах рейд до предместий Константинополя. При имеющейся в научном обороте отнюдь не исчерпывающей источниковой базе аргумент ex silentio в пользу того, кто куда не ходил, не является исчерпывающим.

2) Флотилию русов ромеи перехватили бы в Средиземном море. Это, к примеру, в частной переписке высказал военный историк О. В. Комаров, ошибочно считавший, что в то VIII-X вв. мусульманские пираты не проникали дальше Эгейского моря. Однако, ПрФ, написавший в середине X в. по поручению Константина Багрянородного жизнеописание византийских царей, в разделе о правлении Михаила III, сразу после упоминания о набеге русов на Константинополь, сообщает, что критяне примерно на трех десятках кораблей («до двадцати кумвариев, семи галей и нескольких сатур») безнаказанно грабили и разбойничали «вплоть до всего приконисского побережья» (перевод Я. Н. Любарского) [23, с. 84] – до острова Проконесс (Мармара) в Мраморном море. Следовательно, по представлениям раннесредневековых византийцев ватага морских разбойников на немногих десятках кораблях в царствование Михаила III благополучно проникала через Эгейское море в Мраморное, на котором расположен и Константинополь. Флотилия русов, напавшая в 860 г. на пригороды Константинополя была того же порядка. Современник и очевидец набега, константинопольский патриарх Фотий, в обеих гомилиях на нашествие русов, хоть и выражал опасения, что русы захватят город, не упомянул о многочисленности русов и их судов. Зато при цитировании Пс 80 (79): 14 Фотий принципиально воздерживался от сопоставления русов с крупным зверем – кабаном, а сравнивал с мелкими полевыми зверьками, и сообщал о внезапном появлении, стремительном, как морская волна, нападении на закате и столь же неожиданном быстром уходе русов вскоре после окончания ночи [12, с. 32, 36, 37, 56–60], что скорее напоминает небольшой стремительный рейд единиц десятков судов, чем нашествие армады на сотнях кораблей [18][3]. При том, что, что весь военный флот Византии насчитывал сотни кораблей [12, с. 120], армада из 200 а тем более из 360 кораблей, упомянутых в относительно поздних хрониках, должна была быть недвусмысленно упомянутая Фотием как крупная [19, с. 233; 20, с. 23]. А при том, что ромеи в раннем Средневековье озаботились перекрывать цепью только бухту Золой рог (цепные башни на Босфоре со стороны Мраморного моря и в Иероне появились позднее)[4], мы тем более не

[3]Эти выводы вызвали острую критику со стороны антинорманиста М. И. Жиха (См. №№3-4 журнала антинорманистов «Исторический формат» за 2023 и 2024 гг.), для которого сведения сравнительно поздних хроник об участии в этом походе сотен кораблей являются основным аргументом в пользу нескандинавского, аланского, происхождения русов (см. Статью С. Н. Беззаконова и М. И. Жиха в № 4 за 2019 г. журнала «Исторический формат»). Однако Жих не смог привести убедительных доводов в пользу существования у русов в 860 г. армады из сотен кораблей, многодневного пребывания русов под стенами византийской столицы, наличия неких ранних источников у сообщений сравнительно поздних хроник о сотнях судов русов, причастности к походу русов донских алан (как и участия донских алан в дальних морских походах); при этом М. И. Жих исходит из ошибочного представления, что напугать жителей огромного города Константинополя могли только тысячи воинов на сотнях судах, хотя оно легко опровергается сильной паникой, созданной в 1621 г. налетом 15-16 казачьих чаек на Стамбул, население которого в XVI–XVII вв. достигало около 500-700 тысяч человек (это при том, что правитель с войском в то время в городе не отсутствовали, как это было в 860 г.) [19; 20]. К тому же, М. И. Жих предпочел обойти молчанием наше замечание, что Фотий писал о приходе русов не из Подонья и Придонечья, а из-за морей, омывающих континент с северной стороны [19, с. 242].

[4]П.В. Кузенков полагает, что ромеи закрывали Босфор цепью у Иерона еще в раннем Средневековье. Уче-

уверены, что корабли русов должны были быть оперативно отслежены и перехвачены имперским флотом на Средиземном море.

Так что невозможно сделать однозначный вывод, с какой стороны русы пришли в 860 г. в предместья Константинополя. В этом смысле мы согласны с заключением А. С. Щавелева и А. А. Фетисова «что ни один письменный источник IX в. не содержит непосредственной эксплицитной информации о географических локусах, связанных с русью» [36, с. 318]. Во-первых, надо отделять свидетельства очевидца Фотия об этом набеге от сведений более поздних источников X и последующих столетий, созданных уже во время устойчивого существования Руси в Восточной Европе. И у Фотия нет однозначной информации о том, с какой стороны русы зашли к Константинополю (дело не в предполагаемой этими учеными условности упоминания о реках [там же], а в том, что реки – это ориентир Фотия, а не часть маршрута русов). При этом, по мнению Фотия, русы приходили не из Причерноморья, а из-за северных морей. А как пролегал их путь: по рекам Восточной Европы и через Черное море, или морями в обход Европы, остается загадкой.

Брюссельская хроника донесла до нас дату прихода русов к Константинополю – 18 июня [12, с. 156]. Г2 упоминает о приходе русов на закате и пребывании под стенами города чуть больше одной ночи [12, с. 58-59], то есть, в пределах суток [18]. Следовательно, уход русов из-под Константинополя стоит отнести к 19 числу [20, с. 25]. Источники умалчивают о том, когда русы начали поход, когда вернулись и планировали ли изначально атаку на предместье византийской столицы, или задумали ее уже в византийских водах, узнав об отлучке из города василевса с войском. Поэтому у исследователей иногда возникает соблазн логически домыслить за источники ответы на подобные вопросы. К примеру, по мнению А. В. Назаренко русы могли прийти к Константинополь к 18 июня не дальше, чем из Киева: по приблизительным расчетам ученого, из Поволховья им надо было бы отчалить не позднее конца апреля-начала мая, что, по его мнению, на практике было невозможно [16, с. 33-34]. Однако А. В. Назаренко не подкрепил этот вывод аргументацией. Поэтому его утверждение что русы не могли успеть к тому времени собраться в поход, остается его личным мнением, а не установленным фактом (к тому же ученый исходил из завышенных данных поздних хроник о наличии у русов армады в сотни кораблей [там же]). Между тем, в лесной зоне Восточной Европы в Средние века войска неоднократно выступали в речные походы не позднее апреля-начала мая. 2 мая 1341 г. псковская лодейная рать совершила рейд по р. Омовже (Эмайыги) [24, с. 93]; ряд московских речных судовых походов на Казанское ханство XV-XVI в. начался апреле, например, крупный конно-судовой поход на Казань 1487 г. начался в Великий четверг (то есть, 12 апреля [17, с. 79-80]). Ни вечевой Псков, ни московские великие князья не создали регулярной армии, однозначно способной собираться в речные судовые походы значительно быстрее, чем в эпоху викингов.

Между тем, русы, по вышеуказанным сведениям Константина Багрянородного даже в середине X в. не ославянились, представляя собой отдельный от славян народ, давший скандинавоязычные названия днепровским порогам. Поэтому если набег русов на Константинополь 860 г. начался с территории будущей Руси, стоит согласиться с Л. Н. Аряевым,

ный сослался на неясные сообщения арабских историков аль-Марвази о цепях на некоем «халидже» (заливе /проливе) у Константинополя и аль-Масуди о неком городе Мусанна, каким-то образом преграждающим путь судам русов [13, с. 27-29]. Вместе с тем, Кузенков сам отметил, что крепость с цепью в Иероне известна уже в поздневизантийское время, когда Иероном владели генуэцы, а приведенный ал-Марвази термин «халадж» имел разные значения: пролив / залив и понимался в историографии как обозначение бухты Золотой рог [там же, с. 27-28]. И, конечно, все это не отменяют отсутствие в I тысячелетии н. э. на Босфоре крепостных башен, необходимых для крепления цепей.

что он исходил «из любого… места Восточной Европы, где сумели закрепиться скандинавские находники [1, с. 191]. А поскольку русы согласно Г2, обогатились [12, с. 57], то также стоит отдавать предпочтение поселениям, на которых археологи нашли византийские предметы и монеты IX в. Этим критериям в Восточной Европе соответствуют только Старая Ладога, Рюриково городище и Гнездово. (До недавнего времени появление поселения в Гнездово датировали рубежом IX-X вв. [25]. Но несколько лет назад там с помощью радиоуглеродного анализа обнаружили более ранние культурные слои [15]). Что касается Киева, то, как мы уже отмечали [18, с. 46] он в качестве базы для похода русов на Константинополь 860 г. крайне маловероятен: в ходе археологических раскопок на территории Киева не найдено предметов северного происхождения древнее X ст. [9, с. 316] и надежных признаков наличия у Киева до конца IX в. связей с Византией, например, до этого времени не прослеживается поступление в Киев византийских монет [33, с. 491]). Находки в Киеве отдельных скандинавских предметов начала-первой половины X в. [9, с. 320-321] даже дают основание поставить вопрос: овладели русы Киевом при Олеге, или уже при Игоре. (Надежных документальных свидетельств о связи Олега с Киевом нет; Киев упомянут в числе русских городов, в таком сомнительном источнике, как русско-византийский договор 907 г., наряду с явно анахроничным для начала X в. упоминанием Переяславля [21, с. 17], основанного по археологическим и летописным данным, уже в конце X в. [10, с. 362-364]).

При этом, стоит иметь в виду, что русы, совершившие набег на Константинополь в 860 г., стали в письменных источниках соотноситься с территорией Руси сравнительно поздно, после того, как Русская земля с центром в Киеве прочно утвердилась в Восточной Европе. (К примеру, в составленной в Киеве в начале XII в. Повести Временных лет возникновение Русской земли отнесено ко временам правления византийского императора Михаила III, поскольку «при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстфмь» [21, с. 12]. А, по словам византийских хронистов XI и XII вв., Иоанны Скилицы и Иоанна Зонары, русы проживали около / вокруг Тавра [12, с. 132, 135], что соответствовало географии владений Руси XI-XII вв. с учетом Олешья и Тмутаракани [19, с. 237])[5]. А, даже исходя из распространенного представления о происхождении этнонима «русь» посредством контактов скандинавов с проживавшими на северо-западе Восточной Европы финноуграми, стоит учитывать, что переселение норманнов на восток в IX в. носило не всеобщий характер, поэтому не надо исключать возможности организации набега русов на Константинополь из скандинавских земель. Кстати, кружной морской путь из скандинавских владений лучше соответствует сведениям Г1 о нападении русов из-за морей, омывающих Европу с севера, чем речной путь из Восточной Европы. Домысливать, что Фотий что-то напутал, нет веских оснований. С учетом используемых в историографии сведений средневековых источников о скоростях вояжей норвежца Оттара в Биармию и датчан из Шлезвига на Русь и сравнительно недавнего опыта похода реплики норманнского судна от Роскильде до Дублина [6, с. 17] можно приблизительно рассчитать, что кружной морской путь к Константинополю должен был занять по времени от полугода. А с учетом грабежей прибрежных жителей вероятно занял не один год, как

[5]Любопытно, что первые в византийских источниках прямое упоминание русов как тавров / тавроскифов и привязка их земель к Причерноморью: Боспору Киммерийскому, Керченскому проливу (который, впрочем, заметим, последовательно отделяется от их родины и от областей их правителя Святослава [14, с. 56-68]), встречаются уже в труде Льва Диакона «История» конца X в. Отметим, что это соответствует новому анклаву Руси в Тмутаракани, захваченному в 965 г. Святославом при ликвидации Хазарского каганата (возможно, временно утраченному после смерти Святослава и вновь завоеванному ок. 988 г. Владимиром [31, с. 26]).

поход Хастинга и Бьорна до Италии. Исходя из сведений «Саги о Греттире» о викингах Вигдьоде и Вестморе, которые летом и зимой на 8 кораблях совершали набеги на Ирландию [26, с. 8], не исключаем, русы могли совершать морской поход в любое время года.

Список источников и литературы

1. *Ареяв, Л. Н.* Призраки из Аскольдовой могилы. Рецензия на: Козлов М. Н. Система государственного управления в южной конфедерации племен Древней Руси в эпоху правления князя Аскольда // Novogardia. № 2. 2019. С. 5-17 / Л. Н. Аряев. // Novogardia. – 2020 – № 3 (7). – С. 176-200.

2. *Бибиков, М. В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. – 1986. – № 30. – С. 97–105.

3. Библиотека литературы Древней Руси – Т. 1. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 543 с.

4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. – Т. II – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 384 с.

5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. – Т. IV – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 512 с.

6. *Губарев, О. Л.* Восточный поход Рерика Фрисландского / О. Л. Губарев. // Соициогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 3 (9). – С. 7-26.

7. *Каждан, А. П.* История византийской литературы (650–850 гг.) / А. П. Каждан. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – 528 с.

8. *Карамзин, Н. М.* История Государства Российского. / Н. М. Карамзин. – Т. 1. – Санкт-Петербург: военная типография Главного штаба, 1816. – 548 с.

9. *Комар, А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье / А. В. Комар. // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. – Москва: Институт археологии РАН, 2012. – С. 300–333.

10. *Комар, А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье / А. В. Комар. // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. – Москва: Институт археологии РАН, 2012. – С. 334–366.

11. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. – Москва: Наука, 1991. – 496 с.

12. *Кузенков, П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М.: Восточная литература, 2003. – С. 3-172.

13. *Кузенков, П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. / П. В. Кузенков. // Причерноморье в Средние века. – № 8. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – С. 7-35.

14. *Лев Диакон*. История – Москва: Наука, 1988. – 240 с.

15. *Мурашева, В. В., Панин, А. В., Шевцов, А. О., Малышева, Н.Н., Зазовская, Э. П., Зарецкая, Н. Е.* Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования / В. В. Мурашева, А. В Панин, А. О. Шевцов, Н. Н. Малышева, Э. П. Зазовская, Н. Е Зарецкая. // Российская археология. – 2020. – № 4 – С. 70-86.

16. *Назаренко, А. В.* Русь IX века: обзор письменных источников / А. В. Назаренко. // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. – Москва: Институт археологии РАН, 2012. С. 12-35.

17. *Несин, М. А.* К истории взятия Казани в 1487 г.: проблемы хронологии и особенности организации похода / М. А. Несин // Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – С. 78-105.

18. *Несин, М. А.* Набег русов на Константинополь летом 860 года (ход событий, продолжительность, командование, численность судов) / М. А. Несин // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1 (7). – С. 45-55.

19. *Несин, М. А., Аряев, Л. Н.* О сомнительных методах работы с источниками ради иллюстрации угодной концепции. (Размышления по поводу работу М. И. Жиха «О некоторых дискуссионных вопросах похода русов на Константинополь 860 г.) / М. А. Несин, Л. Н. Аряев // Историческая экспертиза. 2024. № 4. С. 227-252.

20. *Несин, М. А., Аряев, Л. Н.* Еще раз о масштабах набега русов на Константинополь 860 Г. / М. А. Несин, Л. Н. Аряев // Наука и образование сегодня – 2025 –3 (84) – С. 16-46

21. Повесть временных лет. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 667 с.

22. Полное собрание русских летописей – Т. 3. – Москва: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

23. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 354 с.

24. Псковские летописи. – Вып. 2. – Москва: АН СССР, 1955. 364 с.

25. *Пушкина, Т. А., Мурашева, В. В., Ениосова, Н. В.* Гнездовский археологический комплекс / Т. А. Пушкина, В. В. Мурашнева, Н. В. Ениосова // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. – Москва: Институт археологии РАН, 2012. – С. 242-273.

26. Сага о Греттире. – Новосибирск: Наука, 1976. – 174 с.

27. Тактика Льва. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 368 с.

28. *Творогов, О. В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? / О. В. Творогов. // Славяноведение. – 1992. – № 2. – С. 54-59.

29. Хроника Симеона Магистра и Логофета. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 264 с.

30. *Успенский, Ф. Б.* К этимологии названий днепровских порогов у Константина Багрянородного: βράσμα νερου / Ф. Б. Успенский. //Славяне и их соседи. XXVII конференция памяти В.Д. Королюка. – Москва: Индрик, 2014. – С. 87-91.

31. *Чхаидзе, В. Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80 – е гг. X – 90 – е гг. XI веков. / В. Н. Чхаиздзе // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2010. – № 1 (5) – С. 20-37.

32. *Шинаков, Е. А.* Три первых упоминания русов (росов) конца 30 – начала 40-х гг. IX в. в международном аспекте / Е. А. Шинаков. // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 158-165.

33. *Шевцов, А. О.* Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте кон тактов Руси и Византии в IX–XI вв. / А. О. Шевцов. // Труды Государственного исторического музея. – 2018 – № 210 – С. 482-509.

34. *Щавелев, А. С.* Два сообщения о росах в главе 42 трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного / А. С. Щавелев // Античная древность и средние века. – 2013. – № 41. – С. 144-152.

35. *Щавелев, А. С.* Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого / А. С. Щавелев // Историческая география. – 2016. –Т. 3. – С. 236-250.

36. *Щавелев, А. С., Фетисов, А. А.* К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов / А. С Щавелев, А. А Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. Экономические системы Евразии в ранее Средневековье. – Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. – С. 278-328.

37. *Юрасов, М. К.* К вопросу о первых очагах распространения христианства у восточных славян / М. К. Юрасов // Христианское чтение. – 2023. – № 1. – С. 267-288.

38. *Юрасов, М. К.* Внешняя политика «Русского каганата» в третьей четверти IX в. и известия Никоновской летописи / М. К. Юрасов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики – 2024 – № 1 (95). – С.171-183.

39. *Howard-Johnston, J.* The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus / J. Howard-Johnston. // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. – P., 2000 – P. 301-336.

40. The Taktika of Leo VI. – Washington: Dumbarton Oaks Texts, 2010. – 689 p.

41. *Vasiliev, A. A.* The Russian attack on Constantinople in 860. / A. A. Vasiliev. – Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. – 246 p.

Несин Михаил Александрович – к.и.н., библиотекарь, Библиотека Российской академии наук, (г. Санкт-Петербург, Россия), petergof-history@yandex.ru

FROM WHICH DIRECTION DID THE RUS' APPROACH CONSTANTINOPLE IN 860?

M. A. Nesin

Patriarch Photios, a contemporary and eyewitness of the Rus' raid on Constantinople in 860, did not mention which direction the Rus' approached from, but he did indicate that the Rus' attacked from the seas that surrounded Europe from the north. It is possible that the Rus' arrived in 860 either by river from Eastern Europe near the Black Sea or by sea from the Scandinavian lands around Europe, passing through the Mediterranean and the Sea of Marmara.

Keywords: Rus campaign against Constantinople in 860, Patriarch Photios, Rus, Black Sea, Sea of Marmara.

References

1. *Aryaev L. N.* Prizraki iz Askoldovoi mogili. Retsenziya na: Kozlov M. N. Sistema gosudarstvennogo upravleniya v yuzhnoi konfederatsii plemen Drevnei Rusi v epokhu pravleniya knyazya Askolda // Novogardia. № 2. 2019. S. 5-17. [Ghosts from Askold´s grave. Review of:Kozlov M. N. System of public administration in the southern confederation of ancient Russia tribes during the reign of prince Askold // Novogardia. № 2. 2019. P. 5-17]. Novogardia. 2020. № 3 (7). P. 176-200 (In Russ).

2. *Bibikov M. V.* Skandinavskii mir v vizantiiskoi literature i aktakh [e Scandinavian World in Byzantine Literature and Acts]. Skandinavskii sbornik [Scandinavian collection]. 1986. № 30. P. 97-105. (In Russ).

3. Biblioteka literaturi Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Rus]. Vol. 1. Saint-Petersburg: Nauka, 1997. 543 p. (In Russ).

4. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya [Ancient Rus in the light of foreign sources: antology]. Vol. II. Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 384 p. (In Russ.)

5. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya [Ancient Rus in the light of foreign sources: antology]. Vol. IV. Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 512 p. (In Russ.)

6. *Gubarev O. L.* Vostochnyj pohod Ryorika Frislandskogo [The eastern campaign of Rørik of Friesland] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 3(9). P. 7-26. (In Russ.)

7. Kazhdan A. P. Istoriya vizantiyskoy literatury (650–850 gg.) [History of Byzantine Literature (650–850)]. Saint-Petersburg: Aleteyya. 2002. 528 p. (In Russ.)

8. *Karamzin N. M.* Istoriya Gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian state]. Vol. 1. Sankt-Petersburg: voennaya tipografiya Glavnogo shtaba, 1816. 548 p. (In Russ.)

9. *Komar A. V.* Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper]. Rus' v IX–XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th–11th centuries: Archaeolog ical panorama]. Moscow, Institut arheologii RAN, 2012. P. 300-333. (In Russ.)

10. *Komar A. V.* Chernigov i Nizhnee Podesen'e [Chernigov and Nizhny Podesenye]. Rus' v IX–XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th–11th centuries: Archaeolog ical panorama]. Moscow, Institut arheologii RAN, 2012. P. 334-366. (In Russ.)

11. *Konstantin Bagrjanorodnyj*. Ob upravlenii imperiej [On the Rule of the Empire]. Moscow: Nauka, 1991. 496 p. (In Russ.)

12. *Kuzenkov P. V.* Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Campaign of 860 to Constantinople and the first bap tism of Russia in medieval written sources]. Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [Ancient States of Eastern Europe. 2000. Problems of Source Studies], Moscow, Vostochnaya literatura, 2003. P. 3-172. (In Russ.)

13. *Kuzenkov P. V.* Rus' Olega u Konstantinopolya v 904 g. [Oleg's Rus near Constantinople in 1904]. Prichernomor'e v Srednie veka [Black Sea region in the Middle ages]. 2011. № 8. P. 7-35. (In Russ.)

14. *Lev Diakon*. Istoriya [History]. Moskva: Nauka. 1988. 240 p (In Russ).

15. *Murasheva V. V., Panin A. V., Shevtsov A. O. Malysheva N. N., Zazovskaya E. P., Zaretskaya. N. E.* Vremya vozniknoveniya poseleniya Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniya [Time of the settlement Gnezdovsky archaeological complex according to radiocarbon dating]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. 2020. № 4. P. 70-86. (In Russ.)

16. *Nazarenko. A. V.* Rus IX veka: obzor pismennykh istochnikov [The 9th Century of Rus: a Review of written sources]. Rus v IKh-KhI vv. Arkheologicheskaya panorama. [Rus' v IX–XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th–11th centuries: Archaeological panorama]. Moscow, Institut arheologii RAN, 2012. P. 12-35. (In Russ.)

17. *Nesin M. A.* K istorii vzyatiya Kazani v 1487 g.: problemy khronologii i osobennosti organizatsii pokhoda [On the History of the Capture of Kazan in 1487: Problems of Chronology and Features of the Campaign Organization]. Sbornik statey po materialam nauchno-prakticheskogo onlayn-seminara. posvyashchennogo 500-letnemu yubileyu osnovaniya kreposti Vasilsursk v 1523 godu [Collection of articles based on the materials of the Scientific and Practical Online Seminar Dedicated to the 500th anniversary of the foundation of the Vasilsursk fortress in 1523]. Nizhniy Novgorod; Sviyazhsk, 2024. P. 78-105. (In Russ.)

18. *Nesin M. A.* Nabeg rusov na Konstantinopol' letom 860 goda (hod sobytij, prodolzhitel'nost', komandovanie, chislennost' sudov) [Rus raid on Constantinople in the summer of 860 (course of events, duration, command, number of ships)]. Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 45-55 (In Russ.)

19. *Nesin M. A., Aryaev L. N.* O somnitelnikh metodakh raboti s istochnikami radi illyustratsii ugodnoi kontseptsii. (Razmishleniya po povodu rabotu M. I. Zhikha «O nekotorikh diskussionnikh voprosakh pokhoda rusov na Konstantinopol 860 g.) [On questionable methods of working with sources and literature in order toillustrate a pleasing concept (reflections on the recent work of M. I. Zhih «On some controversial issues of the Rus campaign against Constantinople in 860]. Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]. 2024. № 4. P. 227-252. (In Russ).

20. *Nesin M. A., Aryaev L. N.* Yeshche raz o masshtabakh nabega rusov na Konstantinopol 860 g. [Once Again on the Scale of the Rus Raid on Constantinople in 860]. Nauka i obrazovanie segodnya [Science and Education Today]. 2025. №3 (84). P. 16-46 (In Russ).

21. Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. 667 p. (In Russ).

22. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moskva: Yaziki slavyanskoi kulturi, 2000. 720 p. (In Russ).

23. Prodolzhatel Feofana. Zhizneopisaniya vizantiiskikh tsarei [The Continuation of Theophanes. Lives of the Byzantine Tsars]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992. 354 p. (In Russ).

24. Pskovskiye letopisi [Pskov cronicles]. Issue 2. Moskva: AN SSSR, 1955. 364 p. (In Russ).

25. *Pushkina T. A., Murasheva V. V. Yeniosova N. V.* Gnezdovskii arkheologicheskii kompleks [Gnezdovsky Archaeological Complex]. Rus' v IX–XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th–11th centuries: Archaeolog ical panorama]. P. 242-273. (In Russ).

26. Saga o Grettire [The Grettir Saga]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 174 p. (In Russ).

27. Taktika Lva [The Taktika of Leo]. Sankt-Peterburg : Aleteiya, 2012. 368 p. (In Russ).

28. *Tvorogov O. V.* Skolko raz khodili na Konstantinopol Askold i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?] Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 1992. № 2. P. 54-59. (In Russ).

29. Khronika Simeona Magistra i Logofeta [Chronicle of Simeon the Magister and Logothetes]. Moskva: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2014. 264 p. (In Russ).

30. *Uspenskii F. B.* K etimologii nazvanii dneprovskikh porogov u Konstantina Bagryanorodnogo: βράσμα νερου [On the Etymology of the Names of the Dnieper Rapids in Constantine Porphyrogenitus: βράσμα νερου]. Slavyane i ikh sosedi. KhKhVII konferentsiya pamyati V.D. Korolyuka [Slavs and Their Neighbors. XXVII Conference in Memory of V.D. Korolyuk]. Mockva: Indrik, 2014. P. 87-91. (In Russ).

31. *Chkhaidze V. N.* Tmutarakan – vladenie Drevnerusskogo gosudarstva v 80 – ye gg. X – 90 – ye gg. XI vekov [Tmutarakan – a possession of the Old Russian state in the 80s of the 10th century

and the 90s of the 11th century]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University]. 2010. № 1 (5). P. 20-37. (In Russ).

32. Shinakov Ye. A. Tri pervikh upominaniya rusov (rosov) kontsa 30 – nachala 40-kh gg. IX v. v mezhdunarodnom aspekte [Three first mentions of the Rus (Ros) in the late 30s and early 40s of the 9th century in the international aspect]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. 2014. № 2. P. 158-165. (In Russ).

33. *Shevcov A. O.* Kollekcii vizantijskih monet Gnyozdova i Kieva v kontekste kontaktov Rusi i Vizantii v IX–XI vv. [Collections of Byzantine coins of Gnezdovo and Kiev in the context of contacts between Russia and Byzantium in the IX–XI centuries]. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum]. 2018. № 210. P. 482-509. (In Russ.)

34. *Shchavelev. A. S.* Dva soobshcheniya o rosakh v glave 42 traktata «Ob upravlenii imperiyey» Konstantina VII Bagryanorodnogo [Two Reports on Dew in Chapter 42 of the Treatise "On the Administration of the Empire" by Constantine VII Porphyrogenitus]. Antichnaya drevnost i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. 2013. № 41. P. 144-152. (In Russ).

35. *Shchavelev. A. S.* Izvestiye o «severnykh skifakh» («rosakh») v traktate «Taktika» vizantiyskogo imperatora Lva VI Mudrogo [The Account of the "Northern Scythians" ("Rus") in the Treatise "Tactics" by the Byzantine Emperor Leo VI the Wise]. Istoricheskaya geografiya [Historical Geography]. 2016. Vol. 3. P. 236-250. (In Russ).

36. *Shchavelev A. S., Fetisov A. A.* K istoricheskoy geografii Vostochnoy Evropy IX v. 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov. Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2015 god. [On the Historical Geography of Eastern Europe in the 9th Century. 2. Map of Scandinavian Complexes and Artifacts] Ekonomicheskiye sistemy Evrazii v raneye Srednevekovye [The Ancient States of Eastern Europe. 2015. Economic Systems of Eurasia in the Early Middle Ages]. Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 2017. P. 278-328. (In Russ.)

37. *Yurasov M. K.* K voprosu o pervykh ochagakh rasprostraneniya khristianstva u vostochnykh slavyan [On the Question of the First Foci of the Spread of Christianity among the Eastern Slavs]. Khristianskoye chteniye [Christian Reading]. 2023. № 1. P. 267-288. (In Russ.)

38. *Yurasov M. K.* Vneshnyaya politika «Russkogo kaganata» v tretyey chetverti IX v. i izvestiya Nikonovskoy letopisi [The Foreign Policy of the "Russian Khaganate" in the Third Quarter of the IX Century and the Information of the Nikon Chronicle]. Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki [Ancient Russia. Medieval Studies Issues]. 2024 № 1 (95). P. 171-183. (In Russ.)

39. *Howard-Johnston J.* The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus. Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. 2000. P. 301-336. (In Eng.)

40. The Taktika of Leo VI. Washington: Dumbarton Oaks Texts, 2010. 689 p. (In Eng.)

41. *Vasiliev A. A.* The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediae val Academy of America, 1946. 246 p. (In Eng.)

Nesin Mikhail Alexandrovich – candidate of historical sciences, librarian of the Library of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), petergof-history@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025; принята к публикации: 05.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Несин М. А. С какой стороны русы в 860 г. явились к Константинополю? // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 31-43.

FOR CITATION:

Nesin M. A. S kakoj storony rusy v 860 g. yavilis' k Konstantinopolyu? [From which direction did the Rus' approach Constantinople in 860?] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 31-43.

УДК 94(47).02

РУСЫ ПОД ЗНАМЕНАМИ КАРОЛИНГОВ? (К ВОПРОСУ О ТОЖДЕСТВЕ РЮРИКА И РЁРИКА ФРИСЛАНДСКОГО)[1]

О. Л. Губарев

Статья посвящена вопросу о внешнем виде знамен Начальной Руси. Представлены граффити знамен на монетах и изображения стягов на геральдических подвесках со знаками Рюриковичей, что позволяет представить внешний вид знамен Руси в IX -X вв. Показано, что внешний вид этих знамен соответствует некоторым типам знамен франков при Каролингах, а также знаменам данов династии Уи Имар (Ивара Бескостного) в Ирландии. Такое соответствие объясняется гипотезой о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского, поскольку Каролинги вручали вассалам знамена в качестве инвеституры на владение землями. С этими знаменами Рёрик, видимо, и пришел на восток.

Ключевые слова: Рюриковичи, знамена, внешний вид, русы, Каролинги, даны, классификация.

...На третий день к полудню пали стяги Игоревы!
Слово о Полку Игореве

Историография вопроса

Статей и книг на тему знамен Начальной Руси IX-X вв. практически нет. М. Г. Рабинович посвятил книгу изображениям знамен Руси в иллюстрированных летописях XV-XVI вв. Хотя в заголовке работы указано, что речь идет и о знаменах X в., но на самом деле это изображения знамен более позднего времени [20, с. 170-181]. Есть работы посвященные знаменам Руси более позднего времени, так, например, книга Л. Яковлева [23], как и доклад о знаменах Руси на конференции в 1998 г. сделанный Р. В. Новожеевым [17]. Книга Л. Яковлева дополнена рисунками знамен изданными отдельно Д. Струковым и Н. Поповым [21].

Информацию о том, каков был внешний вид знамен Начальной Руси мы получаем с граффити на монетах [12] и геральдических подвесках [6, с. 28-32; 7, с. 38-50]. Причем, чтобы быть уверенным что изображения относятся именно к Руси, рассматриваются те артефакты, на которых рядом со знаменем, изображен знак Рюриковичей.

В литературе о знаменах империи Каролингов также отсутствуют работы, непосредственно посвященные данному вопросу. Но есть работы, где в числе прочих вопросов упоминаются знамена империи франков [25, с. 49-70; 30].

Кроме того, на двух сайтах в Интернете размещены интересные богато иллюстрированные анонимные работы, посвященные классификации раннесредневековых знамен и их изображениям в иллюстрированных манускриптах [33; 35].

В. И. Кулаков рассмотрел вопрос о двух типах знамен стран балтийского региона [15, с. 61-70].

Поскольку, согласно общепринятой гипотезе происхождения Руси, русы это скандинавы, необходимо было рассмотреть вопрос о знаменах норманнов, изображенных на монетах конунгов Дублина [27, с. 20, plate IV №№114, 117], по внешнему виду соответствующих знаменам русов и Каролингов.

Особый интерес представили работы посвященные вручению при Каролингах сюзереном вассалу знамени в качестве символа инвеституры на владение фьефом [34, с. 441; 32, с. 251-252].

Вот, собственно, и все, что относится к историографии данного вопроса.

[1] Историография гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского приведена в книге Е.В. Пчелова [19], книге О.Л. Губарева [11] и статье Л.В. Войтовича [10, с. 111-112].

Роль знамен в раннем Средневековье

Условно знамена можно разделить на знамена войны и геральдические знамена. Появление геральдических знамен с гербами, часто выполнявших также и военные функции, отмечено гораздо позднее в XII в. во времена Крестовых походов. В раннем Средневековье, а точнее, в эпоху викингов в IX-X вв. знамена использовались только в качестве военных стягов.

Знамя выполняло функции чисто военные. Оно обозначало присутствие вождя, место сбора дружины [20, с. 171]. Пока знамя непоколебимо стояло в бою сражение не было проиграно[2]. Захват вражеского знамени означал поражение и хотя сопротивление еще могло продолжаться, но обычно войско обращалось в бегство. Потеря знамени, как правило, означало гибель вождя, поскольку знамя обычно находилось при его особе, под охраной отборных телохранителей [25, с. 59; 13, с. 59].

Развевающееся знамя воодушевляло воинов на битву. Наиболее известным знаменам, таким как, например, "Знамя Ворона"[3] у викингов, часто приписывали волшебные свойства [29, с. 133-151; 24, с. 117-125].

В христианских империях знамена являлись и религиозными символами. Знамя могло служить этническим признаком, объединяющим воинов на поле боя [17, с. 95].

В IX-X вв. внешний вид знамен нам известен в основном по их изображению на миниатюрах иллюстрированных манускриптов [1; 29, с. 18], а также как изображения и граффити на монетах [11] и подвесках [3, с. 313, 319, 6, с. 29, 8, с. 39] или других археологических артефактах. На самом деле граффити и изображений знамен соответствующих внешнему виду знамен русов на монетах и подвесках несколько больше, но я здесь рассматриваю те из них, которые сопряжены со знаками Рюриковичей. Это подтверждает из принадлежность русам.

В раннем Средневековье существовало несколько основных типов знамен которые могут быть рассмотрены в рамках единой классификации[4].

Первый князь Руси Рюрик фигура легендарная. Мы о нем из древнерусских летописей почти ничего не знаем. Поэтому историк начали поиски в других источниках. Ф. Крузе нашел подходящую историческую фигуру и выдвинул гипотезу тождества первого князя Руси Рюрика и вождя норманнов Рёрика Фрисландского [14, с. 43-73]. Гипотеза была подвергнута критике из-за ошибок увлеченного своей гипотезой Крузе и забыта. Снова к ней обратился русский историк-эмигрант Н. Т. Беляев [9, с. 215-270].

Что мы должны были бы предположить, если бы гипотеза тождества первого князя Руси и известнейшего вождя норманнов на Западе была верна?

Что знамена русов – это знамена данов Рёрика, под этими знаменами, защищавшими побережье Фризии от викингов и с ними пришедших в Восточную Европу.

Поэтому в данной статье сделана попытка собрать воедино то, что нам известно о знаменах франков, данов и русов и сопоставить имеющиеся данные, чтобы решить этот вопрос.

Знамена Каролингов

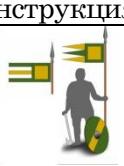
Военные знамена использовались в империи франков, как это представлено на миниатюрах иллюстрированных манускриптов из дворцовых и монастырских коллекций. Причем знамена эти были разных типов. Реконструкция типов знамен Каролингов на основе миниатюр в иллюстрированных манускриптах франков приведена в таблице 1.

[2] См. эпиграф к данной статье.

[3] «Знамя Ворона» - знаменитый стяг викингов с изображением ворона на полотнище, которому приписывалась, например, способность предсказывать поражение или победу в бою в зависимости от того, как вел себя ворон, изображенный на знамени. Если он расправлял крылья это предсказывало победу, если сникал - поражение.

[4] Хочу принести свою благодарность анонимным авторам польского сайта Zgraya [33], известными только под сетевыми никами, и авторам сайта Viking Age Compendium [35], проделавшими уникальную работу по созданию единой классификации типов раннесредневековых знамен на основе их изображений в иллюстрированных манускриптах франков.

Таблица1.
Реконструкция типов знамен Каролингов

Типы знамен	Реконструкция	Изображение	Источник
Тип1 Гонфанон			Манускрипт Каролингов Psalterium Atreum, аббатство Св.Галла, ок. 880 г.
Тип2 Пеннон			Псалтирь из Сент-Бертен, Сев.Франция, ок.1000 г.
Тип3 Пеннон			Манускрипт Beatus, Tavera, Mozarab. Сев. Испания, 975 г. (Кафедральный музей, Жирона).
Тип4 Пеннон			Манускрипт Каролингов Cotton Caligula A. xv, 1073 г.

Такой тип знамен как гонфанон с квадратным или прямоугольным полотнищем был распространен по всей Западной Европе. Кроме того, в империи Каролингов был известен такой тип знамен как пеннон с треугольными или секторальными полукруглыми полотнищами с лентами или с тремя клиновидными полотнищами на древке.

В. И. Кулаков считает, на мой взгляд ошибочно, что полукруглые секторальные полотнища были жесткими, бронзовыми, а не тканевыми, основываясь на находках скандинавских флюгеров кораблей викингов полукруглой формы [15, с. 63-64]. Но изображение знамени этого типа на миниатюрах из франкских манускриптов, где нижний край знамени явно полощется на ветру, опровергает это мнение.

Помимо боевой роли знамя играло еще и роль символическую, обозначая в империи франков статус того или иного вельможи. Историки сообщают, что в империи Каролингов при выдаче бенефиция в обряд инвеституры на новые владения среди прочих символов вассалу также вручались меч или знамя. На рис. 1. представлено изображение художником знатного франка со знаменем.

Рис.1. Франкский знатный военачальник со знаменем. Реконструкция, художник Ангус Мак-Брайд [30, 18 Е].

Позже даже появился специальный термин *banner-fiefs* для обозначения фьефов, полученных со вручением знамени в качестве символа инвеституры. Поскольку знамя в раннем средневековье в основном являлось королевским символом, то владения герцогов, баронов и графов, которым в качестве инвеституры вручались знамена, считались малыми королевствами *reguli* [32, с. 249-250, 252].

Знамя являлось своего рода хартией на владение землями, и утрата знамени означала утрату владений.

"Один из них... схватил копье со знаменем, воткнутое перед палаткой графа, которое тот получил от короля, как символ герцогского лена... Поначалу он [Герхард, граф Эльзаса] пытался вернуть его (копье) заманчивыми обещаниями, но напрасно: на все свои предложения он получал отказ; в печали он ушел, потеряв и лен, и воинский знак" [22, с. 83]. Отсюда понятна упорная борьба за имперские знамена в сражениях.

Так как Рёрик был одним из *fideles* и, возможно, *honores* т.е. графом империи, так как "Лотарь... пожаловал ему Дорестад и другие графства" [2, с. 201], то естественно предположить, что и сражаться с викингами, обороняя земли империи его даны должны были под знаменами франков.

Тогда, если гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского верна, то мы должны ожидать соответствия знамен Руси IX-X вв. знаменам Каролингов. Поэтому далее мы должны рассмотреть вопрос о том, какой вид имели знамена русов IX-X вв.

Знамена русов

Археологических находок самих раннесредневековых (IX-X вв.) знамен нет, как нет и их описаний в источниках. Однако в своей работе М. Рабинович проанализировал изображения знамен русов на множестве миниатюр из древнерусских летописей и книг. К сожалению, все эти изображения приведены в источниках XIV-XV вв., отделенных от времени Начальной Руси несколькими столетиями, и изображают знамена поздней Руси [20, с. 170-181].

Однако есть изображения стягов в виде граффити на монетах и геральдических подвесках, датируемых IX-X вв. Связать эти изображения со знаменами Начальной Руси можно потому, что на тех же артефактах нанесены знаки Рюриковичей.

Внешний вид знамен русов приведен на рис. 2.

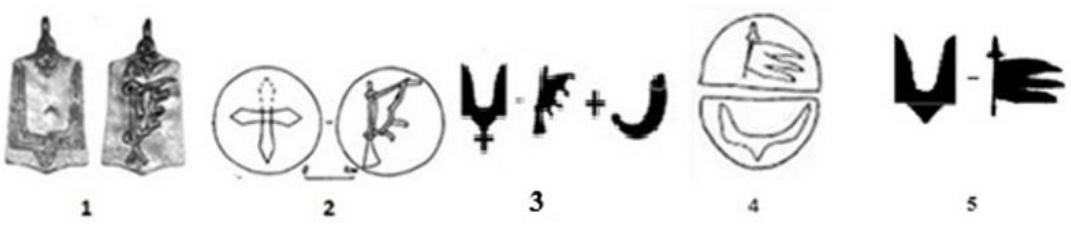


Рис. 2. Изображения знамен русов на геральдических подвесках на монетах со знаками Рюриковичей и со знаком креста.

1 – Гнездово, серебро, случайная находка, знак Святослава [3, с. 252, 313, 7, с. 39 рис.1]; 2 – граффити с изображением креста и знамени на дирхаме саманидского эмира Наср Ибн Ахмеда (916/917 гг.) из клада у села Клейменово, Серпуховский р-н, Моск. обл., 922-923 [15, с. 62; 16, с.170, 205 рис.17]; 3 – изображение знака Ярополка и знамени Рюриковичей, а также рога. Каукай, Литва, культурный слой городища, случайная находка [6, с. 9]; 4 – две половинки монеты найдены у дер. Погорельщина. Граффито содержит прорисовку знамени, вероятно реппоп, и древнейшее изображение знака Рюриковичей [5, с.435 рис.3 №3]; 5 – Подвеска пока не издана и поэтому ее прорисовка не воспроизводилась. По сочетанию знаков – двузубец на одной стороне и стяг на другой – ближайшей аналогией этой подвеске являются граффити на монете из клада у д. Погорельщина, сокрытого около 910 г. По непроверенным сведениям, подвеска происходит из подъемного материала в черте Гнездовского археологического комплекса близ Смоленска [3, с. 400].

На археологических артефактах можно видеть два типа знамен русов IX-X вв. Наиболее древний знак Рюриковичей изображен на аверсе половинки монеты (IX в.?), в то время как на реверсе изображен стяг (*pennon*) в форме трех клиновидных полотнищ (см. рис.1. 4). На геральдических подвесках со знаками Рюриковичей изображен другой тип стяга с косицами (клинцами) с полотнищем подтреугольной формы (см. рис.1. 1-3).

В. Е. Нахапетян отмечает, что "И. Хаммарберг и Г. Рисплинг датируют появление больших крестов на монетах серединой X в. Возможна, следовательно, и более ранняя их датировка" [16, с.170]. Само по себе появление граффито креста на дирхаме с граффито знамени по типу, соответствующему знаменам русов и Каролингов лишний раз подтверждает гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Поскольку Рёрик был крещен в 826 г. и уже во взрослом возрасте ок. 863 г.

"Определенную закономерность можно усмотреть в том, что полотнища русских стягов имели традиционную подтреугольную форму, а «на Западе и на Востоке в те времена преобладали полотнища четырехугольные, иногда с одним, двумя или тремя „хвостами"" [12, с. 66].

Поскольку на рассмотренных артефактах стяги изображены почти во всех случаях рядом со знаками Рюриковичей есть все основания считать, что изображенные типы знамен являются знаменами Руси IX-X вв.

Согласно гипотезе тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, дружина Рёрика состояла в основном из данов, поэтому нас будет также интересовать и внешний вид знамен данов клана Скьёльдунгов.

Знамена данов клана Скьёльдунгов

Знаменем данов было "Знамя ворона" [29, p. 133-151]. Это знамя изображено на монете Олава Сигтрюггсона (*Anlaf Sihtricsson*) короля Дублина в 945-947, 952-980 гг.

Ирландия была в основном областью набегов норвежцев. Первым норманнским королем Дублина стал норвежский викинг Тургейс (время правления 839-845 гг.).

Однако после гибели Тургейса и довольно большого перерыва в Дублине воцаряется династия, которую ирландцы называли Уи Имар [31, p. 429], основателя которой, Имара, сопоставляют с сыном легендарного датского викинга Рагнара Лодброка Иваром Бескостным. Если эта гипотеза верна, то королями Дублина становятся даны.

Однако Рагнар Лодброк, согласно генеалогии "Фрагмента о датских конунгах..." (*Sögubrot*) принадлежал к клану Скьёльдунгов. Вожди этого клана получали в качестве бенефиция владения на землях империи франков во Фризии и имя клана ряд историков связывает с устьем реки Шельда [28, p. 23], причем в качестве инвеституры на владение этими землями им вручалось, как уже было сказано выше, знамя франков [32, p. 251-252].

Ивар правит в Дублине до 873 г. Затем династия королей Дублина прерывается. А в 917 г. викинг Рагналл, которого ирландские источники называют *rí Dubgall*[5], "король данов», поскольку он же правил датской Нортумбрией, и его родич Сигтрюгг (*Sitric Caech*) восстанавливают датскую династию королей Дублина, идущую от Ивара [31, p. 431]. Олав Сигтрюггсон (*Anlaf Sihtricsson*) был сыном Сигтрюгга (*Sitric Caech*). И тогда понятно изображение ворона, символа данов, и "знамени ворона" на монетах королей Дублина из династии Ивара (Уи Имар).

[5] Среди историков было распространено убеждение что в ирландских хрониках термин *finngaill* обозначал норвежцев, а *dubgaill* данов. В последнее время по этому вопросу идут дискуссии и высказываются сомнения, но я пока продолжаю в данном случае придерживаться этой точки зрения. Поскольку династия Уи Имар правила не только Дублином, но и в разное время датской Нортумбрией, Йорком и южной Шотландией. А это все были владения данов.

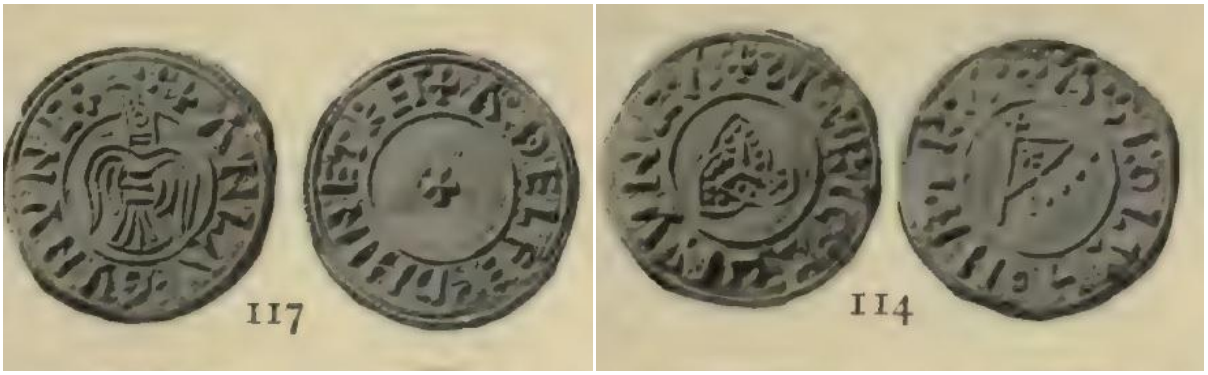


Рис.3. Монеты, чеканенные норманнами в Ирландии, номера по каталогу: 117 - монета Олава Годфридсона (Anlaf Guthfrithsson), короля Дублина в 939-941 гг. с изображением ворона, 114 - монета Олава Сигтрюггсона (Anlaf Sihtricsson) короля Дублина в 945-947, 952-980 гг., на которой изображено знамя ворона - Hrafnsmerki [27, p.20 plate IV №№ 114, 117].

Рис.4. Реконструкция внешнего вида знамени данов, "Знамени ворона". Художник Ангус МакБрайд.

Норманны[6] Вильгельма Завоевателя являются потомками норманнов Роллона (Хрольва Пешехода), принесшего оммаж Каролингу Карлу Простоватому и принявшему крещение и получившему в бенефиций земли в Нормандии [18]. Норманны Роллона были быстро ассимилированы и приняли образ жизни франков.

После битвы при Гастингсе в 1066 г. королева Матильда выткала гобелен, изображающий всю историю завоевания норманнами Вильгельма англо-саксонской Англии. На этом гобелене изображены знамена рыцарей Вильгельма, соответствующие знаменам франков. Среди изображений *гонфанонов и пеннонов*, как воспоминание о происхождении норманнов Вильгельма Завоевателя изображено знамя данов, "Знамя Ворона", как это представлено на рис. 5.

[6] Следует различать скандинавских норманнов (*northmen*) и обозначаемых на английском языке по-другому их потомков, норманнов династии Роллона, основателя Нормандии, и сицилийских норманнов (*normans*). На русском языке оба этноса обозначаются одинаково, что может привести к путанице.

Рис.5. Знамена с гобелена из Байо [26, F] и реконструкция знамени норманнов Вильгельма.

Поэтому не следует удивляться тому, что знамя королей Дублина династии Ивара Бескостного с изображением ворона по внешнему виду напоминают знамена Каролингов. И в заключение нам остается провести сравнение знамен Каролингов, данов и русов.

Знамена русов аналогичны знаменам "фризских данов" Рёрика

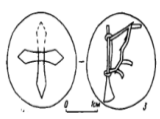
Знамя русов согласно граффито на монете с древнейшим изображением знака Рюриковичей (IX в.?) соответствует одному типу знамени франков, а более поздние изображения на геральдических подвесках со знаками Рюриковичей другому типу, но тоже франкскому.

Кроме того, эти изображения соответствуют внешнему виду знамени на монете короля Дублина, Олава Сигтрюггсона, дана по происхождению.

Сравнение внешнего вида знамен русов и франков приведено в табл. 2.

Таблица 2.

Сопоставление изображений знамен Каролингов и руссов

Изображения знамен на монетах, подвесках и миниатюрах иллюстрированных манускриптов						
Реконструкция типов знамен	Каролинги			Рюриковичи		
	Изображение	Находка	Источник	Изображение	Находка	Источник
Табл.1. Тип1.		Манускрипт Psalterium Atreum, аббатство Св.Галла., ок.880 г.	[30, p.18]		Граффити на половинке монеты из клада у дер. Погорельщина, IX в.	[5, с.435 рис.3 №3]
Табл.1.Тип 3.		Псалтирь из Сент Бертен, ок.1000 г.	[30, p. 18]		Ранняя группа, современная владельцам родового знака "двузубец", IX в. (?)	[8, p.39 группа II 21, 22]
					Клад у села Клейменово, Серпуховский р-н, Моск. обл., 915-917 гг.	[15, с. 62; 16, с.205 №259 а, б].

Остается сделать выводы из проведенного сравнения знамен русов, данов Ирландии и Каролингов.

Рёрик Фрисландский, будучи *fideles,* неоднократно получал от разных императоров франков земли в бенефиций и должен был получать из их рук инвеституру на владения со вручением меча или знамени. Кроме того, он сражался с викингами, защищая побережье Фризии, в качестве графа империи несомненно под знаменем Каролингов, своих сюзеренов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в земли славян и финнов, где его называли Рюриком, он пришел с многочисленным войском под знаменами Каролингов. Думаю, данное предположение, подтвержденное археологическими находками монет и геральдических подвесок, с граффити знамен и знаков Рюриковичей можно считать дополнительным доказательством гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского.

Список источников и литературы

1. *Арциховский, А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Издание МГУ. 1944. – 102 с.

2. БА – Бертинские анналы (перевод Ю. Ф.Фарафонова) // Хроники королевства франков конца VII – начала X в. М.: «SPSL» - «Русская панорама». – 2023. – С. 171-320.

3. *Белецкий, С. В.* Зарождение русской геральдики // Stratum plus. – №6. – С. 366-424.

4. *Белецкий, С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург. 2004. – С. 243-319.

5. *Белецкий, С. В.* Древнейшая геральдика Руси // Повесть Временных лет. Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комм. и статьи А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова, А. М. Введенского, Л. В. Войтовича, С. В. Белецкого. СПб., 2012. – С.431-506.

6. *Белецкий, С. В.* Еще раз о геральдической подвеске из Чернигова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. – 2015. – Вып. 4. – С. 28-32.

7. *Белецкий, С. В.* Геральдическая подвеска №136 и трезубец Владимира Святославича // Толочко О. П. (відп. ред.). Культурний шар: Зб. ст. Київ: Лаурус. 2017а. – С. 38-50.

8. *Белецкий, С. В.* Геральдические подвески Древней Руси X–XI веков: изображения, группировка, хронология // Иоаннисян О. М. (отв. ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. Тр. ГЭ. Т. 84. СПб.: Изд-во ГЭ. 2017б. – С. 35-45.

9. *Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. – 1929. – Вып. III. Prague. – С. 215-270.

10. *Войтович Л. В.* Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М.: Парад. 2006. – С. 111-121.

11. *Губарев О. Л.* Рюрик Скьёльдунг. Евразия. 2019. – 320 с.

12. *Добровольский, И. Г., Дубов, И. В., Кузьменко, Ю. К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: ЛГУ. 1991. – 192 с.

13. ИС1: Исландские саги. 1999. Смирницкая О. А. (отв. ред.). Т. I. Санкт-Петербург: Нева. – 832 с.

14. *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. – 1836. – № 1. – С.43-73.

15. *Кулаков В. И.* Знамена дружин Балтийского региона // Советская археология. – 1989. – № 4. – С. 61-70.

16. *Нахапетян, В. Е., Фомин, А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М.: Наука, 1994. – С.139-208.

17. *Новожеев, Р. В.* Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX – середина XIII вв.) : Сравнительно-исторический аспект : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Москва. 2005. – 188 с.

18. *Панкратова, М. В.* Роллон Нормандский: между историей и мифом (историографический обзор). Доклад на XVII чтениях памяти Анны Мачинской. 2012 [Электронный ресурс] // Ульвдалир. – URL: http://ulfdalir.ru/literature/0/2421 (дата обращения 02.11.2025).

19. *Пчелов, Е. В.* Рюрик. М.: Молодая гвардия. 2010. – 316 с.

20. *Рабинович, М. Г.* Древнерусские знамена X-XV вв. по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. Сб. статей в честь А.В. Арциховского /Под редакцией В.Л. Янина. М., 1972. – С. 170-181.

21. *Струков, Д., Попов, Н.* Рисунки к изданию "Русские старинные знамена" / Худ. Д. Струков и Н. Попов. Б. м., 1865. – 12 с.

22. Титмар Мерзебургский. Хроника. М.: Русская панорама. 2009. Титмар Мерзебургский. Хроника. М.: Русская панорама. 2009. – 256 с.

23. *Яковлев, Л. П.* Русские старинные знамена // Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Б. м., 1865. – 379 с.

24. *Barraclough, E. M.* C. The Flags in the Bayeux Tapestry // Armi Antichi. – 1969 – Vol. 1. – P. 117-125.

25. *Coupland S.* The Carolingian Army and the Struggle against the Vikings // Viator. – 2004. –Vol. 35. – P. 49-70.

26. Gravett, Ch., Hook, Ch. Norman Knight AD 950-1204. Osprey Publishing. London. 1994. – 64 p.

27. *Grueber, H. A.* Handbook of the coins of Great Britain and Ireland in the British Museum. Spink & Son. London. 1899. – 471p.

28. *Lewis, S. M.* Rodulf and Ubba. In search of a Frisian-Danish Viking. Saga Book of the Viking Society for Northern Research. – 2016. – Vol. 40. – P. 5-42.

29. *Lukman, N.* The Raven Banner and the changing Ravens. A Viking miracle from Carolingian court poetry to Saga and Arthurian Romance // Classica Et Medievalia. – 1958. – Vol.19. – P. 133-151.

30. *Nicolle, D.* The Age of Charlemagne: Warfare in Western Europe, 750–1000 AD. World Print Ltd. Hong Kong.1995. – 48 p.

31. *Ó Corráin, D.* The Vikings and Ireland // The Viking world. Editors, Stefan Brink, Neil Price. L., N. Y.: Routledge. 2008. – P. 428-433.

32. *Skemer, D. C.* The Myth of Petty Kingship and a New Periodization of Feudalism // Revue belge de philologie et d'histoire. – 1973. – Tome 51, fasc. 2. – P. 249-270.

33. Sztandary wczesnego średniowiecza – analiza historyczna i próba rekonstrukcji. 2020 [Электронный ресурс] // Zgraja. – URL: https://zgraja.com.pl/wyposazenie/sztandary/ (дата обращения 02.11. 2025).

34. *Thompson, J. W.* German Feudalism // The American Historical Review. – 1923. – Vol. 28. No. 3. – P. 440-474.

35. Banners [Электронный ресурс] // Viking Age Compendium. – URL: http://www.vikingage.org/wiki/wiki/Banners (дата обращения: 02.11.2025).

Губарев Олег Львович – независимый исследователь, историк, (г. Санкт-Петербург, Россия), lvovichg@rambler.ru

RUS' UNDER THE BANNERS OF THE CAROLINGIANS? (ON THE QUESTION OF THE IDENTITY OF RURIK AND RORIK OF FRISIA)

O. L. Gubarev

The article is devoted to the appearance of the banners of Early Rus. It presents graffiti of banners on coins and depictions of banners on heraldic pendants with Rurikid symbols, which allows us to visualise the appearance of Rus banners in the 9th–10th centuries. It is shown that the appearance of these banners corresponds to certain types of Frankish banners under the Carolingians, as well as banners of the Danes of the Uí Ímair dynasty (Ivar the Boneless) in Ireland. This correspondence is explained by the hypothesis of the identity of Rurik and Rørik of Friesland, since

the Carolingians granted vassals banners as investiture for land ownership. It seems that Rørik brought these banners with him to the East.

Keywords: Rurikids, banners, appearance, Rus, Carolingians, Danes, classification.

References

1. *Arcikhovskij, A. V.* Drevnerusskie miniatyury kak istoricheskij istochnik [Old Russian Miniatures as a Historical Source]. – Moscow: Izdanie MGU, 1944. – 102 p. (In Russ.)

2. BA – Bertinskie annaly (perevod Yu. F. Farafonova) [The Annals of St. Bertin (translated by Yu. F. Farafonov)] // Khroniki korolevstva frankov kontsa VII – nachala X v. [Chronicles of the Frankish Kingdom of the late 7th – early 10th centuries]. – Moscow: "SPSL" – "Russkaya panorama", 2023. – pp. 171-320. (In Russ.)

3. *Beleckij, S. V.* Zarozhdenie russkoj geraldiki [The Origin of Russian Heraldry] // Stratum plus. – No. 6. – pp. 366-424. (In Russ.)

4. *Beleckij, S. V.* Podveski s izobrazheniem drevnerusskikh knyazheskikh znakov [Pendants with Images of Old Russian Princely Signs] // Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoj [Ladoga and Gleb Lebedev. The Eighth Readings in Memory of Anna Machinskaya]. – Saint Petersburg, 2004. – pp. 243-319. (In Russ.)

5. *Beleckij, S. V.* Drevnejshaya geraldika Rusi [The Earliest Heraldry of Rus'] // Povest' Vremennykh let [The Tale of Bygone Years] / Per. s drevnerus. D. S. Likhacheva, O. V. Tvorogova. Komm. i stat'i A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Yu. Chernova, A. M. Vvedenskogo, L. V. Vojtovicha, S. V. Beleckogo. – Saint Petersburg, 2012. – pp. 431-506. (In Russ.)

6. *Beleckij, S. V.* Eshche raz o geral'dicheskoj podveske iz Chernigova [Once Again on the Heraldic Pendant from Chernigov] // Problemy izucheniya epokhi pervobytnosti i rannego srednevekov'ya lesnoj zony Vostochnoj Evropy [Problems of Studying the Era of Primitive Society and the Early Middle Ages in the Forest Zone of Eastern Europe]. – 2015. – Iss. 4. – pp. 28-32. (In Russ.)

7. *Beleckij, S. V.* Geral'dicheskaya podveska №136 i trezubets Vladimira Svyatoslavicha [Heraldic Pendant No. 136 and the Trident of Vladimir Svyatoslavich] // Tolochko O. P. (vidp. red.). Kul'turnyj shar: Zb. st. [Cultural Layer: Collection of Articles]. – Kiev: Laurus, 2017a. – pp. 38-50. (In Russ.)

8. *Beleckij, S. V.* Geral'dicheskie podveski Drevnej Rusi X–XI vekov: izobrazheniya, gruppirovka, khronologiya [Heraldic Pendants of Ancient Rus' in the 10th–11th Centuries: Images, Grouping, Chronology] // Ioannisyan O. M. (otv. red.). Monumental'noe zodchestvo Drevnej Rusi i Vostochnoj Evropy epokhi Srednevekov'ya. Tr. GE. T. 84 [Monumental Architecture of Ancient Rus' and Eastern Europe in the Middle Ages. Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. 84]. – Saint Petersburg: Izd-vo GE, 2017b. – pp. 35-45. (In Russ.)

9. *Belyaev N. T.* Rorik Yutlandskij i Ryurik nachal'noj letopisi [Rorik of Jutland and Rurik of the Primary Chronicle] // Seminarium Kondakovianum. – 1929. – Iss. III. – Prague. – pp. 215-270. (In Russ.)

10. *Vojtovich L. V.* Ryurik: legendy i dejstvitel'nost' [Rurik: Legends and Reality] // Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture: sb. st. k 70-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova [Studies on Russian History and Culture: Collection of Articles for the 70th Birthday of Professor Igor Yakovlevich Froyanov] / Ed. Yu. Alekseev, A. Degtyarev, V. Puzanov. – Moscow: Parad, 2006. – pp. 111-121. (In Russ.)

11. *Gubarev O. L.* Ryurik Sk'jol'dung [Rurik Skjöldung]. – Evraziya, 2019. – 320 p. (In Russ.)

12. *Dobrovol'skij, I. G., Dubov, I. V., Kuz'menko, Yu. K.* Graffiti na vostochnyh monetah: Drevnyaya Rus' i sopredel'nye strany [Graffiti on Oriental Coins: Ancient Rus' and Adjacent Countries]. – Leningrad: LGU, 1991. – 192 p. (In Russ.)

13. IS1: Islandskie sagi [Icelandic Sagas]. 1999. Smirnickaya O. A. (otv. red.). Vol. I. – Saint Petersburg: Neva, 1999. – 832 p. (In Russ.)

14. *Kruze F.* O proiskhozhdenii Ryurika (preimushchestvenno po francuzskim i nemeckim letopisyam) [On the Origin of Rurik (Mainly According to French and German Chronicles)] // ZhMNP [Journal of the Ministry of National Education]. – 1836. – No. 1. – pp. 43-73. (In Russ.)

15. *Kulakov V. I.* Znamena druzhin Baltijskogo regiona [Banners of the Baltic Region's Military Squads] // Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. – 1989. – No. 4. – pp. 61-70. (In Russ.)

16. *Nakhapetyan, V. E., Fomin, A. V.* Graffiti na kuficheskih monetah, obrashchavshihsya v Evrope v IX-X vv. [Graffiti on Kufic Coins Circulating in Europe in the 9th-10th Centuries] // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovaniya. 1991 g. [The Earliest States of Eastern Europe. Materials and Research. 1991]. – Moscow: Nauka, 1994. – pp. 139-208. (In Russ.)

17. *Novozheev, R. V.* Formirovanie i razvitie atributov vlasti Drevnej Rusi (vtoraya polovina IX - seredina XIII vv.): Sravnitel'no-istoricheskij aspect [The Formation and Development of Power Attributes in Ancient Rus' (Second Half of the 9th – Mid-13th Centuries): A Comparative-Historical Aspect] : dis. ... kand. ist. nauk [PhD in History Dissertation]. – Moscow, 2005. – 188 p. (In Russ.)

18. *Pankratova, M. V.* Rollon Normandskij: mezhdu istoriej i mifom (istoriograficheskij obzor). Doklad na XVII chteniyah pamyati Anny Machinskoj. 2012 [Rollo of Normandy: Between History and Myth (A Historiographical Review). Paper at the XVII Readings in Memory of Anna Machinskaya. 2012] [Electronic resource] // Ul'vdalir. – URL: http://ulfdalir.ru/literature/0/2421 (last request: 02.11.2025). (In Russ.)

19. *Pchelov, E. V.* Ryurik [Rurik]. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. – 316 p. (In Russ.)

20. *Rabinovich, M. G.* Drevnerusskie znamena X-XV vv. po izobrazheniyam na miniatyurakh [Old Russian Banners of the 10th-15th Centuries Based on Images in Miniatures] // Novoe v arkheologii. Sb. statej v chest' A.V. Arcikhovskogo [New in Archaeology. Collection of Articles in Honor of A.V. Artsikhovsky] / Ed. V. L. Yanin. – Moscow, 1972. – pp. 170-181. (In Russ.)

21. *Strukov, D., Popov, N.* Risunki k izdaniyu "Russkie starinnye znamena" [Drawings for the Publication "Russian Ancient Banners"] / Khud. D. Strukov i N. Popov. – B. m., 1865. – 12 p. (In Russ.)

22. Thietmar of Merseburg. Khronika [Chronicle]. – Moscow: Russkaya panorama, 2009. – 256 p. (In Russ.)

23. *Yakovlev, L. P.* Russkie starinnye znamena [Russian Ancient Banners] // Drevnosti Rossijskago gosudarstva. Dopolnenie k III otdeleniyu [Antiquities of the Russian State. Supplement to Section III]. – B. m., 1865. – 379 p. (In Russ.)

24. *Barraclough, E. M.* C. The Flags in the Bayeux Tapestry // Armi Antichi. – 1969. – Vol. 1. – pp. 117-125.

25. *Coupland S.* The Carolingian Army and the Struggle against the Vikings // Viator. – 2004. – Vol. 35. – pp. 49-70.

26. *Gravett, Ch., Hook, Ch.* Norman Knight AD 950-1204. – London: Osprey Publishing, 1994. – 64 p.

27. *Grueber, H. A.* Handbook of the coins of Great Britain and Ireland in the British Museum. – London: Spink & Son, 1899. – 471 p.

28. *Lewis, S. M.* Rodulf and Ubba. In search of a Frisian-Danish Viking // Saga Book of the Viking Society for Northern Research. – 2016. – Vol. 40. – pp. 5-42.

29. *Lukman, N.* The Raven Banner and the changing Ravens. A Viking miracle from Carolingian court poetry to Saga and Arthurian Romance // Classica Et Medievalia. – 1958. – Vol.19. – pp. 133-151.

30. *Nicolle, D.* The Age of Charlemagne: Warfare in Western Europe, 750–1000 AD. – Hong Kong: World Print Ltd, 1995. – 48 p.

31. *Ó Corráin, D.* The Vikings and Ireland // The Viking world / Editors, Stefan Brink, Neil Price. – L., N. Y.: Routledge, 2008. – pp. 428-433.

32. *Skemer, D. C.* The Myth of Petty Kingship and a New Periodization of Feudalism // Revue belge de philologie et d'histoire. – 1973. – Tome 51, fasc. 2. – pp. 249-270.

33. Sztandary wczesnego średniowiecza – analiza historyczna i próba rekonstrukcji [Early Medieval Banners – Historical Analysis and an Attempt at Reconstruction]. 2020 [Electronic resource] // Zgraja. – URL: https://zgraja.com.pl/wyposazenie/sztandary/ (last request: 02.11.2025). (In Polish)

34. *Thompson, J. W.* German Feudalism // The American Historical Review. – 1923. – Vol. 28, No. 3. – pp. 440-474.

35. Banners [Electronic resource] // Viking Age Compendium. – URL: http://www.vikingage.org/wiki/wiki/Banners (last request: 02.11.2025).

Gubarev Oleg Lvovich – independent researcher, historian, (St. Petersburg, Russia), lvovichg@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 06.12.2025; принята к публикации: 03.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Губарев О. Л. Русы под знаменами Каролингов? (К вопросу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского) // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 44-55.

FOR CITATION:

Gubarev O. L. Rusy pod znamenami Karolingov? (K voprosu o tozhdestve Ryurika i Ryorika Frislandskogo) [Rus' Under the Banners of the Carolingians? (On the Question of the Identity of Rurik and Rorik of Frisia)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 44-55.

УДК 94(47).02.

КЛЯТВА РУСОВ ПЕРУНОМ И ВОЛОСОМ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРАХ X ВЕКА

Л. Н. Аряев

В договорах с Византией русы, носящие норманнские имена, клянутся именем славянских богов Перуна и Волоса. Предлагаемые ранее объяснения этого парадокса не подтверждаются источниками. Согласно предлагаемой реконструкции, русы клялись Тором, который в греческих подлинниках договоров обозначался либо как Зевс (Юпитер), либо как творец молний. При переводе договоров или при составлении Начальной летописи он был назван Перуном. Появление в договорах 907 г. и 971 гг. Волоса связано с редактурой летописца.

Ключевые слова: русско-византийские договоры 907, 911, 944, 971 гг., клятва, Перун, Волос, Тор, св. Власий, славяно-скандинавские контакты.

Русско-византийские договоры X века, дошедшие до нас в составе «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) – один из немногих документальных источников по древнейшей истории Руси. С самого зарождения отечественной исторической науки исследователи неизменно уделяли им самое пристальное внимание [3]. Тем не менее, в этом древнерусском аналоге «Списка кораблей» многое все еще остается неясным. Данная работа посвящена обсуждению двух фундаментальных загадок, связанных с русско-византийскими договорами: 1) почему в этих договорах русы, нося норманнские имена и будучи посланцами князей скандинавской династии Рюриковичей, приносят клятву именем славянских божеств – Перуна и Волоса; 2) почему в договоре 944 года русы клянутся только Перуном, не упоминая «скотьего бога» Волоса, в то время как в договорах 907 и 971 гг. Волос присутствует? [33, с. 32, 47-48, 53-54, 74; 34, с. 23, 36, 42, 61].

По первому вопросу предложено несколько возможных решений. Первое, наиболее популярное во времена господства советского официального антинорманизма – славянское происхождение руси. Клятва русов Перуном и Волосом неизменно была одним из главных аргументов антинорманистов [8, с. 194; 17, с. 370]. Однако, не говоря уже о том, что антинорманистская парадигма не приемлема для подавляющего большинства современных исследователей и вступает в резкое противоречие с массивом данных других письменных и археологических источников, такого рода толкование все равно не проясняет, почему в договорах с Византией люди с именами Фарлаф, Ивор или Шигоберн поминают Перуна, забывая про Тора. Откуда бы ни выводили Русь гонители норманнов – из руян ли, роксолан, антов или от библейского народа рош – несоответствие между этнической принадлежностью и религиозными верованиями послов будет требовать особого объяснения. По той же причине не может быть признана убедительной еще одна традиционная отговорка антинорманистов, не так давно повторенная покойным украинским академиком П. П. Толочко: «их [варягов] норманнская этничность никак не отрицала того непреложного факта, что они были посланниками русских князей и восточнославянского государства Русь» [41, с. 28], тем более что русские князья того времени тоже носили скандинавские имена Рюрика (Хрерика), Игоря (Ингвара) и Олега (Хельги).

Второе возможное решение заключается в том, что варяги, переселяясь в славянские земли, перенимали местные культы. Как писал Л. С. Клейн, варяги «были убеждены, что каждой страной распоряжаются свои, местные боги. По-

этому, прибывая в чужую местность, они снимали изображения своих богов с носов кораблей и прятали в трюм. На новом месте они поклонялись чужим богам. Это было тем более легко, что славянские языческие боги мало отличались от славянских, имею ту же специализацию» [12, с. 208]. Эту же мысль Клейн повторил в своей монографии о славянском язычестве: ««Что же до отсутствия скандинавских богов [в русско-византийских договорах], то надо ведь учесть, что, по скандинавским нормам, боги сильны только на своих землях. Скандинавы, причаливая к чужим берегам, снимали своих идолов с носов кораблей и прятали в трюм. На чужой земле господствовали чужие боги, и надо было молиться им и задабривать их. Это было одним из каналов славянизации варягов, осевших в славянских странах. Впрочем, амулеты-обереги (молоточки Тора) скандинавы продолжали носить и на новой земле. Таким образом, хотя обряды и клятвы могут быть со значительным скандинавским вкладом, боги, которыми клянутся князья и их дружинники – это боги местные, славянские» [11, с. 142].

К сожалению, Лев Самуилович не пояснил, из какого источника он почерпнул сведения о том, что по прибытии в новые земли варяги прятали изображения своих богов. Можно догадываться, что он подразумевал «Книгу о занятии земли» Ари Торгильссона (1067–1148), на которую ссылался и В. Я. Петрухин, писавший: «Скандинавы стремились заручиться поддержкой чужих богов настолько, насколько это позволяла этика викингов. В исландской „Книге о взятии земли“ рассказывается о том, что первые поселенцы снимали со штевней своих ладей устрашающие головы драконов, чтобы не запугать духов-хранителей местной земли. Дружинники первых русских князей – Олега и Игоря – заключая мирные договоры с греками, клялись по своим обычаям – на оружии и кольцах – но именами славянских богов Перуна и Волоса: ведь они пришли из славянских земель» [32, с. 281]. Действительно, в седьмой главе четвертой части «Книги о взятии земли» упоминаются языческие законы, запрещающие подплывать к берегу с носовыми фигурами драконов на кораблях, дабы не пугать духов страны оскаленными драконьими пастями. Забота о местных духах, однако же, не отменяла почитание богов скандинавского пантеона, как это следует из дальнейшего текста данной «Книги…»: по тем же самым законам каждый, кто собирался выступать в суде, должен был дать клятву на священном кольце, призывая себе на помощь Фрейра и Ньёрда [48, p. 176-177].

Таким образом, *единственный* пример, приводимый в пользу предположения о «языческом прозелитизме» скандинавов, свидетельствует скорее об обратном – уважительно относясь к местным духам, норманны не забывали и своих богов. Других же примеров просто нет. Зато есть пример другого рода: в «Саге о людях с Песчаного берега» Хорольф, спасаясь бегством от Харальда Прекрасноволосого в Исландию, берет с собой не только идола Тора, но и бревна из святилища и землю из-под жертвенника, а по прибытии в Исландию воздвигает новое святилище с жертвенником и идолом, на содержание которого назначается особый налог [9, с. 25]. Можно ли тогда представить, что из числа пришедших в Восточную Европу норманнов одна часть стала христианами (они упоминаются в договоре 944 года), другие – приняли веру славян, но никто не сохранил культы Одина или Тора?

Как правило, языческие народы отказывались от своих древних родовых верований в пользу монотеистической религии, а не язычества чужого. Монотеистическим религиям Средневековья был свойственен активный прозелитизм, они обладали давними, опирающимися на античное наследие культурными традициями и располагали поддержкой светских властей. Все это обеспечило миссионерские успехи христианства у соседних «варварских» народов, в том

числе и среди норманнов. Ничего из перечисленного не было у восточнославянского язычества, и потому его успех среди скандинавов – русов выглядит неожиданным, уникальным и необъяснимым. Другое дело, что варяги могли заимствовать у славян какие-то отдельные черты их обрядов и даже почитание местных духов, на что указывает, например, свидетельство Константина Багрянородного о ритуалах русов у дуба на острове Хортица и о принесении в жертву петухов [49, p. 60]. Также славянским влиянием можно объяснить человеческие жертвоприношения русов на похоронах, описанные Ибн-Фадланом [35, с. 80-83] и Львом Диаконом [18, с. 78]; впрочем, как явствует из «Краткой Песни о Сигурде», в которой Брунхильда призывает положить на погребальный костер пять служанок и восьмерых слуг высокого рода [50, s. 200], подобная обрядность не была чужда и скандинавской культуре. Так или иначе, заимствование отдельных ритуалов и обрядов – далеко не то же самое, что поклонение чужим богам.

Третье объяснение, тесно переплетенное со вторым – быстрая ассимиляция пришлых варягов в среде восточных славян. Дети и внуки пришельцев уже считали себя славянами, и соответственно, приносили клятву именем славянских богов. Что скандинавы достаточно быстро ассимилировались – сомнений не вызывает. Но такое объяснение выглядит более или менее убедительным разве что в случае Святослава – первого русского князя со славянскими именем, приносящего клятву Перуном и Волосом (хотя и в его договоре фигурирует явно скандинавское имя Свенельд). Но насколько корректно говорить об ассимиляции Игоря, Олега и их сподвижников, многие из которых только-только пришли «из-за моря?». В договорах 907 и 911 гг. славянских имен не читается вообще, в договоре 944 г. *бесспорно* славянский именослов ограничивается тремя именами – Святослава, Предславы и Володислава [33, с. 46; 34, с. 35]. Даже если счесть славянскими спорные имена Синько, Борича, Либи, Ятвяга, Воиста и Воика, общее число славянских имен в договоре 944 г. составит лишь 6% (25, с. 12). Правдоподобно ли предположить, что русы X века, еще сохраняя скандинавские имена, сменили скандинавские верования на славянские?

Однако именно на X век приходится основной массив археологических находок в Восточной Европе, связанных с предметами норманнского культа. Десятки «гривен Тора», часть из них с молоточками и с другими привесками найдены в погребениях и на поселениях в Старой Ладоге, Новгороде, Рюриковом Городище, Гнездово, Пскове, Тимерево, Сарском городище, Супрутах, Ваулино, Веси, Витебске, Шестовице, Пекарях [2, с. 113]. Явную связь со скандинавским религиозным культом имеют кресаловидные и шитообразные привески из Гнездова, Старой Ладоги, Скадино, Тимирево, Шестовицы, Сарского Городища [28]. Такие находки, как ритуальные «кольца клятвы» на Рюриковом городище, рукоять с Неревского конца Новгорода с сидящей антропоморфной фигуркой (возможно, изображающей бога Тора), предполагаемый бронзовый идол Тора из кургана Черная могила, изображение Одина с воронами из кузнечного клада в Старой Ладоге середины VIII века и на подвеске из Гнездово X века, две фигурки валькирий из Гнездова, рунические подвески – амулеты из Рюрикова городища, изображения трикветры в Супрутах, в Гнездово и на моржовом клыке из Рюрикова городища (где оно соседствует с трискелионом), металлические стерженьки («жезлы Вёльвы») из погребения в Шествовице и т. д. [27; 2, с. 113; 28] – недвусмысленно говорят о том, что, проживая в славяно-финской среде, скандинавы продолжали сохранять свой религиозный культ. Свидетельствами сохранения варягами-русами X века своей скандинавской идентичности являются также рунические надписи, обнаруженные на сотнях арабских монет из восточноевропейских

кладов, на амулетах из новгородского Городища и Старой Ладоги, на мемориальном камне острова Березань, на деревянном стержне из Старой Ладоги, на берестяной грамоте из Смоленска, на пряслицах из Звенигорода и Плеснеска, на костях животных из Масковичей, амфоре из Белгорода, каменном навершии из Даугмале, фрагменте кости из Новгорода, игральной кости из Полоцка, литейной форме из Суздаля, фрагменте кости из Углича. [24]. Наконец, о сохранении скандинавами в Восточной Европе своих религиозных представлений говорят похоронные обряды (камерные погребения, сожжение в ладье, сожжение с захоронением в урне, поставленной на глиняную или каменную вымостку, сожжение под курганом, окруженным кольцевидной каменной кладкой, с кострищем треугольной формы), следы которых обнаружены в курганах юго-восточного Приладожья, Пскова, Ярославского Поволжья, Гнездова, Шестовиц, Чернигова и Киева [13; 26; 31].

Конечно, в новой среде изначальная религиозно-этническая скандинавская основа не могла не подвергаться определенной «эрозии», о чем, среди прочего, свидетельствует убывание количества соответствующих археологических находок по направлению с севера на юг: скандинавских религиозных предметов много в Ладоге и очень мало в Среднем Поднепровье. Однако же это «размывание» скандинавской религиозной «идентичности» связано скорее не со славянским и финским язычеством, а с влиянием христианства. На постепенную христианизацию русов указывают крестообразные подвески и крест-мощевик (энколпион) начала X века из Ладоги, серебряный энколпион из Углича второй половины X века, медный и бронзовый кресты-мощевики из Гнездова, использование восковых свечей в погребениях Гнездова, крестообразные подвески в десятках могил X и XI веков в Гнездово, Киеве, Шестовице, Тимерево и Подгорцах. [7; 47]. Влияние христианства прослеживается и в камерных погребениях в гробах, обнаруженных в Старой Ладоге, Пскове, Гнездове, Шестовицах и Киеве. [26, с. 67-70]. Нет сомнений, что крещение Руси во многом ускорило процесс аккультурации скандинавов в Восточной Европе. Однако в X веке этот процесс был еще далек от завершения.

Примечательна находка, сделанная на Рождественском некрополе Пермского края: трапецевидная подвеска со знаком Рюриковичей (трезубец Владимира Святославича) на одной стороне и изображением меча, соединенного с молотом Тора – на другой [16]. Каким бы путем не попала эта подвеска в пермские края, являлась ли она знаком княжеской собственности или «печатью для купцов» - несомненным представляется, во-первых, ее официальный характер, во-вторых – связь личного знака Владимира с изображением Мьёлнира. Мьёльнир известен только в скандинавской мифологии, атрибутом Перуна он не был никогда. Это значит, что до своего крещения Владимир, хотя и носил уже во втором поколении славянское имя, продолжал почитать Тора. Это делает еще менее вероятным, что Олег или Игорь поклонялись Перуну.

Но, может быть, русы, продолжая поклоняться своим скандинавским богам, называли их заимствованными у славян именами, как это предполагал F. Haase [51, с. 49][1]? Проверить такую догадку трудно, поскольку данные о языковых контактах скандинавов, славян и финно-угров исчезающе скудны. Судя по всему, эти контакты были довольно ограничены. Несмотря на несомненное присутствие норманнов на Руси с конца VIII до середины XI вв., в древнерусский язык попало всего несколько десятков скандинавских слов. Норманны практически не

[1] Впрочем, сам Haase не был уверен в этом объяснении и в том же месте предлагал другое: Тора, изначально стоявшего в договоре, поменял на знакомого ему Перуна русский летописец. Это объяснение предполагает, во-первых, что в византийском подлиннике был прямым текстом указан Тор, во-вторых – что русский летописец начала XII века знал скандинавскую мифологию. И то и другое маловероятно.

оставили никаких следов в восточноевропейской географической топонимике. Почему это произошло – помогает понять наш отечественный аналог Розеттского камня, т. е. список русских и славянских названий днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного. Какие бы названия порогов – норманнские или славянские – не считать первичными, совершенно ясно, что скандинавы и славяне, заимствуя друг у другу географические названия, не транслитерировали, а переводили их. Маловероятно, что при заимствовании религиозного пантеона было бы по-другому. Иными словами, если бы скандинавы и уловили сходство Тора с Перуном, они скорее бы сказали: «Славяне поклоняются Тору», нежели «мы поклоняемся Перуну».

Все приведенные гипотезы имеют общую черту: они исходят из того, что Перун и Волос фигурировали уже в изначальных подлинниках договоров. При этом «за скобки» выносится то обстоятельство, что до нас дошел в лучшем случае перевод договоров, записанный не ранее начала XII века. Создается впечатление, что та удивительная точность, с которой в переводе переданы имена послов, заставляет исследователей априорно предполагать ту же скрупулезность в транслитерации имен божеств, которыми эти послы клялись. Почему в написании имен русских послов не ощущается влияния греческого посредничества – особый сложный вопрос, ответа на который в ближайшей перспективе не предвидится [42, с. 132; 23, с. 84-85]. Предположения о существовании русских дубликатов договоров выдвигались ранее [29], но в настоящее время подвергаются сомнению [6]. На сегодняшний день наиболее обоснованным выглядит предположение Я. Малигунди, что читаемые в ПВЛ тексты договоров являются переводами с византийских копийных книг, причем перевод достаточно точно отражает особенности византийской правовой и дипломатической лексики [20, с. 201; 21; 22].

Тем не менее, во внесенных в летописях текстах договоров есть несомненные следы правки, совершенной либо переводчиком, либо составителем ПВЛ, например, упоминание в числе русских городов Переяславля, который, согласно археологическим данным, появился не ранее конца X века [15, с. 128]. Да и названия Киева и Чернигова в греческом оригинале договоров должны были писаться по-другому, скорее всего близко к тем формам, которые указаны у Константина Багрянородного – Чернигва, Киоаба [49, p. 56]. Летописец, опознав знакомые названия, привел их в славянском варианте и дополнил Переяславлем, отразив современную ему ситуацию начала XII века, когда Переяславль был одним из важнейших центров Руси [52]. Нет ничего заведомо невероятного в предположении, что и при передаче имен языческих богов летописец отразил не столько особенности исходного греческого текста, сколько собственные познания о языческом пантеоне.

О том, что каких-либо следов знакомства со скандинавской мифологией в древнерусской литературе не прослеживается, известно давно – на это обстоятельство любят указывать антинорманисты. Чего они предпочитают не замечать – так это того, что в Древней Руси не знали и никаких других языческий пантеонов, за исключением *фрагментов* из славянского, античного и ближневосточного (посредством Библии, упоминающей Ваала). При этом все языческие культы, в качестве «идолотворения», мыслились древнерусскими книжниками местными вариантами одной и то же неправильной веры, следствием отпадения людей (под воздействием человеконенавистника дьявола) от изначальной веры в Творца [33, с. 91; 34. с. 78-79]. Поэтому боги различных пантеонов считались не просто изоморфными другу – это были одни и те же языческие ложные боги, их имена были взаимозаменяемы. В славянском переводе Хроники Иоанна Малалы, отрывок из которого был внесен в Ипатьев-

скую летопись под 1114 годом, кузнечный бог Гефест получил славянское имя Сварог, а солнечный бог Гелиос был назван Даждьбогом [10 с. 69, 34. с. 278-279]. В славянском переводе «Александрии» Псевдо-Каллисфена македонский царь титулуется как «сын божий, *Пороуна* велика, царь Александр, еже есть всем человеком владыка»; в греческом оригинале в данном месте стоит родительный падеж имени Зевса Διός [1, с. 114]. В апокрифическом «Слове и откровении святых апостол» эллинам приписывается поклонение Перуну, а киприотам – Хорсу [4, с. 315-316]. Бывали и обратные случаи: в одном из поздних (XVI в.) списков «Слова о том, како крестися Владимир, возьмя Корсунь» Перун назван Аполлоном [44, с. 40]. В московском распространенном житии Владимира по списку начала XVII века Владимир приказывает свергнуть в Почайну «Аполоса, его бо скотия богу именоваху» [37, с. 24]. В целом, никакой системы или последовательности в передаче языческих наименований в древнеславянской литературе не прослеживается: в том же переводе хроники Малалы наряду со Сварогом и Даждьбогом фигурируют Арес и Афродита [10б с. 69] – может быть, потому что переводчик просто не нашел подходящих славянских эквивалентов. В «Слове отца нашего Иоанна Златоуста» всем древним язычникам, без всяких этнических различий, приписывается поклонение «перену, хоурсу, вилам и мокоши» и вера в «сварожича» и в «артемиду» [4, с. 323]. В одном из списков апокрифической «Беседы трех святителей» «громными ангелами» названы «елленский старец Перун и Хорс жидовин» [46, с. 52]. Таким образом, превращение скандинавского бога – громовника в древнерусском тексте в Перуна выглядит не только вероятным, но и ожидаемым, особенно с учетом того, перед тем как попасть на страницы ПВЛ, имя «Тор» должно было пройти через «фильтр» греческих оригиналов русско-византийских договоров.

Византийские авторы в тех редких случаях, когда они упоминали персонажей из языческих пантеонов, передавали их имена на античный манер, по принципам intepretatio Romana или interpratatio Graeca. Или же они вообще не называли имени языческого божества, ограничиваясь указанием его функцию: Прокопий Кесарийский писал о поклонении славян и антов богу – творцу молнии [53, p. 270]. Если русы Олега и Игоря клялись Тором, в византийском тексте он запечатлелся бы либо как Зевс или Юпитер, либо как анонимный творец молний. И в том и в другом случае переводчику договоров либо же составителю ПВЛ не составило бы труда соотнести его со славянским Перуном.

Такое предположение имеет то преимущество, что позволяет наиболее экономным образом объяснить несоответствие между этнической и религиозной идентичностями русов из договоров X века, не прибегая к гипотезам, которые противоречат другим письменным и археологическим источникам (о принятии варягами славянского язычества, об их ассимиляции славянами уже во времена Олега и Игоря, о славянском происхождении варягов и/или руси).

Однако остается нерешенной проблема «скотьего бога» Волоса, подводящая нас к другой фундаментальной загадке русско-византийских договоров. Вопрос о том, можно ли также и Волоса соотнести с каким-нибудь богом скандинавского пантеона, тесно сопряжен с другой проблемой – почему Волос, в отличие от Перуна, не указан в договоре 944 года?

Если сходство Перуна с Тором сомнений не вызывает, то относительно Волоса все гораздо сложнее – в скандинавской мифологии нет персонажа, которого можно было бы охарактеризовать если не исключительно, то хотя бы *преимущественно* как «скотьего бога». Версий было выдвинуто множество, но ни одну из них невозможно принять без натяжек. Например, М. Фасмер находил интересным сопоставление Волоса со

скандинавским демоном Волси, связанного с плодородием и фаллическим культом [43, с. 343]. Однако божество плодородия скорее должно было бы увязываться с растениями, нежели со скотом или, во всяком случае, не исключительно со скотом. Другая версия, впервые выдвинутая еще В. О. Ключевским, толкует слово «скот» как «деньги» [14, с. 133], соответственно Волос становится богом богатства. В этом случае вырисовывается соблазнительная спекуляция: античная традиция в соответствии с interpretatio Romana передавала имя «Вотан» как «Меркурий», а Меркурий – бог торговли и богатства, тогда скотий бог Волос – это Один; в подтверждение можно привести «Слово о полку Игореве», в котором певец Боян назван Велесовым внуком – ведь Один известен как похититель меда поэзии. Впрочем, спекуляция сразу разбивается о тот факт, что тождественность Волоса с Велесом совсем не бесспорна. Волос явно связан со святым Власием из Каппадокии, считающимся покровителем скота; при этом, как заметил Ловмянский, Власий в качестве покровителя скота известен не только на Руси, но и на Балканах, в Западной Европе и в Византии, что делает невероятным предположение, будто на Власия были перенесены функции Велеса, тем более что ни в одном из источников Велес не увязывался с охраной скота [19, с. 88-89]. Согласно Фасмеру, история русского языка не дает оснований считать переход Велеса в Волоса правдоподобным [43, с. 287]. Слово «скот» в значении «деньги, богатство» действительно зафиксировано в древнерусском языке: например, в Лаврентьевской летописи под 1018 годом сказано, что посадник Константин и новгородцы «начаша скот брати от мужа по четыри куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по осмидесять гривен» [33, с. 143]. Однако же прилагательное «скотий» в древнерусском языке употреблялось только по отношению к домашнему скоту, случаев его употребления в значении «денежный», «относящийся к богатству» пока что не отмечено [38, с. 8; 39, с. 385].

Ни одно из предложенных объяснений отсутствия Волоса в договоре 944 года не свободно от натяжек и уязвимых мест. Предполагалось, что имя Волоса (тождественное Велесу) связано с водой, поэтому им клялись участники морского похода Олега; однако же Игорь, согласно ПВЛ, в 944 г. тоже совершал поход на лодьях, но в его договоре Волоса нет, в то время Святослав, воевавший преимущественно на суше, Волоса поминает. Появление Волоса в Олеговом договоре объясняли наличием в его войске финно-угорских племен – однако никаких сведений об участии финно-угров в балканских походах Святослава нет, к тому же в угрофинских краях поминали не Волоса, а Велеса. Волоса как «бога мира» противопоставляли «богу войны» Перуну, а его отсутствие в договоре 944 объяснялось тем, что он был заключен в мирной обстановке; но, как справедливо заметил Клейн, логичней было бы обратная ситуация – в мирной обстановке можно было бы обойтись без упоминания бога воинов. Отвергнув все эти объяснения, Клейн предложил свое: поскольку, в отличие от Игоря, атаковавшего с моря, Олег и Святослав осуществляли свой натиск через Балканы, то «для Олега и Святослава в скреплении кляты был чрезвычайно важен, кроме Перуна, некий бог, хотя и почитаемый в восточнославянских землях, но особенно популярный у балканских славян, тогда как для Игоря это не имело такого значения» [11, с. 146]. Под балканскими славянами тут можно понимать только болгар, но Болгария к тому времени уже была крещена, так что у русов не было никаких оснований считать ее землей скотьего бога Волоса. Поход Игоря 944 года, согласно летописи, тоже не был чисто морским, в союзниках у него были печенеги, которых он посылал воевать Болгарскую землю. К тому же, как заметил сам

Клейн, Волоса на Балканах никогда не знали, там был популярен святой Власий [11, с. 147], так что, если бы Олег и Святослав искали поддержки у балканских славян, разумнее было бы кляться именно им.

Пытаясь решить вопрос об отсутствии Волоса в договоре 944 года, исследователи, как видно из вышеизложенного, сосредотачиваются на обстоятельствах походов руси на Византию, на различия в составах войск, направлении их движения и т. п. Однако такого рода ориентиры не очень надежны с учетом того, что летописные рассказы о походах Олега, Игоря и Святослава составлялись столетия спустя после описываемых в них событий. Поэтому стоит попробовать другой путь: сосредоточиться не на сопутствующих договорам событиях, а на самих договорах, точнее – на том, в каком виде они нам даны в ПВЛ.

Из четырех русско-византийских договоров лишь два – 911 и 944 гг. – представлены как полные и обстоятельные переводы греческих подлинников, четко отделенные от основного авторского текста ПВЛ. Относительно договора 907 г. этого сказать нельзя. Как сам этот договор, так и предшествующий ему поход Олега вызывали сомнения у целого ряда исследователей. Не углубляясь в необозримую полемику по этому вопросу, отметим, что, даже если признать поход реальным, а договор подлинным, это не отменяет того обстоятельства, что текст договора подвергся значительной литературной переработке. Он не содержит формулировки «другого совещания», неизменно маркирующей другие переводы договоров, в него вписаны мало правдоподобные известия о выплате Византией астрономического размера дани и о целовании императорами креста, его текст местами преображается из пересказа документа в литературный диалог («И реста царя и боярство все: аще придоут Роусь бес купли…» и проч. [33, с. 31]). Летописный текст, без сомнения, содержит в себе реальный перевод с греческого оригинала (другой вопрос – не является ли этот перевод извлечениями из договора 911 г.), но не целиком, а фрагментарно, и эти фрагменты – лишь один из элементов (наряду с легендами об Олеге и собственным творчеством), из которых летописец компонует свой рассказ. Поэтому клятва Олега «своим» богом Перуном и «скотьим» богом Волосом в договоре 907 года не может априори считаться документальным свидетельством: в равной степени вероятно, что эта клятва – продукт творчества составителя ПВЛ.

Ловмянский полагал, что в договор 907 года имя Волоса попало из договора 971 года [19, с 370]. Той же точки зрения придерживается украинский исследователь А. П. Толочко, полностью отрицающий реальность похода и договора 907 г. [40, с. 269]. Однако реальность договора и точность его передачи в летописи – разные вопросы. Договор Святослава с Цимисхием – несомненный исторический факт, подтверждаемый двумя независимыми друг от друга источниками («Историей» Льва Диакона и Начальной летописью). Однако же текст этого договора в летописи тоже подвергся литературной правке – не менее существенной, чем мнимый или реальный договор 907 года. Как и договоры 911 и 944 гг., договор Святослава содержит заимствованную у византийцев формулировку «иного совещания», но этим, собственно, следы греческого влияния и ограничиваются. Исследователями неоднократно отмечались явные следы русской редактуры текста, такие как эпитет «боговдохновенные» по отношению к греческим царям, оформление заключительной части договора как русской клятвы, не характерное для византийской дипломатии обозначение места заключения договора, скрепление его княжескими печатями, изложение текста соглашения от лица Святослава, причем русский князь клянется не только Перуном и Волосом, но и «от Бога, в его же веруем», как если бы он был хри-

стианином [36, с. 187-189]. Согласно Льву Диакону, ромеи по условиям договора снабжали «тавроскифов» продовольствием, гарантировали им свободный уход из Мизии, обещали не нападать на них с огненосными кораблями и дружески принимать их купцов [18, с. 81] – все это не нашло никакого отражения в тексте ПВЛ. Перевод договора, несомненно, подвергся сильному сокращению, на что указывает уже его предельная лаконичность – его объем меньше даже договора 907 года, не говоря уже о договорах 911 и 907 гг. Если краткость договора 907 года можно связать с его предполагаемым прелиминарным характером, то договор Святослава с Цимисхием был окончательным и потому его телеграммную краткость невозможно объяснить ничем, кроме редактуры летописца.

Возможно, такого рода вмешательство в текст понадобилось летописцу для того, чтобы заретушировать катастрофические для Святослава итоги его войны, которая в летописи представлена победоносной. Так или иначе под 971 годом в ПВЛ дан не перевод подлинного договора, а его краткий и вольный пересказ.

В договоре 911 года имеется заметная лакуна – в нем не указаны условия проживания русских купцов в Константинополе и нет клятвы от имени богов, послы клянутся «по закону русскому». Скорее всего, как полагал еще А. А. Шахматов [45, с. 386], соответствующее место из договора было изъято составителем ПВЛ для конструирования договора 907 года, призванного согласовать несоответствие между легендой, в которой Византия выплачивала Олегу огромную дань и документальным источником (договором 911 года), в котором о дани не говорилось ни намеком. В любом случае, в договоре 911 года ни Перун, ни Волос не названы.

Договор 944 года – наиболее полный и наименее искаженный из всех представленных в ПВЛ. В нем Перун поминается дважды, и оба раз без сопровождения «скотьего бога» Волоса [33, с. 47-48, 53; 34, с. 36, 41]. Аутентичность этого перевода, помимо прочего, подтверждается специфической формой клятвой русов на оружии, соответствующей скандинавским традициям [5], о которых летописец XII века знать не мог.

Таким образом, в двух полнотекстовых переводах русско-византийских договоров – 911, 944 гг. – языческие боги либо вообще не поминаются (911 г.), либо фигурирует только Перун (944). Имя Волоса появляется лишь в тех договорах, текст которых значительно переработан составителем ПВЛ. Это означает, что принесение клятвы от имени *двух* языческих божеств – свидетельство не документальное, а нарративное; оно отражает не реалии документального источника, а представления летописца. В документальном же источнике – переводе договора 944 г. – фигурирует лишь *одно* божество, названное в летописи Перуном. В сомнительных случаях документальный источник, безусловно, имеет приоритет над нарративным, потому следует полагать, что русы при заключении договоров клялись одним богом, а имя второго божества было добавлено летописцем.

В представлении древнерусского книжника язычество, «идолопоклонство» было неотделимо от многобожия: в «Речи философа» в ПВЛ люди, прельщенные дьяволом, «начаша кумиры творити, оны древняны, овы медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены» [33, с. 91]. Множественность и многообразие кумиров подразумевало не менее пестрое разнообразие языческих божеств, и потому неудивительно, что, встретив в тексте своего источника упоминание о клятве язычниками только одним богом, летописец посчитал это ошибкой и внес свою корректуру. Он, конечно, мог бы назначить в «напарники» к Перуну любого персонажа из Владимирова пантеона, уже знакомого ему по Начальному своду, но, по-видимому, у него была особая причина назвать именно Волоса. Стоит об-

ратить внимание на то, что Волос – единственный из упоминаемых в источниках славянских божеств, для которого четко указана его специализация – «скотий бог». Если составитель ПВЛ посчитал нужным снабдить упоминание о Волосе пояснительной глоссой, то у него, по-видимому, были основания полагать, что не все его потенциальные читатели поймут, о каком таком Волосе идет речь. Сведения о скотьем боге, откуда бы они ни были получены, являлись, таким образом, личной находкой летописца, которой он счел необходимым поделиться.

Все последующие упоминания Волоса в древнерусской литературе неизменно сопровождались определением «скотий бог», что маркирует их заимствования из ПВЛ. Таково, например, известие о низвержении идола Волоса в Почайну по возвращению Владимира Святого из Корсуня в «Обычном житии Владимира», известного по спискам не ранее XV века [30, с. 26]. Правда, Шахматов возводил это упоминание к реконструируемому им самим тексту гипотетической Корсунской легенды, которой воспользовался составитель Начального свода [44, с. 115]. В этом случае получается, что не только автор ПВЛ, но и автор предшествующего ей Начального свода, располагая сведениями о скотьем боге Волосе, не включил его в число богов, идолы которых были установлены Владимиром в Киеве. Однако составитель ПВЛ уже располагал готовым текстом с описанием Владимирова пантеона, не доверять которому у него не было никаких оснований, за исключением собственных догадок о скотьем боге Волосе, которые он посчитал за лучшее внести в свой собственный текст. Но что могло побудить автора Начального слова умалчивать о Волосе – трудно представить даже теоретически[2]. Впрочем, сама по себе реконструкция Корсунской легенды Шахматовым небесспорна. Но даже если признать ее основательной, совершенно необязательно настаивать на том, что в ней фигурировало известие о свержении идола скотьего бога Волоса в Почайну: этот фрагмент можно спокойно удалить без малейшего вреда для основного костяка гипотезы – существование особой легенды о взятии Владимиром Корсуня, использованной при составлении Начального свода.

Таким образом, представляется обоснованной следующая реконструкция: русы при заключении договоров с Византией клялись своим скандинавским богом Тором, который в византийских подлинниках договоров был обозначен либо Зевсом или Юпитером, либо как творец молний, а при переводе либо при составлении ПВЛ получил имя Перуна. Имя Волоса было добавлено составителем ПВЛ чтобы согласовать свой рассказ с априорным ожиданием многобожия у язычников.

[2] Объяснение, предлагаемое Шахматовым (перенос составителем Начального свода места крещения киевлян с Почайны на Днепр, поскольку Почайна, *быть может,* к концу XI в. уже пересохла) едва ли можно признать основательным: из низвержения Волоса в Почайну вовсе не следует, что именно в ней должны были крестить киевлян, к тому же, если уж летописец решился дать волю своей фантазии, ничто не мешало ему сбросить Волоса в Днепр [44, с. 96].

Список источников и литературы

1. Александрия первой редакции / Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. Москва: Унив. тип., 1893. – VIII, 362, II, 356 с.

2. *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris, 2012. 367 с.

3. *Бибиков М. В.* Современные исследования договоров Руси и Византии X века // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. Т. 8 №3 С. 77-92.

4. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2013. 575 с.

5. *Губарев О. Л.* Клятва русов как этнический маркер // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 1 (29). С. 173-186.

6. *Елиферова М. В.* Англосаксонский след в договорах Руси с Византией // Древнейшие государства Восточной Европы. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории. 2019/2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке. 2020. С. 51-72.

7. *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.* Свечи и воск в погребениях Гнёздовского некрополя // Край Смоленский. 2025 №1. С. 29-34.

8. *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. Москва, 1876.

9. Исландские саги. Перевод с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии А. В. Циммерлинга. Т.2. Москва: Языки славянской культуры, 2004 с. 608 с.

10. *Истрин В. М.* «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В. М. Истрина. Подготовка издания, вступительная статья и примечания М. И. Чернышовой. Москва: «Джон Уайли энд Санз», 1994. 473 с.

11. *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции славянского язычества. Санкт-Петербург: Евразия, 2017. 480 с.

12. *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. Санкт-Петербург: Евразия, 2017. 400 с.

13. *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. / Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского. Ленинград: Наука, 1971. С. 226-252.

14. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. Москва: Мысль, 1987. 430 с.

15. *Колибенко О. В., Тетеря Д. А.* Вали дитинця Переяславля Руського у світлі археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: археологія та історія. – Київ: Стародавній Світ, 2013. С. 122-132.

16. *Крыласова Н. Б.* Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // Российская археология, 1995. №2 С. 192-197.

17. *Кузьмин А. Г.* Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. 3-е изд.. Москва: Флинта, Наука, 1999. 483 с.

18. *Лев Диакон.* История. Перевод М. М. Копыленко. Москва: Наука, 1988.

19. *Ловмянский Г.* Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 512 с.

20. *Максимович К. А.* Договоры Руси с Византией X в.: проблемы датировки, языка и традиции текста // Византийские очерки. СПб., 2022. С. 165-201.

21. *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X века с точки зрения дипломатики. // Византийский временник. Москва, 1996. Т. 56 (81). С. 68-91.

22. *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X века с точки зрения дипломатики. // Византийский временник. Москва, 1997. Т. 57 (82). С. 58-87.

23. *Мельникова Е. А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: сб. статей в честь чл.-корр. С. М. Каштанова. М., 1997. Вып.1. Ч.1. С. 82-92.

24. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. Москва. «Восточная литература». 2001. 496 с.

25. *Мельникова Е. А.* Воист Воиков русско-византийского договора 944 г. и состав элиты Руси середины X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. №2 (100). С. 7-21.

26. *Михайлов К. А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 С.

27. *Мусин А. Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Вишняцкий Л.Б. (ред.) Российский археологический ежегодник. №2. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2012. С. 555-602.

28. *Новикова Л. Г.* Скандинавские амулеты из Гнездова. / Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). Издательство МГУ, 1991 г. С. 175-199.

29. *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками. // Язык и мышление. Т. 6-7. Инт языка и мышления Н. Я. Марра. АН СССР, 1936. С. 79-103.

30. Обычное житие Владимира // Соболевский А. И. В память исполнившегося 900-летия Крещения Руси. / Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Книга вторая. Киев, 1888. С. 24-28.

31. *Петрухин В. Я.* Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников). Скандинавский сборник XXI. – Таллин: Ээсти Раамат, 1976. С. 153-170.

32. *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Неолит, 2017. 464 с.

33. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Ленинград, 1928.

34. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1908.

35. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Издательство Академии Наук СССР. Москва, Ленинград, 1939.

36. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. Москва: Международные отношения, 1982. 282 с.

37. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1915 год. Книга 3 (254). Москва., 1915. С. I–IV + 1–296 + 1–186 + I–IV.

38. Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 25. Москва: Наука, 2000. 273 с.

39. *Срезневский И. И.* Материалы для исследования древне-русского языка по письменным памятникам. Т.3. Санкт-Петерубрг, 1912.

40. *Толочко А. П.* 334 Очерки начальной Руси. Киев, Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. 336 с.

41. *Толочко П. П.* История Украины. VI-XXI вв. 2-е изд., испр. и доп. Киев, Москва: «Киевская Русь»; Кучково поле, 2018. 472 с.

42. *Успенский Ф. Б.* Варяжское имя в русском обиходе: к этимологии слова «олух». // Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь.: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 111-138.

43. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. В 4 тт. Т.1. (А-Д.). Москва: Прогресс, 1986. 576 с.

44. *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. 128 с.

45. *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества. Вып. 8. Петроград, 1914. С. 385-400.

46. *Щапов А. П.* Сочинения в 3 тт. Т. 1. СПб, 1906. 803 с.

47. Androshchuk F. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus´ / Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Ed. b. I. Garipzanov and O. Tolochko. Kiev, 2011. Kiev: Institute of Ukrainian History, 2011), 148 p. (Ruthenica. Supplementum 4).

48. Book of Settlement of Iceland. Translate from original Icelandic of Ari the Learned by Rev. T. Ellwood. Kendal, 1898.

49. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkis. Dumbarton Oaks. Center für Byzantine Studies. Trustees for Harvard University. Washington, District of Columbia, 1967.

50. Die Edda die ältere und jüngere nebst den mythischen Erzählungen der Skalda. übersetzt und mit Erläuterungen begleitet von Karl Simrock. Sechste verbeßerte Auflage. Stuttgart, 1876.

51. Haase F. Volksglaube und Brauchtum der Ostslaven. Breslau, 1939.

52. Lind J.-H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. London, 1984, vol. 62, no. 3, pp. 362–370.

53. Procopius. Works in 7 vols. Vol. 4 History of the wars. Books VI (continued) and VII. (Ancient Greek and English Translation). London, New York, 1914.

Аряев Леонид Николаевич – независимый исследователь, (г. Зальфельд, Германия), l.aryayev@yandex.ru

SWEAR OF RUSSES TO PERUN AND VOLOS IN RUS-BYZANTINE TREATIES OF THE 10TH CENTERY

L. N. Aryayev

In the treaties with Byzantium, the Rus bear Norman names, but swear to the names of the Slavic gods Perun and Volos. The previously proposed explanations for this paradox are not supported by the sources. According to the proposed reconstruction, the Rus swore to Thor, who in the Greek original was designated either as Zeus or as the creator of lightning. When translating the treaty into Old Russian or when compiling the Primary Chronicle he was called Perun. The appearance of Volos in the treaties of 907 and 971 is associated with the editing of the compiler of the Primary Chronicle.

Keywords: Russian-byzantine treaties of 907, 911, 944 and 971, swear, Perun, Volos, Thor, Saint Blaise, Slavic-Scandinavian contacts.

References

1. Aleksandriya pervoj redakcii [The Alexandria of the First Redaction] / Istrin V. M. Aleksandriya russkikh khronografov. Issledovanie i tekst [The Alexandria of Russian Chronographs. Research and Text]. – Moscow: Universitetskaya tip., 1893. – VIII, 362, II, 356 p. (In Russ.)

2. *Androshchuk F., Zotsenko V.* Skandinavskie drevnosti Yuzhnoj Rusi. Katalog [Scandinavian Antiquities of Southern Rus'. Catalogue]. – Paris, 2012. – 367 p. (In Russ.)

3. *Bibikov M. V.* Sovremennye issledovaniya dogovorov Rusi i Vizantii X veka [Modern Studies of the Treaties between Rus' and Byzantium in the 10th Century] // Khristianstvo na Blizhnem Vostoke [Christianity in the Middle East]. – 2024. – Vol. 8, No. 3. – pp. 77-92. (In Russ.)

4. *Gal'kovskij N. M.* Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnej Rusi [The Struggle of Christianity against the Remnants of Paganism in Ancient Rus']. – Moscow: Akademicheskij proekt; Fond "Mir", 2013. – 575 p. (In Russ.)

5. *Gubarev O. L.* Klyatva rusov kak ehtnicheskij marker [The Oath of the Rus' as an Ethnic Marker] // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh [Paleorosia. Ancient Rus': in Time, in Personalities, in Ideas]. – 2025. – No. 1 (29). – pp. 173-186. (In Russ.)

6. *Eliferova M. V.* Anglosaksonskij sled v dogovorakh Rusi s Vizantiej [The Anglo-Saxon Trace in the Treaties of Rus' with Byzantium] // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2019/2020 gody: Diplomaticheskie praktiki antichnosti i srednevekov'ya [The Earliest States of Eastern Europe. 2019/2020: Diplomatic Practices of Antiquity and the Middle Ages] / Rossijskaya akademiya nauk, Institut vseobshchej istorii. – Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2020. – pp. 51-72. (In Russ.)

7. *Eniosova N. V., Pushkina T. A.* Svechi i vosk v pogrebeniyakh Gnyozdovskogo nekropolya [Candles and Wax in the Burials of the Gnezdovo Necropolis] // Kraj Smolenskij [Smolensk Region]. – 2025. – No. 1. – pp. 29-34. (In Russ.)

8. *Ilovajskij D. I.* Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Investigations on the Beginning of Rus'. In Lieu of an Introduction to Russian History]. – Moscow, 1876. (In Russ.)

9. Islandskie sagi [Icelandic Sagas]. Per. s drevneisl. yaz., obshch. red. i komment. A. V. Tsimmerlinga. – Vol. 2. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 608 p. (In Russ.)

10. *Istrin V. M.* "Khronika" Ioanna Malaly v slavyanskom perevode [The "Chronicle" of John Malalas in Slavic Translation]. Reprintnoe izdanie materialov V. M. Istrina. Podgotovka izdaniya, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya M. I. Chernyshovoj. – Moscow: "Dzhon Uajli ehnd Sanz", 1994. – 473 p. (In Russ.)

11. *Klejn L. S.* Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii slavyanskogo yazychestva [The Resurrection of Perun. Towards a Reconstruction of Slavic Paganism]. – Saint Petersburg: Evraziya, 2017. – 480 p. (In Russ.)

12. *Klejn L. S.* Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The Debate about the Varangians. History of the Controversy and Arguments of the Parties]. – Saint Petersburg: Evraziya, 2017. – 400 p. (In Russ.)

13. *Klejn L. S., Lebedev G. S., Nazarenko V. A.* Normannskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom ehtape arkheologicheskogo izucheniya [Norman Antiquities of Kievan Rus' at the Current Stage of Archaeological Study] // Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX-XX vv. [Historical Ties between Scandinavia and Russia in the 9th-20th Centuries] / Ed. by N. E. Nosov and I. P. Shaskol'skij. – Leningrad: Nauka, 1971. – pp. 226-252. (In Russ.)

14. *Klyuchevskij V. O.* Sochineniya: v 9-ti t. [Works: in 9 vols.]. Vol. I. Kurs russkoj istorii. Ch. 1 [Course of Russian History. Part 1]. – Moscow: Mysl', 1987. – 430 p. (In Russ.)

15. *Kolibenko O. V., Tetya D. A.* Vali ditincya Pereyaslavlya Rus'kogo u svitli arheologichnih doslidzhen' [The Ramparts of the Citadel of Pereyaslavl' Rus'kyi in the Light of Archaeological Research] // Slov'yani i Rus': arheologiya ta istoriya [Slavs and Rus': Archaeology and History]. – Kiev: Starodavnij Svit, 2013. – pp. 122-132. (In Ukrainian)

16. *Krylasova N. B.* Podveska so znakom Ryurikovichej iz Rozhdestvenskogo mogil'nika [A Pendant with the Sign of the Rurikids from the Rozhdestvensky Burial Ground] // Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. – 1995. – No. 2. – pp. 192-197. (In Russ.)

17. *Kuz'min A. G.* Slavyane i Rus': problemy i idei. Koncepcii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj, v khrestomatijnom izlozhenii [Slavs and Rus': Problems and Ideas. Concepts Born of a Three-Century Polemic, Presented in a Chrestomathy Form]. – 3rd ed. – Moscow: Flinta, Nauka, 1999. – 483 p. (In Russ.)

18. *Lev Diakon.* Istoriya [Leo the Deacon. History]. Per. M. M. Kopylenko. – Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)

19. *Lovmyanskij G.* Religiya slavyan i ee upadok (VI-XII vv.) [The Religion of the Slavs and its Decline (6th-12th centuries)]. – Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2003. – 512 p. (In Russ.)

20. *Maksimovich K. A.* Dogovory Rusi s Vizantiej X v.: problemy datirovki, yazyka i tradicii teksta [The Treaties of Rus' with Byzantium in the 10th Century: Problems of Dating, Language and Textual Tradition] // Vizantijskie ocherki [Byzantine Studies]. – Saint Petersburg, 2022. – pp. 165-201. (In Russ.)

21. *Malingudi Ya.* Russko-vizantijskie dogovory X veka s tochki zreniya diplomatiki [The Rus'-Byzantine Treaties of the 10th Century from the Point of View of Diplomatics] // Vizantijskij vremennik [Byzantine Chronicle]. – Moscow, 1996. – Vol. 56 (81). – pp. 68-91. (In Russ.)

22. *Malingudi Ya.* Russko-vizantijskie dogovory X veka s tochki zreniya diplomatiki [The Rus'-Byzantine Treaties of the 10th Century from the Point of View of Diplomatics] // Vizantijskij vremennik [Byzantine Chronicle]. – Moscow, 1997. – Vol. 57 (82). – pp. 58-87. (In Russ.)

23. *Mel'nikova E. A.* Istochnikovedcheskij aspekt izucheniya skandinavskikh lichnykh imen v drevnerusskikh letopisnykh tekstakh [Source Study Aspect of the Research on Scandinavian Personal Names in Old Russian Chronicle Texts] // U istochnika: sb. statej v chest' chl.-korr. S. M. Kashtanova [At the Source: Collection of Articles in Honor of Corresponding Member S. M. Kashtanov]. – Moscow, 1997. – Iss. 1, Part 1. – pp. 82-92. (In Russ.)

24. *Mel'nikova E. A.* Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nakhodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian Runic Inscriptions. New Finds and Interpretations. Texts, Translation, Commentary]. – Moscow: "Vostochnaya literatura", 2001. – 496 p. (In Russ.)

25. *Mel'nikova E. A.* Voist Voikov russko-vizantijskogo dogovora 944 g. i sostav ehlity Rusi serediny X v. [Voist Voikov of the Rus'-Byzantine Treaty of 944 and the Composition of the Rus'

Elite in the Mid-10th Century] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus'. Questions of Medieval Studies]. – 2025. – No. 2 (100). – pp. 7-21. (In Russ.)

26. *Mikhajlov K. A.* Ehlitarnyj pogrebal'nyj obryad Drevnej Rusi: kamernye pogrebeniya IKh – nachala XI veka v kontekste severoevropejskikh analogij [The Elite Funeral Rite of Ancient Rus': Chamber Burials of the 9th – Early 11th Century in the Context of Northern European Analogies]. – Saint Petersburg: Branko, 2016. – 272 p. (In Russ.)

27. *Musin A. E.* Skandinavskoe yazychestvo na Vostoke po dannym arkheologii: obshchee i osobennoe [Scandinavian Paganism in the East According to Archaeological Data: General and Specific] // Vishnyackij L.B. (red.) Rossijskij arkheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. – No. 2. – Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. – pp. 555-602. (In Russ.)

28. *Novikova L. G.* Skandinavskie amulety iz Gnezdova [Scandinavian Amulets from Gnezdovo] / Smolensk i Gnyozdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) [Smolensk and Gnezdovo (Towards the History of an Old Russian City)]. – Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1991. – pp. 175-199. (In Russ.)

29. *Obnorskij S. P.* Yazyk dogovorov russkikh s grekami [The Language of the Treaties of the Rus' with the Greeks] // Yazyk i myshlenie [Language and Thought]. Vol. 6-7. In-t yazyka i myshleniya N. Ya. Marra. AN SSSR. – 1936. – pp. 79-103. (In Russ.)

30. Obychnoe zhitie Vladimira [The Ordinary Life of Vladimir] // Sobolevskij A. I. V pamyat' ispolnivshegosya 900-letiya Kreshcheniya Rusi [In Memory of the 900th Anniversary of the Baptism of Rus'] / Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopisca [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]. – Book Two. – Kiev, 1888. – pp. 24-28. (In Russ.)

31. *Petrukhin V. Ya.* Pogrebeniya znati ehpokhi vikingov (po dannym arkheologii i literaturnykh pamyatnikov) [Burials of Nobles in the Viking Age (According to Archaeology and Literary Monuments)] // Skandinavskij sbornik XXI [Scandinavian Collection XXI]. – Tallinn: Eesti Raamat, 1976. – pp. 153-170. (In Russ.)

32. *Petrukhin V. Ya.* Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus' in the 9th–10th Centuries. From the Calling of the Varangians to the Choice of Faith]. – 3rd ed., ispr. i dop. – Moscow: Neolit, 2017. – 464 p. (In Russ.)

33. Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL) [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennykh let [The Laurentian Chronicle. Iss. 1: The Tale of Bygone Years]. – 2nd ed. – Leningrad, 1928. (In Russ.)

34. PSRL. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis' [The Hypatian Chronicle]. – 2nd ed. – Saint Petersburg, 1908. (In Russ.)

35. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu [The Journey of Ibn Fadlan to the Volga]. Perevod i kommentarij pod redakciej akademika I. Yu. Krachkovskogo. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1939. (In Russ.)

36. *Sakharov A. N.* Diplomatiya Svyatoslava [The Diplomacy of Svyatoslav]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1982. – 282 p. (In Russ.)

37. Serebryanskij N. I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya [Old Russian Princely Lives] // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. 1915 god. Kniga 3 (254) [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Year 1915. Book 3 (254)]. – Moscow, 1915. – pp. I–IV + 1–296 + 1–186 + I–IV. (In Russ.)

38. Slovar' russkogo yazyka XI–XVIII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–18th Centuries]. Iss. 25. – Moscow: Nauka, 2000. – 273 p. (In Russ.)

39. *Sreznevskij I. I.* Materialy dlya issledovaniya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Study of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. Vol. 3. – Saint Petersburg, 1912. (In Russ.)

40. *Tolochko A. P.* 334 Ocherki nachal'noj Rusi [334 Essays on Early Rus']. – Kiev, Saint Petersburg: Laurus, 2015. – 336 p. (In Russ.)

41. *Tolochko P. P.* Istoriya Ukrainy. VI-XXI vv. [History of Ukraine. 6th-21st centuries]. – 2nd ed., ispr. i dop. – Kiev, Moscow: "Kievskaya Rus'"; Kuchkovo pole, 2018. – 472 p. (In Russ.)

42. *Uspenskij F. B.* Varyazhskoe imya v russkom obikhode: k ehtimologii slova "olukh" [A Varangian Name in Russian Everyday Life: Towards the Etymology of the Word "olukh"] //

Uspenskij F. B. Skandinavy. Varyagi. Rus'.: Istoriko-filologicheskie ocherki [Scandinavians. Varangians. Rus': Historical and Philological Essays]. – Moscow, 2002. – pp. 111-138. (In Russ.)

43. *Fasmer M.* Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. – 2nd ed. In 4 vols. Vol. 1. (A-D.). – Moscow: Progress, 1986. – 576 p. (In Russ.)

44. *Shakhmatov A. A.* Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira [The Korsun Legend about the Baptism of Vladimir]. – 2nd ed. – Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2011. – 128 p. (In Russ.)

45. *Shakhmatov A. A.* Neskol'ko zamechanij o dogovorakh s grekami Olega i Igorya [A Few Remarks on the Treaties with the Greeks of Oleg and Igor] // Zapiski Neofilologicheskogo obshchestva [Notes of the Neo-Philological Society]. – Iss. 8. – Petrograd, 1914. – pp. 385-400. (In Russ.)

46. *Shchapov A. P.* Sochineniya v 3 tt. [Works in 3 vols.]. Vol. 1. – Saint Petersburg, 1906. – 803 p. (In Russ.)

47. *Androshchuk F.* Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus´ / Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Ed. b. I. Garipzanov and O. Tolochko. Kiev, 2011. Kiev: Institute of Ukrainian History, 2011), 148 p. (Ruthenica. Supplementum 4). (In Eng.)

48. Book of Settlement of Iceland. Translate from original Icelandic of Ari the Learned by Rev. T. Ellwood. Kendal, 1898. (In Eng.)

49. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkis. Dumbarton Oaks. Center für Byzantine Studies. Trustees for Harvard University. Washington, District of Columbia, 1967. (In Greek and Eng.)

50. Die Edda die ältere und jüngere nebst den mythischen Erzählungen der Skalda. übersetzt und mit Erläuterungen begleitet von Karl Simrock [The Edda, the Elder and the Younger, along with the mythical tales of the Skalda. Translated and accompanied by commentary by Karl Simrock]. Sechste verbeßerte Auflage. Stuttgart, 1876. (In Germ.)

51. *Haase F.* Volksglaube und Brauchtum der Ostslaven [Folk faiths and customs of the East Slavs]. Breslau, 1939. (In Germ.)

52. *Lind J.-H.* The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. London, 1984, vol. 62, no. 3, pp. 362-370. (In Eng.)

53. Procopius. Works in 7 vols. Vol. 4 History of the wars. Books VI (continued) and VII. (Ancient Greek and English Translation). London, New York, 1914. (In Greek and Eng.)

Aryayev Leonid Nikolaevich – independent researcher, (Saalfeld, Germany), l.aryayev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025; принята к публикации: 13.01.2026

ДЛЯ ЦИТРИРОВАНИЯ:

Аряев Л. Н. Клятва русов Перуном и Волосом в русско-византийских договорах X века // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 56-71.

FOR CITATION:

Aryayev L. N. Klyatva rusov Perunom i Volosom v russko-vizantijskih dogovorah X veka [Swear of russes to Perun und Volos in Rus-Byzantine treaties of the 10th century] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 56-71.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

УДК 94(41/99)

ОТТО ТОРЕЛЛЬ (1828 – 1900): ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ГЕОЛОГ

И. А. Цверианашвили

Статья посвящена известному шведскому путешественнику и учёному Отто Мартину Тореллю, внесшему значительный вклад в развитие геологии, зоологии, ботаники и т.д. Торелль являлся не только вдохновителем и организатором ряда шведских арктических экспедиций, но и известным педагогом, общественным деятелем, основателем Шведской геологической службы, членом Королевской академии наук.

Ключевые слова: Отто Торелль, Швеция, Арктика, экспедиция, наука.

Отто Торелль родился летом 1828 г. в городе Варберг, в лене Халланд, в семье врача Юхана Торелля и его жены Сусанны Шарлотты, урождённой Варениус (1797-1857), происходившей из уважаемого рода священнослужителей [1]. Потеряв отца в раннем возрасте, Отто с юных лет начал проявлять интерес к биологии, особенно к морским организмам, чему способствовала его жизнь на берегу Каттегата. В учёбе и развитии интереса к науке ему помогала не только мать, но и дядя, Свен Адольф Варениус (1800-1853), директор школы. В возрасте 16 лет, Торелль решает поступать в Лундский университет [2], где, посещая занятия зоолога Свена Ловена (1809-1895), начинает активно заниматься морской зоологией. Их первая встреча состоялась в 1848 г., а в лице Ловена, Торелль обрёл не только научного наставника, но и отцовскую фигуру [1].

В 1853 г. Торелль получил учёную степень и совершил несколько исследовательских поездок по стране, как с Ловеном, так и с другими учёными. Кроме этого, он начал получать медицинское образование, которое завершит в 1858 г. К этому времени относятся и первые крупные научные изыскания Торелля, сделанные, отчасти самостоятельно, отчасти – на базе научных наблюдений Свена Ловена [3]. Их можно считать одними из зачинателей идеи, что Скандинавия была покрыта материковым льдом в ледниковый период, а также, что оледенение из Скандинавии распространялось и далее, в том числе на территорию Балтийского моря. К этому ученых подтолкнули полевые работы на балтийском побережье, озере Вэттерн, на берегу пролива Скагеррак и т.д. В 1856 г. для подтверждения своей теории, Торелль поехал в Швейцарию, но собранные материалы его не убедили, а критика со стороны ряда учёных, например, авторитетного Чарльза Лайеля (1797-1875), требовала дополнительных усилий и изысканий, которые можно было провести только на самых северных территориях. Так, в биографии Отто Торелля появляется иная глава – арктическая.

Если Свена Ловена к тому моменту уже можно считать полярным исследователем, ведь ещё в 1830-х гг. он выезжал в Северную Норвегию (1836 г.) и на Шпицберген (1837 г.), то у Торелля такого опыта не было. Со смертью своей матери Сусанны Шарлотты в 1857 г., Отто получает наследство, которое тратит на организацию целых трёх экспедиций – в Исландию (1857 г.) [4], на Шпицберген (1858 г.) и в Гренландию (1859 г.). К слову, гренландское путешествие осталось единственным, о котором Торелль не написал ни строчки. Необходимо заметить,

что полевые исследования Торелля сыграли ключевую роль в новом понимании того, как гляциологические процессы формировали ландшафт в ранние времена, в частности, в плейстоцене, включая последний ледниковый период. Обнаружив древние отложения суши вдали от современных территорий, Торелль получил ясное представление о процессах эрозии и ледяных отложений, что подтвердило и дополнило его теорию. Экспедиция на Шпицберген стала важной вехой в биографии не только героя статьи, но и для Нильса Адольфа Эрика Нурденшёльда (1832-1901), тогда ещё совсем молодого геолога, только перешедшего под подданство Швеции. В 1860 г. Торелль получает звание адъюнкта в Лундском университете и в том же году он сочетается браком с Анной Стрёмберг (1836-1919), дочерью торговца из Варберга.

Рис. 1. Карта шведских арктических экспедиций 1837 – 1880 гг.

Исследования 1856-1859 гг. стали подготовкой к более крупной междисциплинарной экспедиции на Шпицберген, которая состоялась в 1861 г. Шведское правительство согласовала на её организацию сумму в 8 тысяч крон. Для приобретения дополнительной теоретической подготовки, Отто был командирован в Копенгаген и Лондон (рис. 1).

Рис. 2. Отто Мартин Торелль, фото 1861 г.

Сам Торелль писал о начале экспедиции так: «План, о котором шла речь, показался мне настолько простым и практичным, и в то же время настолько полезным с научной точки зрения, что я не мог не поддержать его с самым горячим интересом» [5]. На двух зафрахтованных в Норвегии кораблях, группа шведских ученых работала с мая по сентябрь. Спустя 4 года, увидит свет книга Торелля с комментариями Карла Чудениуса (1833-1864), где руководитель экспедиции подведет ее выдающиеся итоги [6]. Как отмечает в своей статье Джордж Киш (1914-1989): «… книга является важной вехой, положившей начало детальному изучению архипелага Шпицберген, а шпицбергенская экспедиция 1861 г. была одной из первых арктических попыток сосредоточиться на научных достижениях, а не на достижении более высоких широт» [7] (рис. 2).

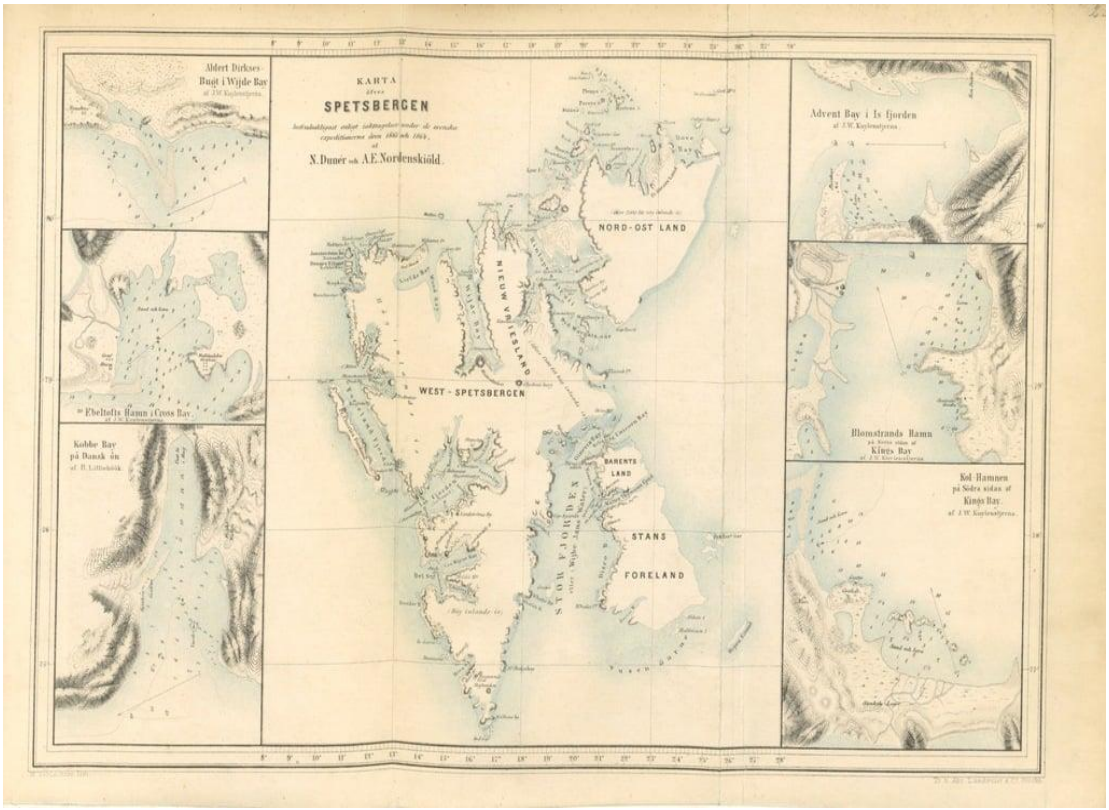


Рис. 3. Карта Шпицбергена, использовавшая во время экспедиции 1861 г.

В 1862 г. Отто Торрель был удостоен недавно учрежденной стипендии имения Якоба Леттерстедта (1796-1862) и на её средства был направлен в Великобританию, Данию и Бельгию, с целью повышения знаний и дальнейшей исследовательской деятельности. В 1866 г. ему присуждено звание профессора зоологии и геологии в Лунде, и эта работа становится для него основной. Вокруг него формируется ряд молодых учеников и последователей: Свен Леонард Тёрнквист (1840-1920), будущий прославленный геолог, палеонтолог Бернхард Лундгрен (1843-1897) и многие другие. В 1867 г. Торелль предпринимает новый ряд командировок – в Германию, Нидерланды, Швейцарию и Францию, годом ранее была посещена Финляндия. В 1869 г. Торелль посещает научный симпозиум в Эксетере, где публикуется совместно с британскими коллегами [8]. Командировки и исследовательские поездки активно продолжатся и в последующие годы, пожалуй, стоит заметить, что в Арктику Торрель уже не вернется. Однако, он посетит много стран, продолжая плодотворное общение с коллегами и ведя активную научную работу. На протяжении 1870 – 1880- х гг. посещены Норвегия, Дания, Швейцария, Франция, Италия и пр. В 1876 г. Торелль побывал на всемирной выставке в Филадельфии, США. Несколько раз принимал участие в геологических конгрессах и конференциях – Париж (1875 г.) Берлин (1880 г.), Венеция (1881 г.) В августе 1897 г. Отто Торелль посетил VII сессию Международного геологического конгресса в Санкт-Петербурге, приняв также участие в полевой экскурсии на Кавказ вместе с профессором Тартуского университета Францем Юльевичем Левинсоном-Лессингом (1861-1939).

В 1869 г. Отто Торелль был назначен новым директором Шведской геологической службы. 1 декабря того года скончался её основатель Аксель Эрдман (1814-1869) и ведомство подыскивало нового директора – квалифицированного и компетентного. Фактическое руководство всей геологической сферой страны, с одной стороны, Тореллю весьма льстило, хотя, он и не был до конца готов к этой должности [1]. В годы его руководства, данное государственное учреждение пережило бурный рост – были налажены связи с коллегами из других стран, повысился престиж профессии, был учреждён научный журнал службы, были разработаны и составлены разнообразные карты, проведены разнообразные геологические изыскания в провинциях Швеции.

В 1897 г. Торелль выходит на пенсию и удаляется в имение Шарлоттендаль. 11 сентября 1900 г., на следующий день после дня рождения своей жены, профессор Отто Торелль тихо скончался в своем доме [9]. В памяти людей он остался отцом шведской геологической науки, не только исследователем, но и основателем большой научной школы. Не менее важна и его роль в исследовании арктических широт, о которой сегодня говорят незначительно. С друзьями, коллегами и студентами, Отто Торелль щедро делился знаниями и своим энтузиазмом. Не менее щедр он был и к своей стране – по-прежнему работают шахты, заводы и скважины, которые он предложил построить, добываются ресурсы, поезда идут по железным дорогам в тех местах страны, где он когда-то трудился [10].

Список источников и литературы

1. *Holmström L.* Otto Torell // Geologiska Föreningen i Stockholm Förhandlingar. – 1901. № 23 (5). P. 391-461.

2. *Barr S.* Otto Torell. [Electronic resource] // Store norske leksikon.– URL: https://snl.no/Otto_Torell (last request: 17.11.2025).

3. *Loven S.* Svenska Trilobiter // Öfversigt af Kongliga Vetenskaps-Akademiens Förhandlingar. – 1846. № 2. P. 46-56, 104-111.

4. *Torell O.* Bref om Island // Öfersigt af Kongl.Vetenskaps-Akademiens förhandlingar. – 1857. P. 325-335.

5. *Torell O.* Explorations in Spitzbergen, undertaken by the Swedish Expedition in 1861, with the View of Ascertaining the Practicability of the Measurement of an Arc of the Meridian // Proceedings of the Royal Society of London. 1862. № 12. P. 658-652.

6. *Chydenius K.* Den svenska expeditionen till Spetsbergen år 1861 under ledning av Otto Torell. – Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1865. – 480 p.

7. *Kish G.* Adolf Erik Nordenskiöld (1832-1901): Polar Explorer and Historian of Cartography // The Geographical Journal. – 1968. № 134 (4). P. 487-500.

8. *Murray J.* Report of the 29th Meeting of the British Association for the Advancement of Science, held at Exeter, August, 1869 // Geological Magazine. – 1870. № 7 (70). P. 175-178.

9. *Hofberg H.* Svenskt biografiskt handlexikon. Stockholm, Albert Bonniers Boktryckeri, 1906. – 815 p.

10. Obituary. Otto Martin Torell // Geological Magazine. – 1902. № 9 (5). P. 239-239.

Цверианашвили Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), cverianashvili.ia@sut.ru

OTTO TORELL (1828 – 1900): POLAR EXPLORER AND GEOLOGIST

I. A. Tsverianashvili

The article is dedicated to the famous Swedish explorer and scientist Otto Martin Thorell, who made a significant contribution to the development of geology, zoology, botany, etc. Thorell was not only the inspiration and organizer of a number of Swedish Arctic expeditions, but also a renowned teacher, public figure, founder of the Swedish Geological Survey, member of the Royal Academy of Sciences.

Keywords: Otto Thorell, Sweden, Arctic, expedition, science.

References

1. *Holmström L.* Otto Torell // Geologiska Föreningen i Stockholm Förhandlingar. – 1901. № 23 (5). P. 391-461.

2. *Barr S.* Otto Torell. [Electronic resource] // Store norske leksikon. – URL: https://snl.no/Otto_Torell (last request: 17.11.2025).

3. *Loven S.* Svenska Trilobiter // Öfversigt af Kongliga Vetenskaps-Akademiens Förhandlingar. – 1846. № 2. P. 46-56, 104-111.

4. *Torell O.* Bref om Island // Öfersigt af Kongl.Vetenskaps-Akademiens förhandlingar. – 1857. P. 325–335.

5. *Torell O.* Explorations in Spitzbergen, undertaken by the Swedish Expedition in 1861, with the View of Ascertaining the Practicability of the Measurement of an Arc of the Meridian // Proceedings of the Royal Society of London. 1862. № 12. P. 658-652.

6. *Chydenius K.* Den svenska expeditionen till Spetsbergen år 1861 under ledning av Otto Torell. – Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1865. – 480 p.

7. *Kish G.* Adolf Erik Nordenskiöld (1832-1901): Polar Explorer and Historian of Cartography // The Geographical Journal. – 1968. № 134 (4). P. 487-500.

8. *Murray J.* Report of the 29th Meeting of the British Association for the Advancement of Science, held at Exeter, August, 1869 // Geological Magazine. – 1870. № 7 (70). P. 175-178.

9. *Hofberg H.* Svenskt biografiskt handlexikon. Stockholm, Albert Bonniers Boktryckeri, 1906. – 815 p.

10. Obituary. Otto Martin Torell // Geological Magazine. – 1902. № 9 (5). P. 239-239.

Tsverianashvili Ivan Alexeevich – Senior Lecturer, Department of History and regional studies, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), cverianashvili.ia@sut.ru

Статья поступила в редакцию: 19.12.2025; принята к публикации: 26.01.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цверианашвили И. А. Отто Торелль (1828 – 1900): полярный исследователь и геолог // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 72-77.

FOR CITATION:

Tsverianashvili I. A. Otto Torell (1828 – 1900): polyarniy issledovatel i geolog [Otto Torell (1828 – 1900): polar explorer and geologist] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 72-77.

УДК 93, 930

КОРОБЕЙНИЧЕСКАЯ ТОРГОВЛЯ БЕЛОМОРСКИХ КАРЕЛОВ В ФИНЛЯНДИИ: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

И. С. Нестерова

Необходимость отлучки местного населения Беломорской Карелии к местам промысловой деятельности определялась слабым развитием сельского хозяйства и малодоходностью внутренних промыслов. Для населения западных центральных волостей важнейшим отхожим промыслом, определявшим экономическое развитие региона, являлась коробейническая торговля на территории соседней Финляндии.

Ключевые слова: Беломорская Карелия, Великое княжество Финляндское, коробейническая торговля, неформальные институты, моральная экономика.

Введение. В рамках настоящего исследования к рассмотрению предлагаются карельские волости Кемского уезда Архангельской губернии, территория т.н. Беломорской Карелии. При этом преимущественное внимание уделяется центральным волостям уезда – Ухтинской и Вокнаволоцкой, население которых в большей степени было ориентировано на занятие коробейнической торговлей на территории соседней Финляндии. Население других приграничных карельских волостей (Тихтозерской, Кондокской, Кестенгской и Юшкозерской) тоже занималось торговлей в разнос на сопредельной территории, однако близость северных волостей к Поморью, а южных – к Олонецкой губернии определяло несколько иной профиль их промысловой деятельности. Для жителей Вокнаволоцкой и Ухтинской волостей коробейническая торговля, являясь единственным источником дохода крестьян, была важнейшей составляющей в вопросе их выживания, в деле получения доходов для пропитания себя и своих семей и необходимости уплаты податей.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX столетий, характеризующиеся весьма серьезными изменениями, произошедшими на государственном уровне и выразившимися в виде проведения местного реформирования, в дальнейшем способствовавшими определению финнов как нации. На локальном уровне этот период был связан с изменениями местного законодательства в отношении сельских торговцев, что непосредственно сказалось и на практике ведения приграничной торговли.

Настоящее исследование опирается на изучение фондов отечественных [9], [10] и зарубежных [16] архивов, которые содержат сведения о промысловой деятельности карельского населения, об организации и правилах ведения коробейнической торговли на территории Финляндии, об отношении местного населения к карелам-торговцам.

Первые сведения о приграничной торговле карельских крестьян появились в путевых заметках, письмах, воспоминаниях ученых и деятелей искусства, в которых нашли отражение особенности уклада жизни, обычаев и нравов карельского населения, его основных занятий. В настоящей статье были задействованы путевые очерки финского журналиста, писателя и путешественника А. В. Эрвасти [13].

Историко-этнографические и статистические [2], [4], [5], [11], [12] источники дают подробную характеристику социально-экономического положения карельских волостей Кемского уезда, обращая внимание на быт и нравы карельского населения, описывая положение дел в сельском хозяйстве, повествуя об основных промысловых занятиях населения, о духовной сфере общества.

Исследования отечественных и зарубежных историков первой половины XX в. преимущественно были сосредоточены на изучении вопросов, связанных с правовым положением Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, а также с таможенно-тарифной политикой государственного уровня ведения торговли.

Интерес к изучению локальной истории, истории регионов, взаимодействия приграничного населения и в отечественной, и в зарубежной историографии обозначился примерно в одно и то же время, приходившееся на период 1980-х гг. В ряду карельских исследователей, занимавшихся этой тематикой, следует выделить работы Н. А. Кораблёва [6], [7], [8], посвященные изучению экономической ситуации, сложившейся в приграничном регионе в пореформенный период.

Из обобщающих работ выделим «Историю Карелии с древнейших времен до наших дней» [3], изданную под редакцией Н. А. Кораблёва, посвященную социально-экономической и общественно-политической жизни края. Коллективная трехтомная монография «История экономики Карелии» [1] представляет хронику основных событий экономической жизни карельского края от вхождения ее в состав единого Русского государства до 1991 г., отражая современные взгляды исследователей на положение дел в экономике региона.

В зарубежной историографии тема коробейнической торговли изучена более подробно. Монография П. Лехеса [17] посвящена одному из самых известных представителей династии карельских коробейников, а позднее стационарных торговцев Финляндии – Алексею Митрофанову (Митро). Наряду с историей успеха отдельной личности автором значительное внимание уделено организации и правилам ведения коробейнической торговли. Целый ряд исследований, посвященных судьбам карельских коробейников, занимавшихся на территории соседней Финляндии разносной, а затем и стационарной торговлей, представлен в издаваемом Карельским просветительским обществом Финляндии культурно-историческом журнале «Karjalan heimo» [14], [15], [22].

Профессор Р. Ранта [21] занимался изучением вопросов, связанных с организацией коробейнического промысла, включавшей в себя определение мест пребывания карельских торговцев на территории Великого княжества Финляндского, систему распределения товаров между ними, организацию периодических встреч коробейников в определенных, заранее обговариваемых, местах для предоставления отчетов и получения новых партий товара.

Наиболее ценными на сегодняшний момент из зарубежных исследований по теме коробейнической торговли являются монографии М. Наакка-Корхонена [19] и П. Невалайнена [20], в которых рассматриваются вопросы организации, правил и традиций торговли карельских коробейников, пути и маршруты передвижения торговцев, их взаимоотношения с финским сельским населением.

Особенности экономического развития Беломорской Карелии. Характерной особенностью Беломорской Карелии второй половины XIX – начала XX вв. была изолированность края, отсутствие дорожного и транспортного сообщения. Основными путями передвижения служили водные магистрали – р. Кемь, ее притоки и система озер Куйтто и пешие маршруты, проходящие по еле заметным, известным лишь местному населению, тропинкам, пролегающим через глухие, бесконечные леса и топкие болота.

Земледелие никогда не составляло здесь основу экономического благосостояния населения. По причине суровости климата оно было развито крайне слабо и имело скорее второстепенное значение, являясь своего рода подспорьем отхожим промыслам. Наиболее вероятным соотношением показателей доходности от промысловой деятельности представляется значение 60-70%, показатель этот

применим к периоду начала XX столетия, поскольку пригодные для сопоставления данные нашли отражение только в источниках этого времени. Так, в 1910 г. доход от земледелия карельских волостей населения Кемского уезда составил 231.025 руб. (38%), тогда как все остальные побочные заработки (внутри- и внекраевые промыслы) достигли показателя 380.491 руб. (62%) [2, с. 125].

Природно-климатические условия являлись одним из первоочередных факторов, способствовавших слабому развитию земледелия. Зачастую ранние заморозки губили урожай, лишая крестьян даже семян, затраченных на урожай. Кроме того, система землепользования, основу которой составляли периодические переделы земли, вызывала у крестьян нежелание «вкладывать свои силы и средства в землю, если не знаешь, в чье распоряжение она вдруг попадет» [13, с. 95]. Хлебопашество было возможно только в силу применения подсечной (нивной) системы. При этом следует учитывать, что организация нивы была делом весьма трудозатратным. Подготовка такого участка занимала три летних сезона. Ниву использовали только один раз, на второй год хлеб на ней не родился. В 1869 г. закладка подсек была запрещена правительством в связи с тем, что древесина к этому моменту стала важным источником экспорта. Только крестьяне Кемского уезда в виду малоземелья оказались в особом положении, получив разрешение производить расчистки под пашню и сенокос в размере 15 десятин на душу с правом пользования в течение 40 лет без уплаты оброка. Однако в связи с ограниченностью рабочих рук, нехваткой удобрений, отсутствием удобных мест под расчистки вблизи мест проживания и ограничительным сроком использования, население уезда практически не пользовалось предоставленной льготой [1, с.101]. Преобладающим показателем урожая в Вокнаволоцкой и Ухтинской волостях, как и повсеместно в Кемском уезде, для яровых хлебов был сам-3, для озимых – сам-4. Даже в урожайные годы собственного хлеба беломорским карелам хватало лишь до января, затем крестьяне были вынуждены покапать хлеб по весьма высокой цене – от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 20 коп. за пуд с дополнительной оплатой за перевозку его из Кеми в размере 35-70 коп. за пуд [16, s. 37-38], [11, с. 448]. Неплохим подспорьем для карельского населения, особенно в голодные, неурожайные годы, были лесные ягоды и грибы.

Еще одним фактором, повлиявшим на слабое развитие земледелия, стало отсутствие необходимых удобрений, что, в свою очередь, было связано с малочисленностью домашнего скота. У крестьян Вокнаволоцкой и Ухтинской волости 1 корова приходилась на пятерых, одна овца – на четверых, одна лошадь – на 14 жителей [12, с. 78]. Малочисленность скота в домашнем хозяйстве обуславливалась недостатком кормов. Значительная часть сенокосных угодий приходилась на заболоченные и лесные места [3, с. 262]. Сеном кормили только лошадей. Коровам и овцам в корм шли солома, осока и пойло из березовых и ивовых листьев, различных трав, квашеных грибов и рыбных костей. В северных районах Беломорской Карелии держали небольшое количество оленей, которые использовались для перевозки грузов в зимний период времени. Домашние животные преимущественно использовались в хозяйстве как тягловая сила. Скудное питание их, в свою очередь, влияло на производство молочной продукции, которая особенно в неурожайные годы могла бы служить хорошим подспорьем в хозяйстве беломорских карелов. Определенный урон наносился падежом скота.

Основными подсобными промыслами беломорских карелов служили рыболовство и лесная охота. Рыболовство было развито повсеместно, промысловое значение оно имело весной - улова хватало на прокорм в течение всего лета, и осенью – часть улова заготовлялась на зиму, другая шла на продажу [4, с. 303-305]. Промысел лесной охоты в промы-

словых масштабах был развит в Кестенгской и Юшкозерской волостях Кемского уезда, в том время как Вокнаволоцкий волостной старшина отмечал, что во вверенной ему волости лесной промысел птицы и зверей не имел «никакого значения для существования». Ограничительный характер промысла был связан с наличием ружья, поскольку применение петель, сетей и силков строго воспрещалось [10, л. 41]. Даже имея излишки промысловых занятий, предназначенные к продаже, получить какие-либо значительные доходы не представлялось возможным. Скупщики, приобретавшие их у крестьянского населения, платили очень незначительные суммы. Существовать на эти средства при слаборазвитом сельском хозяйстве жители карельских волостей не могли, они были вынуждены искать дополнительные источники дохода.

Стоит отметить, что внутренние промыслы в Кемском уезде не получили сколько-нибудь заметного развития. Выделывание кожи и овчины, выделка сукна из овечье шерсти и ткачество характера промысла не имели, а служили удовлетворению собственных нужд крестьян. Традиционными крестьянскими занятиями были плетение рыболовных сетей и изготовление туесков для даров леса. К концу XIX в., в связи с введением пошлин на дрова, потерял свое былое значение некогда развитый кузнечный промысел [9, л. 74]. На рубеже XIX-XX ст., с развитием лесного промысла, включавшего в себя рубку и сплав леса, рубку дров и работу на лесопильных заводах, основная масса крестьян северо-восточных волостей Кемского уезда – Кестенгской, Маслозерской и Тунгудской – оказалась задействована в этом виде промысла. География вовлечения волостей была связана с расположением предприятий этой отрасли на побережье Белого моря [2, с. 117]. Население западных и центральных волостей Беломорской Карелии в отсутствии крупных промышленных центров было вынуждено искать заработки за пределами мест своего проживания. Главными отхожими промыслами беломорских карелов стали рыбные промыслы на Мурмане и побережье Белого моря, извозный промысел и коробейническая торговля на территории соседней Финляндии.

Отхожие промыслы населения Беломорской Карелии. Отход на рыбные промыслы Мурмана и побережья Белого моря был наиболее популярным среди жителей восточных карельских волостей Кемского уезда, в местностях, прилегающих к Поморью – Кестенгской, Маслозерской, Подужемской, Вычетайбольской [22, s. 90]. Получив необходимые для проживания и пропитания деньги и хлеб авансом, до выполнения работы, крестьяне, по сути, оказывались в кабале у рыбопромышленника. На промысел к морю отправлялись в марте месяце, наряду со взрослыми, в нем участвовали и мальчики 7-15 лет. Ловили палтус, сайду, треску, пикшу и камбалу. Промысел производился артелями, 2/3 улова получал хозяин – владелец судна и рыболовных снастей и 1/3 – работник [5, с. 652]. Основную часть выловленной рыбы у промышленников приобретали скупщики, перепродававшие ее затем со значительной для себя выгодой [6, с.134]. Таким образом, для населения прилегающих к Поморью волостей, этот вид промысловой деятельности был важнейшим источником пропитания и денежного дохода карельского населения.

Извозом занималось население целого ряда волостей. Жители северо-восточных карельских волостей (Кестенгской, Вычетайбольской) привозили из Поморья хлеб для местной продажи в казенных магазинах. В обратном направлении, на оленях, осуществлялась перевозка промышленников, отправлявшихся на Мурманский берег. Население пограничных с Олонецкой губернией, прежде всего, Тунгудской и Юшкозерской волостей, преимущественно занимались извозом, осуществляя доставку товаров на Шуньгские ярмарки. Известно, что жители приграничных с Финляндией регионов в зимнее время доставляли продукцию на

ярмарки в финские города – Куопио, Торнио и Каяни. Для жителей центральных волостей Кемского уезда – Ухтинской и Вокнаволоцкой – основным видом промысла в приграничье, а зачастую единственным источником дохода и решающим фактором развития экономики региона являлась коробейническая торговля.

Ассортимент предлагаемых коробейниками товаров был достаточно широким. Преимущественное значение имели товары для женщин: кружева и ленты, иглы, пуговицы, наперстки, крючки для вязания, нитки и ножницы, для мужчин предлагались рыболовные крючки, курительные трубки и табак. Главной статьей продаж в Финляндии являлись ткани. Для сельского населения Финляндии такой вид торговли был удобен, товары можно было приобрести прямо дома, не совершая поездки на дальние расстояния [15, s. 69]. Большое значение имело и то, что торговля носила меновой характер. Несомненно, коробейнику «живые» деньги были необходимы, прежде всего, для оплаты жилья и питания в местах размещения на территории Финляндии. Однако особенно в отдаленных местностях наличные были редкостью, в такой ситуации меновая торговля оказывалась весьма удобной для обеих сторон. Свой товар коробейники выменивали преимущественно на шкурки лесных зверей – лисиц, белок и горностаев. В случае установившихся доверительных отношений, торговец вел торговлю в кредит [19, s. 145].

Процветанию коробейничества способствовало отсутствие таможенной охраны на границе. Таможни, располагавшиеся на берегу Белого моря, никаким образом не влияли на положение дел в приграничье. В условиях отсутствия должного контроля с течением продолжительного времени существования коробейнического промысла, между населением приграничных территорий установились добрососедские, иногда даже дружеские связи, обеспечивавшие, в свою очередь, развитие неформальных экономических взаимоотношений. Связи эти, строившиеся на принципах моральной экономики, были обусловлены личным знакомством карельских торговцев и местного сельского населения, выступавшего их главными покупателями. Такая самоорганизация людей, по сути, и создавала собственные способы взаимодействия, формируя определенные стратегии выживания вне рамок, заданных государством. Законодательно оформленный финляндскими властями запрет на ведение разносной торговли, в сущности, не имел значения во взаимодействиях приграничного населения.

Развитию промысла коробейнической торговли способствовали также этническая и языковая близость. Те, кто ходили в Финляндию, финский язык знали «не хуже своего» [7, с. 24].

Немаловажной причиной коробейничества можно считать силу традиции промысла, передаваемого из поколения в поколение [22, s. 90-92]. Обучать мальчиков коробейничеству начинали с 14-15-ти, а иногда и 12-ти летнего возраста. Период обучения составлял один-два торговых цикла. Участие мальчиков в торговле в разнос вместе с отцом, дядей или братом способствовало знакомству с профессией коробейника, маршрутами передвижения и местами отдыха. Самое важное, чему должен был научиться юный торговец – презентовать товар, вести торг и отмерять ткань.

Существование коробейнической торговли в Финляндии обуславливалось слабым развитием местной сельской торговой сети. Сельские магазины располагались в наиболее крупных населенных пунктах, тогда как основная масса финского населения, оказываясь вдалеке от торговых центров, находилась в зависимости от карельских торговцев-разносчиков [18, s. 446-447], [14, s. 71].

Коробейниками были мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. Торговать отправлялись осенью, когда сельскохозяйственные работы были завершены. Торговцы каждой местности группами начи-

нали путь на веслах по озерам и порогам рек, пешком по дремучим лесам. Финляндия была разделена на торговые округа. У каждой карельской деревни была своя собственная торговая территория и свой маршрут. Сын часто наследовал торговый путь своего отца, который затем мог передаваться из поколения в поколение. Каждый из приходов своего маршрута коробейник посещал обычно 3 раза за год. Весенний цикл использовался для получения долгов, образовавшихся у местных жителей за осенний и зимний период.

Принимавшие участие в торговле образовывали своего рода торговые союзы, главными принципами которых была сплоченность и преданность общему делу. В историографии принято выделять три типа союзов. Первый представлял собой объединение купца и его одного или нескольких работников. Чаще всего это были бедняки, зачастую не имевшие другой возможности заработать на жизнь, кроме как в качестве коробейников наняться в услужение своим более состоятельным односельчанам. Состоятельные люди сами сумки не носили, по сути, являясь хозяевами коробейников, действовали исключительно как поставщики товаров. Второй тип союза представлял собой объединение самостоятельных торговцев, один из которых производил закупку товаров для дальнейшей продажи. Третий тип союза являлся, по сути, кооперативом, каждый член которого вносил определенную сумму. Каждый участник союза получал прибыль в соответствии со своими инвестициями в капитал кооператива [20, s. 56].

Как правило, у поставщиков товаров на территории Финляндии имелись свои резиденции, где с периодичностью в две-три недели происходили встречи торговцев-разносчиков для распределения новых партий товара. В северной части Финляндии, где расстояния между населенными пунктами были значительны, а покупателей относительно мало, на обмен одной партии товара уходило времени больше, чем в южных регионах страны. Интервалы между встречами легко растягивались на месяц, а иногда и на весь торговый цикл. Помимо дележа товара, собираясь вместе, союз сводил счета, распределял прибыль и убытки, понесенные после конфискации товара властями [21, s. 147], [17, s. 16].

Заключение. С одной стороны, территориально-климатические условия сыграли ключевую роль в развитии отхожих промыслов, связанных с необходимостью выживания карельского населения. Экономику региона определяла промысловая деятельность, сельское хозяйство имело вторичное значение, являясь своего рода подспорьем к существованию. Наличные деньги, так необходимые для уплаты податей и покупки недостающего в семье хлеба, можно было получить только заработками на стороне. С другой стороны, личные связи, налаженные с представителями крестьянского населения Финляндии, позволяли выстраивать неформальные отношения, выходящие за рамки, установленные государством. Местное население всегда относилось к карельским коробейникам благожелательно: укрывая их, в случае опасности, от внезапно нагрянувшего ленсмана, предоставляя им пищу и ночлег, приобретая у них товары, несмотря на существующие запреты и штрафы, способствуя их благополучному возвращению на родину.

Самостоятельно сформированные и закрепленные в нормах и обычаях модели поведения выстраивали тем самым неформальные институты, которые поддерживались приватно, через личные взаимодействия. Коробейники зачастую уходили на промысел, не имея действующих документов на ведение торговли, но сельскому населению Финляндии они и не требовались, поскольку личное или приватное оказывалось сильнее, ему просто не требовалось подтверждений законности промысла. Традиционность промысла, передающегося из поколения в поколение, имела первостепенное значение, обуславливая стратегии выживания беломорских карелов.

Список источников и литературы

1. *Баданов В. Г.* История экономики Карелии / Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю. Кн. 1. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV-начало XX веков. – Петрозаводск, 2005. – 192 с.

2. *Голубцов Н.* Кемский уезд // Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. – Архангельск, 1913. – С. 92-131.

3. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. – Петрозаводск, 2001. – 944 с.

4. *Камкин Н.* Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. – Санкт-Петербург, 1880. № 2. – С. 293-309.

5. *Камкин Н.* Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. – Санкт-Петербург, 1880. № 4. – 651-673.

6. *Кораблёв Н. А.* Морское рыболовство Карелии во второй половине XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1980. – С. 132-136.

7. *Кораблёв Н. А.* Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. // Россия и стран Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI – XX вв. – Петрозаводск, 2003. – С. 24-31.

8. *Кораблёв Н.А.* Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. – Петрозаводск, 2000. – С. 51-60.

9. *Национальный архив Республики Карелия* (НА РК). Ф. 304. Оп.1. Д. 1/1.

10. *НА РК.* Ф. 304. Оп.1. Д.5/41.

11. *Крылов Н. К.* Из Кемского уезда // Труды Вольного экономического общества. – Санкт-Петербург, 1875. Т.3. – С. 446-553.

12. *Чубинский П.* Статистическо-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. – Архангельск, 1866. – С.65-134.

13. *Эрвасти А. В.* Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 г. – Петрозаводск: Periodika, 2022. – 253 с.

14. *Heinänen H.* Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla // Karjalan heimo. 2002. – №5-6. – S. 71-73.

15. *Hämynen T.* Rajako railona aukeaa? // Karjalan heimo. 1997. – №5-6. – S. 69-71.

16. Kansallisarkisto (KA). Kenraalikuvernöörin kanslia. (KKK). Fa 1798/15VI.

17. *Lehes P.* Aleksei Mitro. Karjalainen kauppias ja yhdistysmies. – Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 1986. – 133 s.

18. *Mauranen T.* Kauppa ja liikenne/Suomen taloushistoria. 1. Agraarinen Suomi. Helsinki, 1980. S. 446-447.

19. *Naakka-Korhonen M.* Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. – Helsinki: Suomal. kirjall. seura, 1988. – 294 s.

20. *Nevalainen P.* Kulkukauppiasta kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. – Helsinki: SKS, 2016. – 294 s.

21. *Ranta R.* Vienan ja Kainuun kaupalliset suhteet menneinä vuosisatoina // Rajamailla III. 1996. – Rovaniemi, 1997. - S. 125-152.

22. *Ranta R.* Vienan kauppayhteydet Suomeen // Karjalan heimo. 1994. – №5-6. – S. 90-92.

Нестерова Ирина Сергеевна – старший преподаватель кафедры зарубежной истории, Петрозаводский государственный университет, (г. Петрозаводск, Россия), ines@petrsu.ru

PEDDLING TRADE OF THE WHITE SEA KARELIANS IN FINLAND: A SURVIVAL STRATEGY

I. S. Nesterova

The need for the local population of the White Sea Karelia to travel to crafts outside the home was determined by the poor development of agriculture and the low profitability of domestic crafts.

For the population of the western central volosts the most important outside the home that determined the economic development of the region was peddling on the territory of neighboring Finland.

Keywords: White Sea Karelia, Grand Duchy of Finland, peddling trade, informal institutions, moral economics.

References

1. *Badanov V. G.* Istoriya ekonomiki Karelii [History of the Economy of Karelia] / Badanov V. G., Korablev N. A., Zhukov A. Yu. – Book 1: Ekonomika Karelii so vremeni vkhozhdeniya kraya v sostav edinogo Russkogo gosudarstva do Fevral'skoj revolyutsii. Konets XV-nachalo XX vekov [The Economy of Karelia from the Time of the Region's Incorporation into the Unified Russian State until the February Revolution. Late 15th – Early 20th Centuries]. – Petrozavodsk, 2005. – 192 p. (In Russ.)

2. *Golubcov N.* Kemskij uezd [Kem District] // Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoj gubernii na 1912 g. [Commemorative Book of Arkhangelsk Governorate for 1912]. – Arkhangelsk, 1913. – pp. 92-131. (In Russ.)

3. Istoriya Karelii s drevnejshikh vremen do nashikh dnej [History of Karelia from Ancient Times to the Present Day] / Ed. by N. A. Korablev, V. G. Makurov, Yu. A. Savvateev, M. I. Shumilov. – Petrozavodsk, 2001. – 944 p. (In Russ.)

4. *Kamkin N.* Arkhangel'skie korely. Etnograficheskij ocherk [The Arkhangelsk Karelians. An Ethnographic Sketch] // Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and New Russia]. – Saint Petersburg, 1880. No. 2. – pp. 293-309. (In Russ.)

5. *Kamkin N.* Arkhangel'skie korely. Etnograficheskij ocherk [The Arkhangelsk Karelians. An Ethnographic Sketch] // Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and New Russia]. – Saint Petersburg, 1880. No. 4. – pp. 651-673. (In Russ.)

6. *Korablyov N. A.* Morskoe rybolovstvo Karelii vo vtoroj polovine XIX v. [Maritime Fishing in Karelia in the Second Half of the 19th Century] // Voprosy istorii Evropejskogo Severa [Issues in the History of the European North]. – Petrozavodsk, 1980. – pp. 132-136. (In Russ.)

7. *Korablyov N. A.* Prigranichnaya torgovlya krest'yan Karelii vo vtoroj polovine XIX v. [Cross-border Trade of Karelian Peasants in the Second Half of the 19th Century] // Rossiya i strany Severnoj Evropy: iz istorii prigranichnykh otnoshenij v XVI – XX vv. [Russia and the Countries of Northern Europe: From the History of Cross-border Relations in the 16th – 20th Centuries]. – Petrozavodsk, 2003. – pp. 24-31. (In Russ.)

8. *Korablyov N. A.* Ekonomicheskoe razvitie Belomorskoj Karelii v poreformennyj period XIX v. [Economic Development of White Sea Karelia in the Post-Reform Period of the 19th Century] // Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii [Historical Destinies of White Sea Karelia]. – Petrozavodsk, 2000. – pp. 51-60. (In Russ.)

9. Nacional'nyj arkhiv Respubliki Kareliya (NA RK) [National Archive of the Republic of Karelia]. F. 304. Op.1. D. 1/1. (In Russ.)

10. NA RK. F. 304. Op.1. D.5/41. (In Russ.)

11. *Krylov N. K.* Iz Kemskogo uezda [From Kem District] // Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva [Proceedings of the Free Economic Society]. – Saint Petersburg, 1875. Vol. 3. – pp. 446-553. (In Russ.)

12. *Chubinskij P.* Statistiko-ehtnograficheskij ocherk Korely [A Statistical-Ethnographic Sketch of the Karelians] // Trudy Arkhangel'skogo statisticheskogo komiteta za 1865 g. [Proceedings of the Arkhangelsk Statistical Committee for 1865]. – Arkhangelsk, 1866. – pp. 65-134. (In Russ.)

13. *Ervasti A. V.* Vospominaniya o puteshestvii po Russkoj Karelii letom 1879 g. [Memoirs of a Journey through Russian Karelia in the Summer of 1879]. – Petrozavodsk: Periodika, 2022. – 253 p. (In Russ.)

14. *Heinänen H.* Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla // Karjalan heimo. 2002. – №5-6. – S. 71-73.

15. *Hämynen T.* Rajako railona aukeaa? // Karjalan heimo. 1997. – №5-6. – S. 69-71.

16. Kansallisarkisto (KA). Kenraalikuvernöörin kanslia. (KKK). Fa 1798/15VI.

17. *Lehes P.* Aleksei Mitro. Karjalainen kauppias ja yhdistysmies. – Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 1986. – 133 s.

18. *Mauranen T.* Kauppa ja liikenne/Suomen taloushistoria. 1. Agraarinen Suomi. Helsinki, 1980. S. 446-447.

19. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. – Helsinki: Suomal. kirjall. seura, 1988. – 294 s.

20. Nevalainen P. Kulkukauppiasta kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. – Helsinki: SKS, 2016. – 294 s.

21. Ranta R. Vienan ja Kainuun kaupalliset suhteet menneinä vuosisatoina // Rajamailla III. 1996. – Rovaniemi, 1997. – S. 125-152.

22. Ranta R. Vienan kauppayhteydet Suomeen // Karjalan heimo. 1994. – №5-6. – S. 90-92.

Nesterova Irina Sergeevna – senior lecturer at the Department of Foreign History, Petrozavodsk State University, (Petrozavodsk, Russia), ines@petrsu.ru

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025; принята к публикации: 03.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Нестерова И. С. Коробейническая торговля беломорских карелов в Финляндии: стратегия выживания // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 78-86.

FOR CITATION:

Nesterova I. S. Korobejnicheskaya torgovlya belomorskih karelov v Finlyandii: strategiya vyzhivaniya [Peddling trade of the White Sea Karelians in Finland: a survival strategy] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 78-86.

УДК 94(47+480)"1960"+725.94

ОБ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА ЭДИТ СЁДЕРГРАН В РОЩИНО В 1960 ГОДУ

С. А. Куприк

Статья посвящена увековечению памяти шведской поэтессы Эдит Сёдергран в контексте культурного взаимодействия между Финляндией и Советским Союзом. Рассматривается процесс установки памятника в поселке Рощино в 1960 г., который стал символом преодоления политических и культурных барьеров. В работе анализируются дипломатические усилия и культурные обмены, предшествовавшие этому событию. Особое внимание уделяется роли Союза шведских писателей Финляндии и советских литераторов в организации и реализации проекта. В статье также рассматриваются трудности, связанные с установкой памятника, и освещается участие различных литературных и общественных деятелей в этом процессе.

Ключевые слова: Эдит Сёдергран, памятник, культурное взаимодействие, Финляндия, Советский Союз, литературные связи, Союз шведских писателей Финляндии, Союз советских писателей.

Увековечение памяти выдающихся личностей часто сопряжено с преодолением политических и культурных барьеров, особенно в периоды социальных и политических перемен. Эдит Сёдергран – одна из наиболее значительных поэтесс Северных стран XX в., оставившая глубокий след в шведской литературе и культурном наследии Финляндии. Сохранение памяти о ней стало важной задачей для последующих поколений.

Рис. 1. Эдит Сёдергран. Фото А. В. Кондратьева. 1906-1910 гг. SLSA

Ранее автор уже обращался к данной теме, акцентируя внимание на открытии памятника в Райвола (ныне Рощино) в 1933 г.[1] В статье также рассматривались трагические события Советско-финляндской («Зимней») войны 1939-1940 гг., которые привели к разрушению памятника и дома Сёдергран. В послевоенные годы предпринимались многочисленные усилия по сохранению памяти о поэтессе. Особого упоминания заслуживает путешествие Пера Барка и Ральфа

[1] См. *Куприк С. А.* Увековечивание памяти Эдит Сёдергран: от забвения к памятнику // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 140-152.

Парланда в 1957 г. в Рощино с целью поиска могилы поэтессы, а также последующей установки нового надгробного камня. В данной статье подробно рассматриваются события, предшествовавшие открытию памятника Эдит Сёдергран в Рощино в 1960 г. Эти материалы, впервые вводимые в научный оборот, позволят более подробно понять, какие усилия общественности двух стран и дипломатические шаги были предприняты для восстановления утраченной памяти, и то, как культурные связи между Финляндией и Советским Союзом способствовали реализации этой значимой инициативы.

Зимой 1945 г. делегация советских писателей и художников посетила Хельсинки. В знак уважения Союз шведских писателей Финляндии и Союз писателей Финляндии организовали торжественный прием в Сеурахуоне[2] для «гостей с Востока» [11, s. 67]. Изначально такие встречи проходили под эгидой Общества дружбы «Финляндия – Советский Союз» и носили протокольно-дипломатический характер. Однако весной 1953 г. ситуация существенно изменилась благодаря визиту в Финляндию секретаря Союза писателей СССР Алексея Александровича Суркова, что придало отношениям между странами «более открытый и доверительный характер» [11, s. 67]. Кульминацией этих контактов стал 1960 г., когда 27 ноября в пос. Рощино на Карельском перешейке был торжественно открыт мемориал Эдит Сёдергран. Вопрос о месте ее захоронения был поднят еще во время визита Суркова в Финляндию в мае 1953 г., а осенью 1954 г. Союз писателей Финляндии направил в советское посольство в Хельсинки запрос о возможности посещения Рощино для установления места захоронения Эдит и установки нового памятного камня [11, s. 68-69]. Аналогичный запрос был отправлен и в Союз писателей в Ленинграде [11, s. 68-69].

Отсутствие ответа на эти письма побудило Айли Нурдгрен[3] обратиться с личными размышлениями и предложениями в Союз писателей СССР. Нурдгрен акцентировала внимание на том, что одним из главных препятствий на пути к дружбе и взаимопониманию между народами является «необоснованное молчание» [11, s. 68-69]. Это особенно актуально в тех случаях, когда существует «добрая воля к взаимопониманию и когда делаются попытки построить мост через пропасти и преграды» [11, s. 68-69]. Не вдаваясь в причины сложившейся ситуации, Айли Нурдгрен предположила, что иногда это может быть связано с искаженной информацией или избыточным числом посредников [7, л. 2]. Айли Нурдгрен также передала слова Пера Барка[4], который утверждал, что «отсутствие ответа на его последнее письмо в Москву, должно быть воспринято, как вотум недоверия прежде всего в отношении Тито Коллиандера[5]. Тито Коллиандер во время войны писал стихи, свидетельствовавшие, что он находился под влиянием нацистской идеологии. Ему пришлось преодолеть много трудностей, чтобы побороть чувство вины, которое его отяго-

[2] Сеурахуоне (фин. *Seurahuone*, швед. *Societetshus*) – тип общественного здания, распространенный в Финляндии и Швеции в XIX в. Первоначально такие здания, предназначались для официальных мероприятий, концертов, и балов. К концу XIX в. они стали больше использоваться как гостиницы, и некоторые из них были реконструированы под эту функцию. Отель «Сеурахуоне» в Хельсинки был основан в 1833 г. Первоначально он располагался на Рыночной площади (*Kauppatori*) в здании, где сейчас находится городская Ратуша. С 1932 г. отель занимает здание по адресу: Северная Эспланада (*Pohjoisesplanadi*), 11-13. – *Примеч. авт.*

[3] Айли Нурдгрен (1908-1995) – финско-шведская писательница, в 1943 г. стала членом Союза шведских писателей Финляндии. Нурдгрен была членом Коммунистической партии Финляндии, одним из основателей Движения защитников мира и с 1948 по 1961 гг. занимала должность секретаря по работе с шведоязычной аудиторией Общества дружбы «Финляндия – Советский союз». – *Примеч. авт.*

[4] Пер Улов Фредрик Барк (1912-1978) – выдающийся финско-шведский литературный критик, профессор истории литературы. Был председателем Союза шведских писателей Финляндии в 1953-1956 гг. и председателем Общества шведской литературы в Финляндии в 1966-1973 гг. – *Примеч. авт.*

[5] Тито Фритьоф Коллиандер (1904-1989) – шведскоязычный финляндский писатель, мемуарист, переводчик. В 1933 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

щало, и именно поэтому он обратился к религии» [7, л. 2]. Писательница подчеркивала, что Тито Коллиандер стал «честным другом Советского Союза», а также членом Общества дружбы «Финляндия – Советский Союз» [7, л. 2].

Кроме того, Нурдгрен отметила, что в беседах с советскими писателями ощущается тенденция замалчивания вопроса о могиле Сёдергран и поездке в Рощино. Это вызывало беспокойство среди финских писателей, так как, по их мнению, советские власти не желали, чтобы финны посещали Карельский перешеек, считая его пограничной зоной. Айли Нурдгрен предложила, чтобы Союз писателей СССР прямо сообщил им об этом, чтобы избежать недоразумений. Она была уверена, что отказ будет понят, если его причины будут обоснованы. «Но я уверена, что мы не добьемся хороших контактов между нашими писателями, как бы мы ни старались, пока не разрешим положительно этих вопросов. Хотя бы путем писем, откровенных слов, в связи с теми письмами, которыми мы уже обменялись. <…> На все письма необходимо сразу же отвечать, это ликвидирует недоверие и руки встретятся в доброй воле к взаимопониманию и сотрудничеству. Писатели могут сделать многое в теперешнее время. Поэтому этот вопрос является для меня делом совести, и не только я, но и многие мои коллеги с волнением ждут того дня, когда мы сможем встречаться как друзья…» [7, л. 4-5].

В последующем письме Союза шведских писателей Финляндии, адресованном Союзу советских писателей[6], упоминалось, что около года назад они получили ответ от Суркова, в котором обсуждался широкий круг вопросов, включая приглашение, направленное Союзу советских писателей в январе 1954 г. [7, л. 6]. Это обращение было подписано Оскаром Парландом[7] и Эйлой Пеннанен[8] от имени шведской секции по вопросам культуры Общества «Финляндия – Советский Союз» и литературной секции соответственно [7, л. 6].

Сурков выразил сожаление по поводу того, что письмо осталось без ответа, что привело к недоразумениям и затруднило развитие контактов [7, л. 6]. Также обсуждался вопрос о разрешении на посещение Рощино. Сурков сообщил, что доктор Пер Барк или другой представитель может приехать в СССР на поиски могилы [7, л. 6]. «Доктор Барк был очень приятно поражен этим письмом и ответил на него в сентябре прошлого года» [7, л. 6]. В своем письме Пер Барк также уточнил, может ли он взять с собой писателя Тито Коллиандера, знающего местонахождение кладбища и могилы Эдит, но ответа на этот вопрос не последовало. Поэтому Союз шведских писателей Финляндии попросил написать отдельное письмо с приглашением, упомянув имя Тито Коллиандера, так как создалось впечатление, что недоверие вязано с его персоной [7, л. 7]. Союз шведских писателей Финляндии также сообщил в письме, что уже была «проведена подготовка по сбору средств на содержание могилы в порядке, во главе этих сборов идет ее родной район Эстерботтен[9]» [7, л. 7]. Известно, что Союз шведских писателей Финляндии получил дополнительно от государства 150 000 марок на установку памятника Эдит [12, s. 274]. В письме также упоминалось, что в ходе беседы между писателем Александром Александровичем Фадеевым[10] и доктором Барком были достигнуты договоренности об объединении усилий писателей обеих стран для установки памятника «во имя мира и дружбы» [7, л. 7].

В апреле 1957 г. Союз писателей СССР направил приглашение двум

[6] В архивном документе год написания письма не указан, однако совокупность имеющихся данных позволяет предположительно датировать его 1956 г. – *Примеч. авт.*

[7] Оскар Персиваль Парланд (1912-1997) – финско-шведский писатель, переводчик и психиатр. В 1945 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

[8] Сяде Эйла Талвикки Пеннанен (1916-1994) – финская писательница, критик, эссеист и переводчик. – *Примеч. авт.*

[9] Отец Эдит родом из Остерботнии. – *Примеч. авт.*

[10] В 1946-1954 гг. – генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР. – *Примеч. авт.*

представителям Союза шведских писателей Финляндии для визита в Ленинград и Рощино [11, s. 69]. Поездка состоялась в мае, и в качестве представителей Союза выступили бывший председатель Пер Барк и Ральф Парланд[11]. Вероятно, решение не приглашать Тито Коллиандера в Советский Союз на данном этапе свидетельствовало о сохраняющихся сомнениях или нежелании видеть его в стране. По возвращении финские писатели сообщили: «Местонахождение могилы Эдит Сёдергран можно установить, даже если в остальном местность трудно распознать» [11, s. 70]. Местные власти Рощино совместно с Союзом советских писателей приняли решение огородить территорию, где ранее стоял старый памятный камень, и на месте которого строился парк культуры, пообещав содействовать в установке нового [11, s. 70].

Рис. 2. П.О. Барк на участке Сёдергран в Райволе в 1957 г. Из книги: Ringbom M. Finlands svenska författareförening: 1919-1969. Borgå, 1969. S. 68.

В свою очередь контакты с советскими писателями начинали укрепляться. Так в 1958 г. делегация Союза в составе Ярла Улофа Таллквиста[12], сменившего Барка на посту председателя, Хьялмара Крокфорса[13], Айли Нурдгрен, Ральфа Парланда и Лео Огрена[14] посетила СССР, добравшись до Армении и Узбекистана [11, s. 70].

Тем временем планы по установке памятника Сёдергран становились все более конкретными. В феврале 1959 г. правление Союза шведских писателей Финляндии одобрило предложенный Вяйнё Аалтоненом[15] новый дизайн мемориального камня [11, s. 70]. В том же году каменщику в Хельсинки было поручено выполнить работы по детальным чертежам, составленным сыном Вяйнё Аалтонена, архитектором Матти Аалтоненом [11, s. 70-71].

[11] Ральф Томас Фридрих Парланд (1914-1995) – финско-шведский писатель, поэт и журналист. В 1935 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

[12] Ярл Улоф Хенрик Таллквист (1910-1993) – финско-шведский публицист и магистр философии. С 1934 по 1952 гг. он работал в изданиях Svenska Pressen/Nya Pressen, затем с 1952 по 1964 гг. занимал должность пресс-секретаря Шведской народной партии, а с 1964 по 1975 гг. был культурным редактором в газете Hufvudstadsbladet. Таллквист возглавлял Союз шведских писателей Финляндии с 1956 по 1961 гг. и был членом государственной комиссии по литературе с 1974 г., в которой председательствовал с 1977 по 1979 гг. Помимо своей работы в качестве критика, он также занимался литературными репортажами и составлением библиографических статей. – Примеч. авт.

[13] Хьялмар Эуген Крокфорс (1904-1981) – финско-шведский учитель и поэт. В 1938 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – Примеч. авт.

[14] Карл Лео Оґрен (1928-1984) – финско-шведский писатель. В 1956 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – Примеч. авт.

[15] Вяйнё Вальдемар Аалтонен (1894-1966) – один из ведущих финских скульпторов, чьи работы стали важными национальными символами Финляндии. Работал в стиле классического реализма, экспериментируя с другими направлениями. В 1933 г. создал первый памятник Эдит Сёдергран. – Примеч. авт.

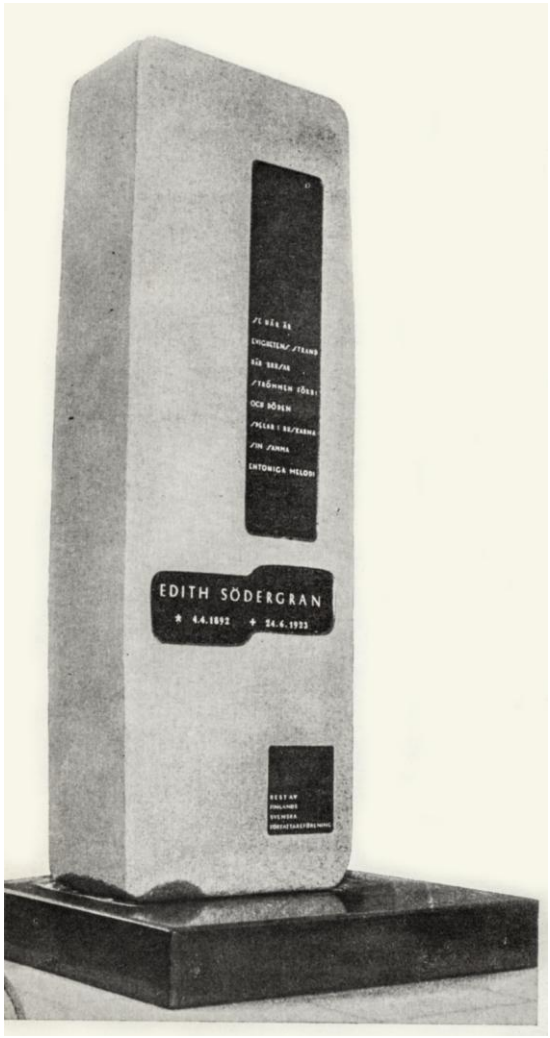


Рис. 3. Новый памятник Эдит Сёдергран, созданный Вяйнё Аалтоненом. Был открыт в Рощино 27 ноября 1960 г. Из книги: Ringbom M. Finlands svenska författareförening: 1919-1969. Borgå, 1969. S. 70.

В ноябре 1959 г. Финляндию посетила с ответным визитом делегация советских писателей, в состав которой вошли Афанасий Дмитриевич Салынский, Вера Михайловна Инбер, Валентина Сергеевна Морозова, Рачия Карапетович Ованесян и Максим Танк [11, s. 71]. Состав делегации свидетельствовал, что отношения между писательскими союзами не стоят на месте, а проект по установке памятника активно продвигается.

В письме от 21 мая 1960 г., подписанном председателем Союза Ярлом Улофом Таллквистом и секретарем Карлом Фредериком Санделином[16], адресованном Иностранной комиссии Союза писателей СССР, сообщается, что Союз шведских писателей Финляндии через МИДы двух получил сообщение [5, л. 3]. В нем было указано, что соответствующие советские организации положительно относятся к идее установки памятника Эдит Сёдергран в этом году. Союз писателей СССР выразил готовность покрыть расходы по доставке надгробного камня от границы до Рощино и помочь в его установке. Местные власти занимались изучением технических вопросов, связанных с установкой памятника. Однако союзы писателей «должны сами вступить в переговоры по этим вопросам» [5, л. 3]. Также были приложены характеристики памятника: «Камень-памятник по эскизу проф. Вейна Альтонена изготовлен из черного [гранита], высотой 246 санти-

[16] Карл Фредрик Санделин (1925-2024) – финский журналист и писатель. Начал свою карьеру в Финском информационном бюро в 1953 г., где занимал должности главы международного отдела и главного редактора. В 1950 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

метров, он стоит на пьедестале из серого гранита размером 150 х 120 см. Надпись на камне состоит из имени писательницы, дат рождения и смерти, цитаты из стихотворения на шведском языке, а также надпись на шведском языке о том, что памятник воздвигнут Союзом шведских писателей Финляндии» [5, л. 3]. Союз шведских писателей Финляндии отмечает, что «транспортировку памятника из Гельсингфорса в Рощино через Вааникаала можно организовать без особых затяжек» [5, л. 3], и предлагает провести торжественное открытие 24 июня, в день смерти писательницы. Если эта дата неудобна, церемонию можно провести в сентябре [5, л. 3].

29 августа 1960 г. Союз шведских писателей Финляндии направил письмо-напоминание, подписанное председателем Ярлом Таллквистом, из-за отсутствия ответа от советской стороны на предыдущее обращение. Очевидно, что процесс пошел не по плану, и спустя несколько месяцев вопрос об установке надгробного памятника Эдит Сёдергран все еще оставался нерешенным. В письме Союз вновь ссылался на докладную записку Министерства иностранных дел СССР и предлагал новую возможную дату для торжественного открытия памятника – конец ноября [7, л. 15]. Позднее была упомянута возможность проведения церемонии и в октябре [7, л. 17].

К сентябрю 1960 г. подготовка к установке памятника шведской поэтессе Эдит Сёдергран достигла финального этапа: памятник был отправлен в Советский Союз. Союз шведских писателей Финляндии подтвердил отправку телеграммой от 21 сентября в Выборг, в качестве получателя указав Исполком Ленинградского совета [7, л. 21]. В телеграмме были указаны предполагаемые даты для церемонии открытия: 22, 23, 29 и 30 октября, а также 5 и 6 ноября [7, л. 21]. К 5 октября памятник уже оказался в Выборгской таможне. Об этом свидетельствовала телеграмма, отправленная Константином Алексеевичем Чугуновым, ответственным секретарем Иностранной комиссии Союза Писателей, на имя начальника таможни Ивана Терентьевича Яковлева [7, л. 22]. В ней Чугунов разъяснял, что памятник, поступивший на адрес Ленинградского облисполкома, является даром от Союза шведских писателей Финляндии. Он также запрашивал разрешение на его транспортировку в город Рощино Ленинградской области. 20 октября заместителю секретаря правления Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР Георгию Александровичу Сергееву было направлено письмо с фотографией и весовыми параметрами памятника, также подписанное К. А. Чугуновым [7, л. 20]. Вопросы, связанные с установкой памятника, потребовали особого внимания и контроля. В связи с этим секретарю Союза писателей СССР Константину Васильевичу Воронкову было направлено обращение с просьбой командировать Валентину Сергеевну Морозову, переводчицу и консультанта Иностранной комиссии, в Ленинград с 10 по 12 ноября для наблюдения за работами по установке памятника Эдит Сёдергран [7, л. 13].

Открытие памятника Эдит Сёдергран планировалось на конец ноября. Это решение было принято с учетом предстоящих торжеств, посвященных 43-й годовщине Октябрьской революции, а также 50-летию со дня смерти Льва Николаевича Толстого [5, л. 7; 12, s. 274]. В письме от 10 ноября 1960 г. председатель Союза шведских писателей Финляндии Таллквист выразил благодарность Афанасию Дмитриевичу Салынскому, секретарю правления Союза писателей СССР, за приглашение посетить Советский Союз для участия в церемонии открытия памятника в Рощино [5, л. 4]. Таллквист подчеркнул большой интерес к личности поэтессы Эдит Сёдергран и сообщил, что около 20 писателей выразили желание присутствовать на мероприятии, если оно состоится в воскресенье, 27 ноября, что было бы наиболее удобным днём для «занятого литературного сообщества» [5, л.

5]. Он также изложил планы поездки в Ленинград: группа писателей собирается выехать поездом 26 ноября и вернуться 28 ноября [5, л. 5]. В состав делегации предполагалось включить представителя Министерства народного образования и заинтересованных членов Финского Союза писателей [5, л. 5]. Таллквист попросил Салынского приложить усилия для проведения церемонии именно 27 ноября, выразив надежду, что организационные вопросы не станут для советских коллег серьезной проблемой [5, л. 5-6].

Дата открытия памятника финско-шведской поэтессе Эдит Сёдергран была окончательно назначена на 27 ноября 1960 г., о чем свидетельствует утвержденный протокол мероприятия:

«Об открытии памятника финско-шведской поэтессы Эдит Сёдергран

1. Принять к сведению, что по договоренности с ленинградскими организациями, открытие памятника Эдит Сёдергран намечено на 27 ноября с.г.

2. Утвердить следующий порядок церемонии открытия памятника (45 мин).

Председатель – секретарь Союза писателей СССР произносит вступительное слово.

Выступление представителя литературной общественности Финляндии.

Выступление советских поэтов (просить выступить В. Инбер и А. Прокофьева).

Выступление финских и шведских поэтов (по их желанию).

3. Поручить ленинградскому отделению Союза писателей за счет Литфонда СССР изготовить венок для возложения.

4. Поручить Иностранной комиссии подготовить предложения об организации встреч литераторов с писателями Финляндии.

5. Поручить Литературной газете и газете Литература и жизнь опубликовать подробную информацию об открытии памятника» [7, л. 11].

Рис. 4. По дороге в Райвола. Хейди Парланд желает Тито Коллиандеру счастливого пути, в то время как ее муж Оскар уже готов к отъезду. Эверт Хульден и Ярл Улоф Таллквист ждут посадки в вагон. Из книги: Ringbom M. Finlands svenska författareförening: 1919-1969. Borgå, 1969. S. 69.

В субботу, 26 ноября, делегация финских писателей и журналистов собралась на железнодорожном вокзале Хельсинки, чтобы отправиться в Советский Союз [12, s. 274]. Они заняли специально выделенный для них вагон и поздно вечером прибыли в Ленинград. На следующий день, 27 ноября, в Рощино царила праздничная атмосфера. Улицы города украшали «советские и финские государственные флаги» [7, л. 34]. Местные жители, а также писатели из Москвы и Ленинграда, журналисты и работники радио собрались, чтобы стать свидетелями этого события. Финскую делегацию представляли члены Союза шведских писателей Финляндии и Финского союза писателей.

Церемонию, как и было запланировано, открыл А. Д. Салынский. В своем кратком выступлении он подчеркнул традиционные связи между Финляндией и Советским Союзом [7, л. 36]. Затем председатель Союза шведских писателей Финляндии Таллквист снял полотно с памятника и начал говорить о жизни Эдит Сёдергран и значении ее поэзии, отмечая: «Вторая Мировая война снесла дом Эдит Сёдергран и ее могилу. Союз шведских писателей Финляндии давно вынашивал мысль, чтобы на месте, где был дом Эдит Сёдергран …. воздвинуть новый памятник. … Новый памятник, как и прежний, исчезнувший во время войны, осуществлен представителем финской академии художеств профессором Вяйно Аальтонен, архитектурное оформление принадлежит его сыну Матти Аальтонен…» [7, л. 36]. Улоф выразил благодарность Союзу писателей СССР и ленинградскому отделению, передавая памятник на попечение местным властям. Он отметил: «И пусть этот памятник станет символом дружбы и добрых отношений между писателями и друзьями литературы по обе стороны границы, ибо именно они могут перекинуть мост через границу» [7, л. 37]. От имени московских поэтов с речью выступила В. М. Инбер, а также свое слово произнес Михаил Александрович Дудин [7, л. 37]. Союз финских писателей представлял литературный критик Кай Лайтинен[17], который зачитал приветственное послание от министра просвещения Финляндии Хейки Хосиа [7, л. 37]. В завершение церемонии А. Д. Салынский заверил финских друзей, что советские люди будут бережно хранить памятник: «На этой могиле хочется выразить пожелание, чтобы войны как можно скорее исчезли с лица земли, чтобы никогда больше они не нарушали сон мертвых и мирной радости живых» [7, л. 38].

Рис. 5. Торжественное открытие памятника Э. Сёдергран, в присутствии посла Финляндии в СССР Ээро А. Вуори, советских, финляндских и шведских писателей и жителей поселка Рощино. На снимке: советские писатели возлагают венок к памятнику. Фото В. И. Капустина. 27 ноября 1960 г. ЦГАКФФД СПб

К подножию памятника были возложены венки от Союзов писателей. На церемонии открытия присутствовал также посол Финляндии в СССР Ээро Аарне Вуори [7, л. 38]. Однако, несмотря на всю торжественность и официальность мероприятия, его омрачало то, что многие жители Рощино не имели ясного представления о том, кто такая Эдит Сёдергран и почему ее память отмечается столь значимо. Жители задавались вопросами – «Кто эта поэтесса?», «Почему она умерла так рано?», «О чём она писала?», «Переведены ли её стихи на русский язык?» – которые отмечала Нина Константиновна Белякова[18], одна из переводчиц стихотворений Эдит на русский язык, в своих заметках для редакции журнала «Аврора» [8, л. 16].

Более критично на эту тему высказался Кай Лайтинен. В заметке газеты *Dagens Nyheter* от 28 декабря 1960 г. он отмечал: «абсурдный контраст между шведским текстом на мемориальной плите и всеми русскими местными жителями, которые толпились вокруг нее, не понимая, что на ней написано. В самом центре советской территории, которая в остальном полностью закрыта для иностранцев, стоит группа финских и финно-шведских писателей и литераторов, открывающих памятник шведоязычной писательнице, совершенно чуждой русскоязычному населению» [10, s. 129].

Ларс Хамберг[19] в журнале *Nya Argus* от 20-21 декабря 1960 г. рассказывал о том, как «русский представитель Союза писателей, Вера Инбер, в своем выступлении постоянно называла ее "Эдит Сёдергарн"» [10, s. 129].

В газете *Nya Pressen* появилось живописное и более доброжелательное описание открытие памятника, написанное постоянным автором под псевдонимом *Johan i vimlet* (пер. со швед. Йохан в толпе). За этим именем, вероятно, скрывался Бенгт Пильстрём[20] [11, s. 71], который с мастерством передал атмосферу события: «Мальчишки висели на деревьях», – начал он свое повествование и продолжил: «Казалось, что вся округа собралась, когда в Райволе в воскресенье открывали памятный камень Эдит Сёдергран. Дома, где жили Эдит Сёдергран и ее мать, больше нет, но сохранилась большая ель и озеро Онкамо[21], которое белело от снега у подножия склона. Радиожурналисты, кино- и телерепортеры, а также газетчики толпились вокруг камня, когда Я. У. Таллквист его открывал, и были возложены венки от Советского Союза и Финляндии. Дети и взрослые, вся деревня собралась здесь: серьезные лица во время речей, но радость, когда финские писатели с камерами бродили вокруг, пытаясь уловить атмосферу среди финских и советских флагов, снежных капель с деревьев, туристических автобусов и киосков с едой. Финский язык здесь не понимали, но время от времени кто-то пытался заговорить по-русски и мог получить ответ от Тито Коллиандера, Оскара Парланда или Греты Лангеншельд[22], тех, кто знал

[17] Кай Лео Каарло Лайтинен (1924-2013) – финский литературовед и критик, занимавший должность профессора финской литературы в Хельсинкском университете с 1986 по 1989 гг. Он известен как автор «Истории финской литературы» (1981). Лайтинен начал свою карьеру как журналист, работал литературным критиком в газете *Helsingin Sanomat* и главным редактором журнала *Parnasso*.

[18] Псевдоним Н. Ширяева. – *Примеч. авт.*

[19] Ларс Кристиан Хамберг (1922-2005) – финско-шведский культурный журналист, переводчик и писатель. Окончив обучение в 1950 г., он работал литературным, художественным и театральным критиком в различных финских и североевропейских изданиях. Также Хамберг руководил шведскоязычными радиопостановками на Yleisradio. В 1954 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

[20] Бенгт Торстен Эдвард Пильстрём (1933-2023) – финский экономист и руководитель Центра продвижения туризма с 1973 по 1994 гг., а затем работал советником в Министерстве торговли и промышленности. Был главным редактором международного финского журнала Look at Finland с 1964 по 1992 гг. В молодости Пильстрём работал журналистом в шведоязычной газете Nya Pressen. Он участвовал в создании многих фотоальбомов и путеводителей о Финляндии, а также книг о кино, включая Национальную фильмографию Финляндии. В 1958 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

[21] Сегодня – озеро Рощинское. – *Примеч. авт.*

[22] Грета Маргарета Лангеншельд (1889-1975) – финская писательница, ректор и критик. Родилась в Санкт-Петербурге. Среднее образование она завершила в шве-

русский. Но прежде финские писатели, наслаждаясь огромными количествами чая, проехали через зимний карельский пейзаж и увидели Ленинград ночью, когда большие мокрые снежинки падали на темную Неву. Когда поезд по пути въехал в Выборг, начали возникать первые воспоминания: Кай Лайтинен бывал здесь однажды в тридцатых, для Тююне Саастамойнен[23] это был родной город, для других – также город, где они жили и работали. И когда поезд в ночной темноте мчался через Карельский перешеек, огни могли означать возвращение в прошлое: больница в Териоки, где Тито Коллиандер стал отцом дочери, Куоккала, где многие из наших писателей когда-то жили. И Эдит Сёдергран была с нами[24] – когда председатель союза писателей Улоф Таллквист в своем купе читал стихи из ее собрания сочинений» [11, s. 71].

Когда официальная часть встречи завершилась, участники торжества продолжили общение в более неформальной обстановке. Вечером ленинградские писатели устроили праздничный банкет в отеле «Астория» [11, s. 71], где участники могли насладиться общением в непринужденной атмосфере. Йохан… в своей заметке отметил некоторых из заметных гостей банкета. Среди них был посол Ээро А. Вуори, Олави Пааволайнен, Афанасий Салинский, Улоф Таллквист, Вера Инбер, Грета Лангеншельд и другие.

Было и то, о чем Йохан… в своем «отчете» тактично умолчал. После банкета, который завершился на высокой ноте, несколько гостей решили продлить праздник в апартаментах, предоставленных Перу Барку как гостю советского правительства в связи с государственным визитом президента Урхо Кекконена несколькими днями ранее [11, s. 72]. В неформальной обстановке вечер приобрел новый размах, но, несмотря на радостную атмосферу, администрация отеля не оценила столь позднего продолжения. Дежурная, оставшаяся верной своим обязанностям, вызвала охрану, и советских гостей попросили покинуть апартаменты, что, «испортило настроение» [11, s. 72]. Остальные гости также разошлись, возможно, чтобы продолжить вечер в более узком кругу. Поэтому неудивительно, что на следующий день большинство финских участников возвращались домой, наслаждаясь водкой и чаем под аккомпанемент русских народных песен в исполнении Тито Коллиандера [11, s. 72].

6 декабря 1960 г. секретарь правления Союза писателей СССР А. Д. Салынский выразил благодарность «рощинским товарищам за помощь в установке и открытии памятника финской поэтессе» [7, л. 27]. Вскоре после этого, 24 декабря, был направлен счет на оплату работ по установке памятника [7, л. 29], который 27 декабря был передан заместителю директора Литфонда М. Г. Тараканову для оплаты в том же году [7, л. 30].

В октябре 1961 г. Союз шведских писателей Финляндии обратился к Союзу писателей СССР с просьбой установить на могиле Эдит Сёдергран в Рощино памятную доску с надписью на русском языке [6, л. 1]. Это предложение было связано с тем, что надпись на надгробии оставалась непонятной для большинства прохожих [6, л. 1]. Союз шведских писателей Финляндии также выразил обеспокоенность состоянием памятника и желал узнать, требуются ли какие-либо мероприятия с их стороны для его поддержания.

доязычной школе в Выборге, а в 1911 г. окончила философский факультет в Хельсинки. С 1921 по 1959 гг. занимала должность ректора частной шведской школы для девочек в Хельсинки. Литературный путь начался с поэтического сборника Dikter. В 1921 г. Лангеншельд опубликовала биографию Пауля фон Николаи. В 1919 (1923) г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

[23] Тююне Саастамойнен (1924-1998) – финская писательница, родившаяся в семье предпринимателя в Выборге. Она изучала политологию в Хельсинкском университете, а также французский язык и литературу в Парижском университете. Литературный дебют Саастамойнен состоялся в 1954 г. с выходом сборника рассказов *Ikoni ja otena*. – *Примеч. авт.*

[24] В данном контексте фраза fanns med может быть более точно переведена как «присутствовала с нами» в переносном смысле, подразумевая, что память о Эдит Сёдергран была жива благодаря чтению ее стихотворений. – *Примеч. авт.*

17 октября 1961 г. Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР направило письмо секретарю Правления Союза писателей СССР, Афанасию Салынскому, с просьбой рассмотреть поднятые финскими коллегами вопросы [6, л. 2]. В ответ на это, 20 ноября, Секретариат Союза писателей СССР принял постановление, поручив Литфонду СССР, с участием Иностранной комиссии и специалистов, организовать перевод текста на надгробии Эдит Сёдергран на русский язык с обязательным указанием даты написания четверостишия [6, л. 4]. В соответствии с постановлением, Ленинградскому отделению Союза писателей было поручено установить рядом с памятником доску с пояснительной надписью. Кроме того, на пьедестале памятника или на вмонтированной доске должен быть размещен перевод текста, выгравированного на надгробии [7, л. 12]. Расходы на изготовление обеих надписей были отнесены на счет Литфонда СССР [7, л. 12].

12 июня 1962 г. состоялось заседание Секретариата Союза писателей СССР, в протоколе которого уже фигурирует текст пояснительной надписи: «Союз шведских писателей Финляндии в 1960 году воздвиг этот памятник известной шведско-финской поэтессе Эдит Сёдергран, которая провела здесь последние годы своей жизни» и перевод четверостишья:

«Здесь берег вечности: взгляни –
Здесь времени поток стремится мимо
И смерть поет в кустах прибрежных
Извечную мелодию свою

Эдит Сёдергран
(1892-1923)» [9, л. 39, 39а].

В письме от 11 июля 1962 г. директору Ленинградского отделения Литфонда Борису Варфоломеевичу Федоренко, направленном директором Литфонда СССР Варткесом Арутюновичем Тевекеляном, содержалось поручение: установить гранитную доску с пояснительной надписью рядом с надгробием и разместить на нем перевод четверостишия поэтессы [9, л. 38]. В этом письме подчеркивалась необходимость оперативного выполнения указанных работ.

Ленинградское отделение Литфонда, в свою очередь, направило запрос в живописно-скульптурный комбинат Ленинградского отделения художественного фонда СССР с просьбой выполнить работы в третьем квартале 1962 г. [9, л. 37].

Тем не менее памятная табличка так и не была установлена рядом с памятником Эдит Сёдергран. Дополнительной информации о ее изготовлении или причинах отказа от этой идеи на момент написания статьи обнаружить не удалось.

Тринадцать лет спустя, в 1973 г., в честь пятидесятой годовщины со дня смерти Эдит Сёдергран Союз шведских писателей Финляндии вновь организовал поездку в Рощино [12, s. 275]. Ларс Хульден[25] в 70-летнем юбилейном издании Союза шведских писателей Финляндии описал ужин, состоявшийся в ресторане «Олень»[26] в Зеленогорске: «Стол производил впечатляющее зрелище: его длина составляла около тридцати метров, а вдоль всей длины были выстроены бутылки водки, расположенные плечом к плечу. Каждый тост сопровождался речью, и по мере продолжения вечера эти речи становились всё более бессмысленными. Однако этого никто не замечал, кроме, возможно, присутствующих детей» [12, s. 275].

[25] Ларс Эверт Хульден (1926-2016) – финский писатель, ученый и переводчик, писавший на шведском языке. Работал профессором в Хельсинкском университете с 1964 по 1989 гг. Хульден получил почетную докторскую степень в Уппсальском университете в 1986 г. и состоял в Норвежской академии наук и литературы с 1993 г. В 1999 г. он вместе с сыном Матсом перевел «Калевалу» на шведский язык. В 1961 г. стал членом Союза шведских писателей Финляндии. – *Примеч. авт.*

[26] Ресторан «Олень» – проект, созданный ленинградскими архитекторами Сергеем Ивановичем Евдокимовым и Аскольдом Петровичем Изоитко. Открытый в 1967 г., ресторан быстро стал популярным местом среди культурной элиты, включая писателей, артистов и ученых, а также принимал известных международных гостей. Спустя 40 лет, в 2007 году, здание было снесено. – *Примеч. авт.*

Рис. 6. Подарок на 50-летие Ларсу Хульдену (1976) от Ральфа Парланда (подписан в 1973 г.). Согласно тексту Парланда на обратной стороне картины, она изображает президента Урхо Кекконена на открытии надгробного памятника Эльмеру Диктониусу и Ларса Хульдена с финскими и советскими коллегами, а также местными жителями на церемонии у памятного камня Эдит Сёдергран в Райвола. Из книги: Skrivandets villkor och gemenskap: Finlands svenska författareförening 1919-2019 / Red. S. Nygård, H. Tandefelt. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019. S. 275.

В 1974 г. памятник Эдит Сёдергран был включен в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения [4]. В 2019 году был подписан документ об установлении границ территории и предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Могила шведской поэтессы Эдит Сёдергран» [3].

Рис. 7. Памятный камень Эдит Сёдергран в Райвола. Фото Р. Пьетрай. 1988 г. SLSA

Открытие памятника Эдит Сёдергран в Рощино в 1960 г. стало не только актом культурной памяти, но и значимым дипломатическим жестом в условиях послевоенного напряжения между Востоком и Западом. Несмотря на политические и административные трудности, проект был реализован благодаря усилиям Союза шведских писателей Финляндии, поддержке советских коллег и личной инициативе деятелей культуры обеих стран. Событие продемонстрировало, что литература и память о выдающихся личностях способны преодолевать идеологические барьеры, создавая пространство для диалога и взаимопонимания. В то же время реакция местного населения и отсутствие русскоязычной информации на памятнике выявили разрыв между официальной риторикой международной дружбы и реальным восприятием культурного наследия на местах – проблема, которая, как показывает дальнейшая история, потребовала дополнительных шагов к ее преодолению.

Приложение
РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2570. Л. 31-33.

«Список членов делегации приезжавших из Финляндии на открытие памятника Эдит Сёдергран в Рощино 27.11.1960:

Улле Таллквист – председатель союза шведских писателей в Финляндии с женой
Тито Коллиандр – шведский прозаик
Пер Улов Барк – шведский литературовед, представитель шведского радио в Финляндии с женой
Оскар Парланд – шведский прозаик
Эва Вихман – шведская поэтесса
Марианне Алопеус – шведский прозаик
Марианна-Лиза Вартио – финский прозаик
Кай Лайтинен – критик, официальный представитель Союза писателей Финляндии
Эверт Хюльден – шведский поэт
Пааво Хаавикко – финский поэт
Ларс Хамберг – шведский критик, драматург
Карин Экелунд – шведская литературоведка
Грета Лангеншельд – шведская писательница, переводчица
Йохан Ликвитц – финский критик, поэт
Бенгд Пильстрем – шведский поэт с женой
Курт Санмарк – шведский поэт
Рольф Сандквист – шведский поэт, художник
Бертиль Стениус – шведский поэт, критик
Антти Таскинен – финская писательница
Катри Вельтхейм – финская журналистка
Свен Вильнер – шведский поэт
Ангес Рогорд – шведская писательница
Матти Кууренсари – финская писатель, журналист
Пааволайнен – финский журналист, представитель финского радио
Кильпи – финский журналист».

«Присутствовали на открытии памятника Эдит Сёдергран в посёлке Рощино 27.11.1960 от Ленинградского отделения Союза Советских писателей:

Дудин М. Поэт
Капица П. Писатель
Полякова Н. Поэт
Решетов А. Поэт
Кежун Б. Поэт

Лихарев Б. Поэт
Попова Л. Поэт
Орлов С. Поэт
Савицкий В. Переводчик
Хаустов Л. Поэт
Шестинский О. Поэт
Давыдов А. Поэт
Ойфа П. Поэт
Комиссарова М. Поэт
На дружеской встрече, кроме перечисленных товарищей, будут присутствовать:
Прокофьев А. Поэт
Гранин Д. Писатель
Чепуров А. Поэт
Лебеденко А. Писатель
Азаров В. Поэт».

Список источников и литературы

1. *Куприк С. А.* Увековечивание памяти Эдит Сёдергран: от забвения к памятнику // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 140-152.

2. *Лапин И.С.* Эдит Сёдергран в Райволе. – СПб: Издательский центр «Остров», 2017. – 48 с. (Перевод стихотворения взят из книги *Сёдергран Э.* Окно в сад / пер. со шведского Н. Г. Озеровой. – М.: Арт Волхонка, 2016).

3. Приказ Комитета по культуре Ленинградской области от 27.11.2019 № 01-03/19-487 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4701201912050001?index=1 (дата обращения: 29.01.2026).

4. Приложение № 1 к Постановлению Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901750455 (дата обращения: 29.01.2026).

5. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2561.

6. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2565.

7. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2570.

8. ЦГАЛИ. Ф. 213. Оп. 3. Д. 288.

9. ЦГАЛИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118.

10. *Rahikainen A.* Poeten och hennes apostlar. En biomytografisk analys av Edith Södergranbilden. – Helsingfors: Finska, finskugriska och nordiska institutionen, Helsingfors universitet, 2014. – 270 s.

11. *Ringbom M.* Finlands svenska författareförening: 1919–1969. – Borgå, 1969. – 138 s.

12. Skrivandets villkor och gemenskap: Finlands svenska författareförening 1919-2019 / Red. S. Nygård, H. Tandefelt. – Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019. – 455 s.

13. *Ström E.* Edith Södergran. – Stockholm: Natur och kultur, 1994. – 217 s.

14. *Tideström G.* Edith Södergran. – Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1949. – 318 s.

Куприк София Алексеевна – старший научный сотрудник, ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», (г. Выборг, Россия), sofiya_kuprik@vk.com

ON THE UNVEILING OF THE EDITH SÖDERGRAN MONUMENT IN ROSHCHINO IN 1960

S. A. Kuprik

This article examines the commemoration of Swedish-language Finnish poet Edith Södergran as a manifestation of cultural dialogue between Finland and the Soviet Union. It focuses on the 1960 unveiling of her monument in Roshchino, an act that symbolized the bridging of po-

litical and cultural divides. The study analyzes the diplomatic initiatives and cultural exchanges that paved the way for this event, with particular emphasis on the roles of the Finnish Swedish Writers' Association and Soviet literary figures in conceiving and implementing the project. The paper also addresses the challenges encountered during the monument's installation and highlights the contributions of various literary and public personalities to its realization.

Keywords: Edith Södergran, monument, cultural exchange, Finland, Soviet Union, literary relations, Finnish Swedish Writers' Association, Union of Soviet Writers.

References

1. *Kuprik S. A.* Uvekovechivanie pamyati Edit Syodergran: ot zabveniya k pamyatniku [Perpetuating the memory of Edith Cedergran: from oblivion to monument] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. – 2024. – №1(7). – P. 140-152. (In Russ.)

2. *Lapin I. S.* Edit Syodergran v Rayvole [Edith Södergran in Rayvola]. – St. Petersburg: Izdatel'skiy tsentr "Ostrov", 2017. – 48 p. (The poem translation is taken from the book: Syodergran E. Okno v sad [A Window into the Garden] / trans. from Swedish by N. G. Ozerova. Moscow: Art Volkhonka, 2016). (In Russ.)

3. Prikaz Komiteta po kul'ture Leningradskoy oblasti ot 27.11.2019 № 01-03/19-487 [Order of the Committee for Culture of the Leningrad Region dated November 27, 2019 No. 01-03/19-487]. [Electronic resource] // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4701201912050001?index=1 (last request: 29.01.2026). (In Russ.)

4. Prilozhenie № 1 k Postanovleniyu Soveta Ministrov RSFSR ot 4 dekabrya 1974 g. № 624 [Appendix No. 1 to the Decree of the Council of Ministers of the RSFSR dated December 4, 1974 No. 624]. [Electronic resource] // Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov [Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901750455 (last request: 29.01.2026). (In Russ.)

5. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 631. Op. 26. D. 2561. (In Russ.)

6. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 631. Op. 26. D. 2565. (In Russ.)

7. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 631. Op. 26. D. 2570. (In Russ.)

8. TsGALI [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. 213. Op. 3. D. 288. (In Russ.)

9. TsGALI [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. 372. Op. 1. D. 118. (In Russ.)

10. *Rahikainen A.* Poeten och hennes apostlar. En biomytografisk analys av Edith Södergranbilden. – Helsingfors: Finska, finskugriska och nordiska institutionen, Helsingfors universitet, 2014. – 270 s.

11. *Ringbom M.* Finlands svenska författareförening: 1919–1969. – Borgå, 1969. – 138 s.

12. Skrivandets villkor och gemenskap: Finlands svenska författareförening 1919-2019 / Red. S. Nygård, H. Tandefelt. – Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019. – 455 s.

13. *Ström E.* Edith Södergran. – Stockholm: Natur och kultur, 1994. – 217 s.

14. *Tideström G.* Edith Södergran. – Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1949. – 318 s.

Kuprik Sofiia Alekseevna – senior researcher, Vyborg United Museum Reserve, (Vyborg, Russia), sofiya_kuprik@vk.com

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026; принята к публикации: 04.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Куприк С. А. Об открытии памятника Эдит Сёдергран в Рощино в 1960 году // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 87-102.

FOR CITATION:

Kuprik S. A. Ob otkrytii pamyatnika Edit Syodergran v Roshchino v 1960 godu [On the unveiling of the Edith Södergran monument in Roshchino in 1960] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 87-102.

УДК 654.1(470+571)"19"

РОЛЬ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРУППЫ ВАЛЛЕНБЕРГ В ТЕЛЕФОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НАЧАЛО XX В.)

А. Б. Гехт, О. А. Яковлев

Статья посвящена участию шведской финансово-промышленной группы Валленберг в создании и модернизации телефонных сетей крупнейших городов Российской империи в начале XX века. В этот период телефон из технической новинки превратился в стратегически важное средство коммуникации. Благодаря победе в конкурсе Министерства внутренних дел, два шведских акционерных общества – «Шведско-Датско-Русское телефонное общество» и «Акционерное телефонное общество Седергрен», созданные при активном участии банка «Стокгольмс Эншильда банкен», – получили концессии на реконструкцию телефонных сетей Москвы и Варшавы. В статье, с привлечением материалов Стокгольмского архива, раскрывается механизм взаимодействия семьи Валленберг с инженерами-пионерами телефонии Х. Т. Седергреном и компанией Л. М. Эриксона, что позволило реализовать масштабные проекты, включая строительство уникальных телефонных станций, ставших архитектурными доминантами двух столиц.

Ключевые слова: Российская империя, Швеция, Валленберги, история связи, телефония, Шведско-Датско-Русское телефонное общество, Седергрен, Эриксон.

Введение.

Рубеж XIX–XX столетий, вошедший в историю как «прекрасная эпоха», характеризовался стремительным научно-техническим прогрессом, который коренным образом менял повседневную жизнь европейцев. Одним из наиболее значимых новшеств стало широкое распространение телефонной связи, открывшее новую эру в скорости и характере информационного обмена. Телефон, впервые продемонстрированный в 1876 году Александром Беллом, уже к началу 1880-х годов начал завоевывать крупнейшие города Европы: в 1879 году открылась первая станция в Париже, а в Берлине приступили к строительству воздушных линий [1].

Процесс интеграции телефонного дела в систему государственного регулирования в разных странах проходил поразному. В Российской империи, как и во многих европейских государствах, телеграф исторически являлся государственной монополией, и появление телефона поставило перед властями сложный вопрос о формах его эксплуатации. Дискуссии, развернувшиеся в правительственных кругах, касались как принципа монопольного положения государства в сфере связи, так и вопроса о том, насколько частная инициатива может способствовать развитию новой отрасли в интересах населения и казны [2].

В истории телефонизации России особая роль принадлежит шведским предпринимателям и инженерам, сумевшим не только выиграть конкурентную борьбу у американских компаний, но и создать в крупнейших городах империи телефонные сети европейского уровня. Ключевую роль в этом процессе сыграла финансово-промышленная группа семьи Валленберг, сумевшая объединить банковский капитал, инженерную мысль и производственные мощности для реализации масштабных проектов.

Развитие телефонного дела в Швеции как предпосылка экспансии на российский рынок.

Ведущий шведский инвестиционный банк «Стокгольмс Эншильда банкен», находившийся под управлением семьи Валленберг, еще в 1880-е годы начал проявлять интерес к молодой отрасли телефонии. Этот интерес был связан с деятельностью талантливого инженера и предпринимателя Хенрика Туре Седер-

грена, который в 1883 году основал «Стокгольмскую Всеобщую Телефонную Компанию» (Stockholms Allmänna Telefonaktiebolag). Седергрен выдвинул революционную для своего времени идею: сделать телефон доступным для широких слоев населения, а не только для состоятельной элиты. Его лозунг «Телефон в каждый дом по низким ценам» привел к стремительному росту числа абонентов в шведской столице [3].

Уже к 1886 году компания Седергрена обслуживала почти 5 тысяч абонентов, а к концу десятилетия Стокгольм стал самым телефонизированным городом Европы. На тысячу жителей здесь приходилось 22 телефона, тогда как в Берлине этот показатель составлял лишь 3,3, в Лондоне – 0,9, а в Париже – 1,4 [4]. Такой впечатляющий результат был достигнут благодаря последовательной политике снижения тарифов и постоянному техническому совершенствованию сетей. Успех Седергрена не остался незамеченным банкирами Валленбергами, которые увидели в телефонном деле перспективное направление для инвестиций.

Партнерство Валленбергов с Седергреном имело стратегический характер. Маркус Валленберг, один из руководителей банка, понимал, что для дальнейшего роста необходима экспансия на внешние рынки, и огромная Российская империя с ее быстрорастущими городами представлялась наиболее привлекательным направлением. Опыт, накопленный в Стокгольме, мог быть успешно применен в Москве, Петербурге и других крупных центрах.

Конкурс на право эксплуатации телефонных сетей в России 1900 года.

В 1901 году истекал двадцатилетний срок концессии, предоставленной в 1881 году американской «Международной компании телефонов Белла» на устройство и эксплуатацию телефонных сетей в крупнейших городах Российской империи [5]. По условиям первоначального договора, по истечении этого срока все сооружения и сети должны были безвозмездно перейти в ведение Главного управления почт и телеграфов. Однако правительство, оценив финансовые перспективы, приняло решение не принимать сети на казенное содержание, а передать права на их эксплуатацию частным лицам на новых условиях.

21 мая 1900 года император Николай II утвердил «Основные условия на право эксплуатации пяти телефонных сетей в городах: С.-Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе и Риге частным предпринимателям» [6]. Условия конкурса предполагали, что концессия сроком на 18 лет будет предоставлена тому соискателю, который предложит наименьшую абонентскую плату. При этом претенденты должны были представить в запечатанных конвертах свои предложения, причем для Санкт-Петербурга и Москвы абонентская плата не могла превышать 125 рублей, а для остальных городов – 100 рублей. Для сравнения: компания Белла взимала с абонентов 250 рублей в год.

Победитель конкурса брал на себя обязательство полностью переустроить телефонные сети «соответственно потребностям дальнейшего её развития и состояния телефонной техники». Технические требования включали прокладку магистральных линий от центральной станции подземными кабелями, использование медной проволоки для подземных линий и бронзовой для воздушных, а также применение двухпроводной системы. Все работы в Петербурге и Москве должны были завершиться к 1 января 1904 года, а в остальных городах – не позднее трех лет со дня утверждения проектов [6].

Конкурс, проведенный 7 ноября 1900 года, принес сенсационные результаты. Наименьшую абонентскую плату – всего 79 рублей – предложили две шведские компании, созданные буквально за несколько дней до конкурса при участии банкирского дома Валленбергов. «Шведско-Датско-Русское акционерное телефонное общество» получило право на эксплуатацию московской сети, а «Акционерное телефонное общество Седергрен» –

варшавской. 15 ноября с ними были заключены соответствующие контракты [7].

Шведские телефонные общества и их деятельность в России.

«Шведско-Датско-Русское акционерное телефонное общество» (в Швеции известное как Telefon AB) было учреждено 5 ноября 1900 года как дочернее предприятие «Стокгольмской Всеобщей Телефонной компании» Х. Т. Седергрена. Председателем правления стал Кнут Агатон Валленберг, а сам Седергрен вошел в состав правления и занял пост управляющего директора. Основной капитал общества составлял 2 304 000 крон, разделенных на 6 400 акций [7]. Помимо Валленбергов и Седергрена, в число учредителей вошел датский финансист И. Глюкштадт, основатель крупнейшего банка Дании Danske Bank, что придавало предприятию международный характер.

Контракт с Главным управлением почт и телеграфов предусматривал, что общество выплатит казне 271 000 рублей в рассрочку в течение 18 лет с уплатой 6% годовых на остающуюся задолженность. Кроме того, оно обязывалось отчислять казне 3% от суммы годовой абонементной платы. Высочайшее утверждение условий деятельности общества состоялось 6 июля 1901 года [8].

В ночь с 1 на 2 ноября 1901 года шведская компания приняла в свое ведение московскую телефонную сеть, насчитывавшую к тому времени всего 2860 абонентов [8]. Техническое состояние сети оставляло желать лучшего: оборудование компании Белла устарело и не обновлялось годами, поскольку американцы, зная о предстоящей передаче сетей, не вкладывали средства в модернизацию.

Шведские специалисты приступили к масштабным работам по переустройству сети на основе так называемой «шкафной системы», уже доказавшей свою эффективность в Стокгольме. В 1902 году общество приобрело в Милютином переулке участок земли, где по проекту инженера И. Г. Классона и архитектора А. Э. Эриксона началось строительство новой Центральной телефонной станции. Одновременно от строящегося здания по шести направлениям прокладывалась подземная канализация для кабелей, ведущих к распределительным шкафам на улицах.

Проектирование московской станции осуществлялось в Швеции специалистами фирмы «Л. М. Эриксон», которая также находилась в орбите влияния банкирского дома Валленбергов. Отношения между Эриксоном и Валленбергами представляют собой классический пример вертикальной интеграции: банк финансировал концессионные общества, а те, в свою очередь, размещали заказы на производстве Эриксона. Это обеспечивало замкнутый цикл – от инвестиций до поставки оборудования.

Фирма «Л. М. Эриксон» имела в России не только коммерческие интересы, но и собственное производство. Еще в 1897 году в Санкт-Петербурге был открыт филиал стокгольмского завода, который к 1917 году насчитывал 3500 рабочих – вдвое больше, чем головное предприятие в Швеции [9]. Русский завод не только собирал оборудование для московской и варшавской станций, но и производил телефонные аппараты для российского рынка, успешно конкурируя с другими производителями.

Временная вспомогательная станция емкостью 1650 номеров открылась в Москве уже в 1903 году, что позволило увеличить число абонентов до 4650. А в 1904 году состоялось открытие первой очереди Центральной телефонной станции в Милютином переулке, ставшей техническим чудом своего времени. Рост числа абонентов продолжался столь стремительно, что уже в 1914 году потребовалось возведение второй очереди станции по проекту архитектора О. В. фон Дессина. 76-метровое здание, способное обслуживать до 60 000 абонентов, стало самым высоким гражданским сооружением дореволюционной Москвы.

Параллельно в Варшаве действовало «Акционерное телефонное общество Седергрен» с основным капиталом 600

000 крон. Общество провело полную реконструкцию варшавской телефонной сети и построило на улице Зелена новую станцию в два этапа – в 1904-1905 и 1907-1910 годах. Как и в Москве, здание станции стало самым высоким в городе, а все оборудование было поставлено компанией Л. М. Эриксона [8].

Важно отметить, что деятельность шведских обществ не ограничивалась только Москвой и Варшавой. Фирма «Л. М. Эриксон» самостоятельно участвовала в телефонизации Риги, Ростова-на-Дону, Харькова, Казани и Тифлиса, поставляя оборудование и участвуя в строительстве местных сетей. Таким образом, присутствие шведского капитала в российской телефонной отрасли носило системный характер и охватывало все ключевые регионы империи.

Особый интерес представляет реакция императорского двора на деятельность шведских компаний. В 1903 году, в ходе запуска телефонной линии в Кремле, Николай II получил в подарок от компании Ericsson роскошный аппарат с трубкой из слоновой кости и золотыми инкрустациями. В царской резиденции был установлен коммутатор на несколько десятков номеров [10]. Хотя сохранились противоречивые воспоминания современников об отношении императора к телефону, сам факт принятия такого дара свидетельствует о высоком статусе шведской компании в глазах российской элиты.

Социальные аспекты внедрения телефонной связи.

Развитие телефонных сетей в российских городах имело не только техническое, но и важное социальное измерение. Снижение абонентской платы до 79 рублей сделало телефон доступным не только для банков и крупных предприятий, но и для представителей среднего класса — врачей, адвокатов, инженеров, купцов средней руки. Расширение абонентской базы потребовало увеличения штата телефонисток – профессии, ставшей одной из первых массовых женских профессий в России.

Условия труда телефонисток на станциях, обслуживаемых шведскими компаниями, были достаточно регламентированными. К соискательницам предъявлялись строгие требования: возраст не моложе 17 лет, рост не ниже 155 см (чтобы дотягиваться до верхних рядов коммутатора), приятный голос, грамотная речь, стрессоустойчивость. Замужние женщины принимались на работу с осторожностью, поскольку ночные смены считались несовместимыми с семейными обязанностями [10].

При этом социальный пакет, предоставляемый шведскими компаниями, был для своего времени достаточно прогрессивным. Телефонистки получали оплачиваемый больничный, бесплатную медицинскую помощь и двухнедельный отпуск. Месячное жалование составляло от 30 до 45 рублей – сумма скромная, но сопоставимая с заработком квалифицированных рабочих. Работа на телефонной станции считалась престижной, хотя и требовала огромного напряжения и строжайшей дисциплины.

Заключение.

Деятельность финансово-промышленной группы семьи Валленберг по телефонизации Российской империи представляет собой яркий пример успешного международного предпринимательского проекта начала XX века. Шведские инвесторы сумели не только выиграть конкурентную борьбу на конкурсе 1900 года, предложив рекордно низкую абонентскую плату, но и реализовать масштабные технические проекты, заложившие основы городской телефонной связи в Москве и Варшаве на десятилетия вперед.

Ключевым фактором успеха стала эффективная кооперация трех элементов: банковского капитала, представленного «Стокгольмс Эншильда банкен» под управлением Валленбергов, инженерного таланта Х. Т. Седергрена, разработавшего эффективную модель организации телефонного обслуживания, и

производственных мощностей компании «Л. М. Эриксон». Созданный вертикально-интегрированный холдинг позволял контролировать все этапы – от инвестиций до производства оборудования и его эксплуатации.

Построенные в Москве и Варшаве телефонные станции стали не только техническими достижениями, но и архитектурными символами технического прогресса. Здание в Милютином переулке, возвышавшееся над старой Москвой, наглядно демонстрировало, что телефонная связь становится неотъемлемой частью жизни современного города.

Первая мировая война и последовавшая революция 1917 года прервали деятельность шведских компаний в России. Завод Эриксона в Петрограде был национализирован и получил название «Красная заря», а московская и варшавская станции перешли в собственность новых государственных образований. Однако техническая база, созданная шведами, продолжала использоваться еще многие десятилетия, а опыт организации телефонного хозяйства оказал влияние на развитие отрасли в советский период.

Таким образом, вклад финансово-промышленной группы Валленберг в телефонизацию Российской империи не ограничивался коммерческой деятельностью, но имел долгосрочное значение для развития инфраструктуры связи в нашей стране.

Список источников и литературы

1. *Островский А. В.* История средств связи. СПб.: СПбГУТ, 2009. 168 с.

2. *Перекрестова С. В.* Новое средство связи и старая система (интеграция телефонного дела в систему государственного регулирования связи в России в конце XIX – начале XX века) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2021. № 2(53). С. 115-125.

3. *Гехт А. Б.* Деятельность финансово-промышленной группы семьи Валленберг в период электрификации Швеции в 1900-1910-х гг. // Современная Российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза, 2024. С. 75-78.

4. *Hägg G.* Svenska förmögenheter: gamla klipp och nya pengar – människorna, intrigerna, sveken. Stockholm: Lind & Co, 2013. 382 s.

5. *Басов А.* Всемирная телефонизация. Эпизод восьмой: русское поле экспериментов // IQ.HSE. 15.10.2023. URL: https://iq.hse.ru/news/866452206.html (дата обращения: 26.02.2026).

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб.: Гос. тип., 1900. Т. 20, № 18631. 652 с.

7. Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. 2-е изд. СПб.: Издание Э. Вернь, 1905. Т. 2. 2323 с.

8. *Лужецкий Н. Н., Беликов Б. С.* Московская городская телефонная сеть. М.: Связьиздат, 1947. 126 с.

9. *Шостедт П. У.* Глава представительства в России, Ericsson // LAN/Журнал сетевых решений. 1999. № 7-8. URL: https://www.osp.ru/lan/1999/07-08/134297 (дата обращения: 26.02.2026).

10. Телефонная связь в Российской империи: «барышни», монополия шведов и упрямый царь // Федеральный портал Истории России. 14.08.2021. URL: https://histrf.ru/read/articles/telefonnaya-svyaz-v-rossiyskoy-imperii-baryshni-monopoliya-shvedov-i-upryamyy-car (дата обращения: 26.02.2026).

11. *Meurling J., Jeans R.* The Ericsson Chronicle: 125 years in telecommunications. Stockholm: Informationsförlaget, 2000. 215 p.

12. *Wetterberg G.* Wallenberg: The Family that Shaped Sweden's Economy. Möklinta: Gidlunds Förlag, 2014. 415 p.

Гехт Антон Борисович – к. и. н., доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), a.geht@yandex.ru

Яковлев Олег Александрович – к. и. н., доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), olegyakovlev2002@mail.ru

THE WALLENBERG GROUP'S ROLE IN THE TELEPHONIZATION OF THE RUSSIAN EMPIRE (EARLY 20TH CENTURY)

A. B. Gekht, O. A. Yakovlev

This article examines the involvement of the Swedish Wallenberg financial-industrial group in establishing and modernizing telephone networks in major cities of the Russian Empire in the early 20th century. During this period, the telephone evolved from a technological novelty into a strategically vital communication tool. By winning a competition held by the Ministry of Internal Affairs, two Swedish joint-stock companies – the Swedish-Danish-Russian Telephone Company and the Cedergren Telephone Company, both established with the active participation of Stockholms Enskilda Banken – secured concessions to reconstruct the telephone networks of Moscow and Warsaw. Utilizing materials from the Stockholm City and Regional Archives, the article reveals the collaboration mechanism between the Wallenberg family, pioneering engineer H. T. Cedergren, and L. M. Ericsson Company. This partnership enabled the implementation of large-scale projects, including the construction of unique telephone exchanges that became architectural landmarks in both capitals.

Keywords: Russian Empire, Sweden, Wallenberg family, history of communications, telephony, Swedish-Danish-Russian Telephone Company, Cedergren, Ericsson.

References

1. *Ostrovskij A. V.* Istoriya sredstv svyazi [History of Communication Means]. Saint Petersburg: SPbGUT, 2009. 168 p. (In Russ.)

2. *Perekrestova S. V.* Novoe sredstvo svyazi i staraya sistema (integraciya telefonnogo dela v sistemu gosudarstvennogo regulirovaniya svyazi v Rossii v konce XIX – nachale XX veka) [A New Means of Communication and the Old System (The Integration of Telephony into the State Regulation of Communications in Russia in the Late 19th – Early 20th Century)] // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Perm University Herald. Series: History]. 2021. No. 2(53). pp. 115–125. (In Russ.)

3. *Gekht A. B.* Deyatel'nost' finansovo-promyshlennoj gruppy sem'i Vallenberg v period elektrifikacii Shvecii v 1900-1910-kh gg. [Activities of the Wallenberg Family Financial-Industrial Group during the Electrification of Sweden in the 1900s-1910s] // Sovremennaya Rossijskaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii [Modern Russian Science: Current Issues, Achievements and Innovations]. Penza, 2024. pp. 75-78. (In Russ.)

4. *Hägg G.* Svenska förmögenheter: gamla klipp och nya pengar – människorna, intrigerna, sveken [Swedish Fortunes: Old Clippings and New Money – The People, the Intrigues, the Deceptions]. Stockholm: Lind & Co, 2013. 382 p.

5. *Basov A.* Vsemirnaya telefonizaciya. Epizod vos'moj: russkoe pole eksperimentov [Worldwide Telephonization. Episode Eight: The Russian Field of Experiments] // IQ.HSE. 15.10.2023. URL: https://iq.hse.ru/news/866452206.html (last request: 26.02.2026). (In Russ.)

6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3]. Saint Petersburg: Gos. tip., 1900. Vol. 20, No. 18631. 652 p. (In Russ.)

7. Ukazatel' dejstvuyushchikh v imperii akcionernykh predpriyatij i torgovykh domov [Index of Operating Joint-Stock Enterprises and Trading Houses in the Empire] / ed. by V. A. Dmitriev-Mamonov. 2nd ed. Saint Petersburg: Izdanie E. Vern', 1905. Vol. 2. 2323 p. (In Russ.)

8. *Luzheckij N. N., Belikov B. S.* Moskovskaya gorodskaya telefonnaya set' [Moscow City Telephone Network]. Moscow: Svyaz'izdat, 1947. 126 p. (In Russ.)

9. *Shostedt P. U.* Glava predstavitel'stva v Rossii, Ericsson [Head of the Representative Office in Russia, Ericsson] // LAN/ Zhurnal setevykh reshenij [LAN/ Network Solutions Magazine]. 1999. No. 7-8. URL: https://www.osp.ru/lan/1999/07-08/134297 (last request: 26.02.2026). (In Russ.)

10. Telefonnaya svyaz' v Rossijskoj imperii: «baryshni», monopoliya shvedov i upryamyj car' [Telephone Communication in the Russian Empire: "The Young Ladies", the Swedish Monopoly, and the Stubborn Tsar] // Federal'nyj portal Istorii Rossii [Federal Portal of Russian History]. 14.08.2021. URL: https://histrf.ru/read/articles/telefonnaya-svyaz-v-rossiyskoy-imperii-baryshni-monopoliya-shvedov-i-upryamyy-car (last request: 26.02.2026). (In Russ.)

11. *Meurling J., Jeans R.* The Ericsson Chronicle: 125 years in telecommunications. Stockholm: Informationsförlaget, 2000. 215 p.

12. *Wetterberg G.* Wallenberg: The Family that Shaped Sweden's Economy. Möklinta: Gidlunds Förlag, 2014. 415 p.

Geht Anton Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), a.geht@yandex.ru

Yakovlev Oleg Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), olegyakovlev2002@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025; принята к публикации: 06.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гехт А. Б., Яковлев О. А. Роль финансово-промышленной группы Валленберг в телефонизации Российской Империи (начало XX в.) // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 103-109.

FOR CITATION:

Gekht A. B., Yakovlev O. A. Rol' finansovo-promyshlennoj gruppy Vallenberg v telefonizacii Rossijskoj Imperii (nachalo XX v.) [The Wallenberg group's role in the telephonization of the Russian Empire (early 20th century)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 103-109.

УДК 327:623:339.9

ФАКТОР ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРУППЫ СЕМЬИ ВАЛЛЕНБЕРГ ВО ВСТУПЛЕНИИ ШВЕЦИИ В НАТО

А. Б. Гехт

Статья исследует влияние крупнейшей шведской финансово-промышленной группы (ФПГ) семьи Валленберг на процесс пересмотра Швецией политики нейтралитета и её последующего вступления в НАТО. В фокусе анализа находится период с конца XX по начало XXI века, отмеченный сближением королевства с Североатлантическим альянсом через программы «Партнёрство ради мира», совместные учения и операции. Особое внимание уделяется ключевой роли предприятий ФПГ Валленбергов в военно-промышленном комплексе (ВПК) Швеции, прежде всего концерна Saab. Автор показывает, как экономические интересы группы, связанные с ростом экспорта вооружений и интеграцией в цепочки поставок западных союзников (в частности, через партнёрство с BAE Systems), формировали скрытую, но мощную лоббистскую поддержку членства страны в НАТО. Делается вывод о том, что экономический фактор, представленный финансово-промышленной элитой, стал одной из существенных внутренних предпосылок завершения многовекторной внешней политики Швеции и её окончательной интеграции в структуры коллективной безопасности Запада.

Ключевые слова: Швеция, НАТО, семья Валленберг, финансово-промышленная группа (ФПГ), внешняя политика, политика безопасности, нейтралитет, военно-промышленный комплекс (ВПК), Saab, оборонная промышленность, европейская безопасность, «Партнёрство ради мира».

Рассуждая о факторе НАТО во внешней политике Швеции, отметим, что именно последнее десятилетие XX века стало периодом начала достаточно быстрого процесса смены внешнеполитического курса королевства. Вступление страны в Европейский Союз в 1995 году привело к официальному отходу от прежней политики нейтралитета: необходимость придерживаться общей внешней политики интеграционного объединения стран Европы заставила шведское политическое руководство выработать новую модель внешней политики, в рамках которой произошел отход от установки на собственную активную оборонную политику в пользу принципа совместной безопасности, опирающейся на наднациональные институты стран коллективного Запада. Традиционное определение политики безопасности – «неучастие в военно-политических союзах в мирное время с целью сохранения нейтралитета в войне» – с конца 1990-х гг. стало предметом оживлённой дискуссии и критики со стороны правых партий, которые указывали на его несоответствие меняющимся условиям. Принимая во внимание тот факт, что большинство стран-членов ЕС также являлось и членами Североатлантического альянса, дальнейшее сближение и даже координация внешней политики Швеции с установками стран-членов блока становилась вопросом времени.

Несмотря на наличие тесных связей с блоком НАТО на протяжении «холодной войны» [1, S. 27-30], новый этап во взаимодействии официального Стокгольма с альянсом начался в 1994 г. после вступления Швеции в программу взаимодействия с блоком «Партнерство ради мира» [2]. Программа «Партнёрство Ради Мира» была создана с целью укрепления кооперации между альянсом и странами, не являющимися её членами, включая бывшие страны СССР, в том числе Россию. Другой целью программы заявлялось создание общеевропейского порядка в области безопасности и ста-

бильности. Важным показателем сближения Швеции и НАТО стали регулярные совместные военные учения и вовлеченность королевства в различные военные и миротворческие операции альянса – в частности, на территории бывшей Югославии и Афганистане [3]. В этот же период времени начался и комплексный переход вооруженных сил королевства на военные стандарты, принятые в альянсе [4].

В феврале 2002 г. социал-демократическое правительство достигло договорённости с оппозицией о новой формулировке приоритетов внешнеполитической деятельности государства. В ней больше не упоминалось о необходимости сохранения нейтралитета и делался акцент на большей «открытости» военного неприсоединения в мирное время в вопросах сотрудничества и на необходимости коллективных действий и сотрудничества с другими странами как наиболее эффективном способе противостоять угрозам миру и безопасности [5]. Хотя военно-политический блок НАТО в новом определении шведской политики безопасности прямо не упоминался, было очевидно, что североатлантический альянс получил приоритетное значение во внешней политике королевства, отходившего и от прежних социал-демократических представлений о важности сохранения нейтрального статуса.

В начале XXI в. сотрудничество Швеции и блока НАТО продолжило активно развиваться. Хотя Швеция фактически уже находилась в политической орбите блока, окончательное решение о вступлении в альянс в политическом дискурсе страны не обсуждалось. Однако к началу 2010-х гг., на фоне наметившихся кризисных явлений системы международных отношений в Европе, шведское общественное мнение по вопросу интеграции в блок постепенно стало меняться в сторону признания необходимости сближения с альянсом [6]. Результатом стало подписание в 2015 г. исключительно важного документа, фактически ставшего отправной точкой для последующего процесса вступления страны в Североатлантический альянс – «Договора о взаимном понимании и о принятии поддержки НАТО» (Host Nation Support) [7]. Документ подразумевал упрощение процесса принятия и оказание различного рода поддержки странам НАТО в случае возникновения кризиса или войны в Швеции или близлежащих регионах, а также участия Швеции в международных операциях и военных действиях блока. Важнейшим пунктом соглашения стало право доступа стран-членов альянса к шведским военным базам и другим объектам военной инфраструктуры.

Вхождение Крыма в состав России весной 2014 г. и начало вооруженного конфликта на юго-востоке Украины в том же году стало обоснованием быстрой милитаризации региона Балтийского моря, проходившей при деятельном участии как официальных участников НАТО, так и шведских вооруженных сил, теснейшим образом координировавших свои действия с командованием блока. Фактически, на протяжении середины и второй половины 2010-х гг. шло дальнейшее встраивание Швеции в систему функционирования альянса, предварявшее начало официального процесса вступления королевства в организацию: так, в 2015 г. министр обороны королевства Петр Хультквист в интервью, опубликованном на страницах газеты «Дагенс Нюхетер», подчеркивал, что тесное сотрудничество с США является решающим фактором в вопросе безопасности Европы, а двустороннее сотрудничество Швеции и НАТО в области обороны должно быть углублено посредством учений и совместной подготовки военнослужащих, а также их взаимодействия в операциях альянса [8]. Отметим, что в данный период в Швеции активизировалась внутриполитическая борьба: в то время как правившая социал-демократическая партия под руководством премьер-министра Стефана Лёвена выступала против интеграции страны в Североатлантический альянс, предста-

вители «буржуазного» блока, консервативные и либеральные политические силы, стали планомерно продвигать будущее членство страны в альянсе в качестве своего предвыборного аргумента и важного пункта в политической агитации [9].

Подобная риторика не могла остаться без внимания со стороны официальных лиц Российской Федерации. В интервью для «Дагенс Нюхетер» 28 апреля 2016 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров следующим образом прокомментировал возможность присоединения Швеции к НАТО: Россия не оспаривает право любого государства выбирать путь обеспечения своей безопасности и не воспринимает это как прямую угрозу, но будет вынуждена принять необходимые военно-технические меры, учитывая, что по ту сторону границы находится военно-политический блок, который считает Россию угрозой и стремится её сдерживать [10].

Рассуждая о сближении Швеции и Североатлантического альянса, важно принимать во внимание, что помимо географического положения страны и ее стратегического значения как в арктических широтах, так и в регионе Балтийского моря, а также наличия развитых вооруженных сил, важной предпосылкой высокой заинтересованности руководства альянса в дальнейшей интеграции этой страны был ее масштабный военно-промышленный комплекс. Шведский ВПК традиционно отличался высокой долей инновационных разработок и способностью производить вооружения мирового класса, что делало страну ценным потенциальным активом для оборонной промышленности НАТО. Возможность интеграции шведских технологий и производственных мощностей в общесоюзные оборонные программы обещала альянсу не только усиление военного потенциала, но и углубление специализации и кооперации внутри самого блока.

Особое место в системе военной промышленности Швеции занимает входящий в финансово-промышленную группу Валленбергов концерн Saab [11], крупнейший шведский экспортер военной техники и одно из ведущих европейских предприятий военного назначения, специализирующийся на разработке и производстве истребителей. Семья Валленберг на протяжении более полутора веков является доминирующей силой в шведской экономике, контролируя через сложную систему холдингов и фондов значительную часть промышленного потенциала страны. Их империя простирается от телекоммуникаций (Ericsson) до производства подшипников (SKF), но именно оборонный сектор, представленный Saab, имеет ключевое значение для понимания внешнеполитических предпочтений группы.

Конец гонки вооружений в Европе привел к заметному снижению военных расходов Швеции, которые согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) на протяжении 1990-х гг. снизились на 25% [12]. Подобное положение вещей закономерным образом отразилось и на положении концерна Saab, в отношении которого высказывались экспертные суждения о стагнации предприятия и даже угрозе сворачивания отдельных направлений его производственных линий [13]. Несмотря на возникшие трудности, именно в рассматриваемый период произошел процесс частичного поглощения Saab другого значимого для шведской военной промышленности концерна – знаменитого производителя и экспортера вооружений Bofors [14]. В ведение руководства Saab отошло производство ракетных и противоракетных систем, осуществляемое предприятием Saab Bofors Dynamics [15]. Конечные результаты поглощения стали результатом тесного взаимодействия ФПГ Валленбергов с британским концерном BAE Systems – одним из крупнейших в мире производителей и экспортеров средств вооружений, входящих в перечень десяти мировых лидеров в данной сфере [16]. Необходимо подчеркнуть, что с 1998 г. BAE Systems яв-

ляется также владельцем значительного пакета акций Saab, составляющего порядка трети от общего объема акций [16], что дополнительно обеспечивает исключительно тесный характер взаимодействия рассматриваемой ФПГ с ведущими предприятиями военно-промышленного комплекса стран-членов НАТО.

Возраставшая на протяжении 2000-х гг. интенсивность взаимодействия Швеции с блоком НАТО позитивным образом отразилась на состоянии шведского военно-промышленного комплекса, также активно включившегося во взаимодействие со странами-членами альянса. Наряду с также относящимся к сфере деловых интересов Валленбергов производящим шарикоподшипники концерном SKF и фирмой Ericsson, в числе прочего поставляющей на мировой рынок различную электронику, в том числе и военного назначения, Saab на протяжении 2010-х гг. последовательно получал все возраставшие по объемам заказы как от правительства Швеции, так и от различных стран-членов НАТО [17]. Участие шведских военнослужащих в операциях альянса и принятие стандартов НАТО открыло для Saab доступ к тендерам на модернизацию и обслуживание техники стран-союзниц, а также к совместным проектам в рамках программ НАТО по развитию вооружений. Таким образом, членство Швеции в НАТО сулило концерну не просто рост заказов, а полноценную интеграцию в элитный «клуб» ведущих оборонных подрядчиков Запада.

К сожалению, в результате проведенного исследования соискателю не удалось обнаружить каких-либо комментариев или высказываний в отношении сближения Швеции и блока НАТО, относящихся непосредственно к руководству рассматриваемой ФПГ, что, впрочем, вполне соответствует манере ведения бизнеса семьи Валленберг, избегающей излишней публичности, в особенности по неоднозначным для шведского общества вопросам, к которым безусловно можно отнести происходившее сближение страны с Североатлантическим альянсом. Влияние Валленбергов на политические процессы в Швеции традиционно осуществляется через закулисные механизмы, экспертные сообщества и финансирование аналитических центров, формирующих нужную повестку, а не через прямые публичные заявления.

Однако весьма показательным является интервью главного исполнительного директора концерна Saab Микаэля Йоханссона агентству Bloomberg, опубликованное в конце мая 2023 г.: «В случае, если нам удастся быстро вступить в НАТО, это будет хорошо и для Швеции, и для Saab. Компания уже работает так, будто Швеция вступила в НАТО, и готовится к росту числа заказов. [...] Акции концерна выросли на 65% с начала года, в этом году мы приняли на работу 500 сотрудников, и мы планируем увеличить штат еще на 1000 человек» [18]. Представляется верным предположить, что мнение руководителя одного из ключевых предприятий деловой империи Валленбергов вполне отражает и позицию руководства финансово-промышленной группы, напрямую заинтересованного в возрастании своих доходов. Столь оптимистичный прогноз и открытая привязка успеха компании к политическому решению о вступлении в НАТО являются сильнейшим сигналом для политического истеблишмента страны.

Отметим, что по оценкам экономического обозревателя газеты Aftonbladet Андреаса Сервенка рост стоимости акций Saab в период с начала 2022 по аналогичный период 2024 г. принес руководству ФПГ Валленбергов около 6 млрд долларов США [19]. Такая колоссальная финансовая выгода, полученная в значительной степени на ожиданиях и последствиях вступления в НАТО, не просто демонстрирует заинтересованность группы – она создает мощнейший материальный стимул для продолжения и углубления этого курса. Принимая во внимание традиционные тесные связи руководства рассматриваемой ФПГ с де-

ловыми и политическими кругами США и Британии, а также широкую вовлеченность предприятий группы семьи Валленберг в военную промышленность Швеции, уместно утверждать про ее непосредственную поддержку процесса интеграции королевства в Североатлантический альянс. Экономический интерес крупнейшего промышленного клана страны, таким образом, выступил не просто фоном, а одним из ключевых драйверов исторического решения о смене внешнеполитической парадигмы.

Список источников и литературы

1. *Agrell W.* Den stora lögnen: ett säkerhetspolitiskt dubbelspel i alltför många akter. Stockholm: Ordfront, 1991. 274 s.

2. Signatures of Partnership for Peace Framework Document [Electronic resource] // NATO official site. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_82584.htm (last request: 29.12.2025)

3. Sweden's cooperation in the Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC) and Partnership for Peace (PfP) Government Communication 2003/04:84. [Electronic resource] // Official website of the Swedish Government. – URL: https://www.government.se/49b74d/contentassets/55b8f9e891484c5b90e8396f2d4a3269/swedens-cooperation-in-the-euro-atlantic-partnership-council-eapc-and-partnership-for-peace-pfp (last request: 26.12.2025)

4. *Неровный А. В., Соловьева В. А.* Вооружённые силы стран Северной Европы в оборонительных объединениях (вторая половина XX – начало XXI в.) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2021. № 2(32). С. 40-46.

5. Documents on Swedish foreign policy 2002. [Electronic resource] // Official website of the Swedish Government. – URL: https://www.government.se/49b75c/contentassets/4e8d6a90c5a84c8ea5f29c5c4e9cb127/documents-on-swedish-foreign-policy-2002 (last request: 29.12.2025)

6. *Bjereld U.* Svensk Nato-opinion i förändring? // Militärfåra & marginal. SOM-Institutet, Göteborgs universitet. Göteborg, 2014. S. 24-27.

7. Samförståndsavtal med NATO om värdlandsstöd Ds 2015:39. [Electronic resource] // Regeringskansliet: Official website. – URL: https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/departementsserien-och-promemorior/2015/11/ds-201539/ (last request: 29.12.2025)

8. Forsberg B. Sverige och Nato: ett historiskt beslut // Dagens Nyheter. 2015. 31 augusti. S. 12-13.

9. *Гехт А. Б., Черкасов Д. Г., Шутман Д. В.* Трансформация политической и партийной системы современной Швеции: фактор «Шведских демократов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. №6. С.1865-1876.

10. Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова шведской газете «Дагенс Нюхетер» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2016. 29 апреля. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1305176/ (дата обращения: 30.12.2025)

11. Company in brief [Electronic resource] // Saab official site. – URL: https://saabgroup.com/about-company/company-in-brief/ (last request: 30.12.2025)

12. SIPRI Military Expenditure Database [Electronic resource] // SIPRI. 2018. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (last request: 30.01.2026)

13. International Sweden: Military Industry [Electronic resource] // Euromoney. 1999. 7 March. – URL: https://www.euromoney.com/article/b1fqx8g3y93v9t/international-sweden-military-industry (last request: 30.12.2025)

14. Vapenindustrin i Sverige [Electronic resource] // Svenska Freds- och Skiljedomsföreningen. – URL: https://www.svenskafreds.se/om-svenska-freds/vapenexport/ (last request: 30.12.2025)

15. *Фатькина Е. И.* Предприятия как элемент структуры экспортного контроля Швеции в сфере оборонной промышленности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2018. №4. С. 65-69.

16. BAE tops global list of largest arms manufacturers [Electronic resource] // The Guardian. 2010. 12 April. – URL: https://www.theguardian.com/business/2010/apr/12/bae-tops-global-list-of-arms-manufacturers (last request: 30.12.2025)

17. Så har Rysslands invasion och Nato lyft svensk försvarsindustri [Electronic resource] // Dagens Nyheter. – URL: https://www.dn.se/ekonomi/sa-har-rysslands-invasion-och-nato-lyft-svensk-forsvarsindustri/ (last request: 30.12.2025)

18. Sweden's Saab Comes In From Cold as Investors Return to Defense [Electronic resource] // Bloomberg. 2023. 31 May. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-31/sweden-s-saab-comes-in-from-cold-after-putin-invaded-ukraine (last request: 31.12.2025)

19. *Pettersson J.* Svensk vapenexport når ny rekordnivå [Electronic resource] // Aftonbladet. 2024. 10 jan. – URL: https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/abc123/svensk-vapenexport-nar-ny-rekordniva (last request: 31.12.2025)

Гехт Антон Борисович – к. и. н., доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), a.geht@yandex.ru

THE FACTOR OF THE WALLENBERG FAMILY FINANCIAL-INDUSTRIAL GROUP IN SWEDEN'S ACCESSION TO NATO

A. B. Gekht

The article examines the influence of Sweden's largest financial-industrial group (FIG), the Wallenberg family, on the process of Sweden's revision of its traditional policy of neutrality and its subsequent accession to NATO. The analysis focuses on the period from the late 20th to the early 21st century, marked by the kingdom's rapprochement with the North Atlantic Alliance through the Partnership for Peace program, joint exercises, and operations. Particular attention is paid to the key role of the Wallenberg group's enterprises in Sweden's military-industrial complex (MIC), primarily the Saab corporation. The author demonstrates how the group's economic interests, related to the growth of arms exports and integration into the supply chains of Western allies (particularly through the partnership with BAE Systems), formed a hidden but powerful lobby in support of the country's NATO membership. It is concluded that the economic factor, represented by the financial-industrial elite, became one of the significant internal prerequisites for the end of Sweden's multi-vector foreign policy and its final integration into the collective security structures of the West.

Keywords: Sweden, NATO, Wallenberg family, financial-industrial group (FIG), foreign policy, security policy, neutrality, military-industrial complex (MIC), Saab, defense industry, European security, Partnership for Peace (PfP).

References

1. *Agrell W.* Den stora lögnen: ett säkerhetspolitiskt dubbelspel i alltför många akter. Stockholm: Ordfront, 1991. 274 s.

2. Signatures of Partnership for Peace Framework Document [Electronic resource] // NATO official site. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_82584.htm (last request: 29.12.2025)

3. Sweden's cooperation in the Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC) and Partnership for Peace (PfP) Government Communication 2003/04:84. [Electronic resource] // Official website of the Swedish Government. – URL: https://www.government.se/49b74d/contentassets/55b8f9e891484c5b90e8396f2d4a3269/swedens-cooperation-in-the-euro-atlantic-partnership-council-eapc-and-partnership-for-peace-pfp (last request: 26.12.2025)

4. *Nerovnyj A. V., Solov'eva V. A.* Vooruzhennye sily stran Severnoj Evropy v oboronitel'nykh ob"edineniyakh (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.) [The Armed Forces of the Nordic Countries in Defensive Alliances (Second Half of the 20th – Early 21st Century)] // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya [Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Service and Management. Theory and Practice of Management]. 2021. No. 2(32). pp. 40-46. (In Russ.)

5. Documents on Swedish foreign policy 2002. [Electronic resource] // Official website of the Swedish Government. – URL: https://www.government.se/49b75c/contentassets/4e8d6a90c5a84c8ea5f29c5c4e9cb127/documents-on-swedish-foreign-policy-2002 (last request: 29.12.2025)

6. *Bjereld U.* Svensk Nato-opinion i förändring? // Militärfåra & marginal. SOM-Institutet, Göteborgs universitet. Göteborg, 2014. S. 24-27.

7. Samförståndsavtal med NATO om värdlandsstöd Ds 2015:39. [Electronic resource] // Regeringskansliet: Official website. – URL: https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/departementsserien-och-promemorior/2015/11/ds-201539/ (last request: 29.12.2025)

8. Forsberg B. Sverige och Nato: ett historiskt beslut // Dagens Nyheter. 2015. 31 augusti. S. 12-13.

9. *Gekht A. B., Cherkasov D. G., Shutman D. V.* Transformaciya politicheskoj i partijnoj sistemy sovremennoj Shvecii: faktor "Shvedskih demokratov" [Transformation of the Political and Party System of Modern Sweden: The Factor of the "Swedish Democrats"] // Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnoshenij [Issues of National and Federal Relations]. 2024. No. 6. pp. 1865-1876. (In Russ.)

10. Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova shvedskoj gazete "Dagens Nyheter" [Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia S. V. Lavrov to the Swedish Newspaper "Dagens Nyheter"] [Electronic resource] // Ministerstvo inostrannykh del Rossijskoj Federacii [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 2016. 29 aprelya. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1305176/ (last request: 30.12.2025) (In Russ.)

11. Company in brief [Electronic resource] // Saab official site. – URL: https://saabgroup.com/about-company/company-in-brief/ (last request: 30.12.2025)

12. SIPRI Military Expenditure Database [Electronic resource] // SIPRI. 2018. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (last request: 30.01.2026)

13. International Sweden: Military Industry [Electronic resource] // Euromoney. 1999. 7 March. – URL: https://www.euromoney.com/article/b1fqx8g3y93v9t/international-sweden-military-industry (last request: 30.12.2025)

14. Vapenindustrin i Sverige [Electronic resource] // Svenska Freds- och Skiljedomsföreningen. – URL: https://www.svenskafreds.se/om-svenska-freds/vapenexport/ (last request: 30.12.2025)

15. *Fat'kina E. I.* Predpriyatiya kak element struktury eksportnogo kontrolya Shvecii v sfere oboronnoj promyshlennosti [Enterprises as an Element of the Export Control Structure in Sweden's Defense Industry] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova [Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University]. 2018. No. 4. pp. 65-69. (In Russ.)

16. BAE tops global list of largest arms manufacturers [Electronic resource] // The Guardian. 2010. 12 April. – URL: https://www.theguardian.com/business/2010/apr/12/bae-tops-global-list-of-arms-manufacturers (last request: 30.12.2025)

17. Så har Rysslands invasion och Nato lyft svensk försvarsindustri [Electronic resource] // Dagens Nyheter. – URL: https://www.dn.se/ekonomi/sa-har-rysslands-invasion-och-nato-lyft-svensk-forsvarsindustri/ (last request: 30.12.2025)

18. Sweden's Saab Comes In From Cold as Investors Return to Defense [Electronic resource] // Bloomberg. 2023. 31 May. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-31/sweden-s-saab-comes-in-from-cold-after-putin-invaded-ukraine (last request: 31.12.2025)

Pettersson J. Svensk vapenexport når ny rekordnivå [Electronic resource] // Aftonbladet. 2024. 10 jan. – URL: https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/abc123/svensk-vapenexport-nar-ny-rekordniva (last request: 31.12.2025)

Geht Anton Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), a.geht@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025; принята к публикации: 06.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гехт А. Б. Фактор финансово-промышленной группы семьи Валленберг во вступлении Швеции в НАТО // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 110-117.

FOR CITATION:

Gekht A. B. Faktor finansovo-promyshlennoj gruppy sem'i Vallenberg vo vstuplenii SHvecii v NATO [The factor of the Wallenberg family financial-industrial group in Sweden's accession to NATO] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 110-117.

КУЛЬТУРА И ЯЗЫКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 908

КУРОРТНОЕ ДЕЛО КЕКСГОЛЬМА (КЯКИСАЛМИ) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

И. В. Дубовцева

В статье анализируется жизнь города Кексгольма Выборгской губернии Великого княжества Финляндского как курортного и туристического центра в контексте работы водолечебницы на острове Каллиосаари. Уделено внимание предпосылкам создания лечебного учреждения: экономическому положению города во второй половине XIX в. и ожидаемым перспективам функционирования курорта как основы развития благополучия Кексгольма. Также рассмотрены подготовительные работы, создание и работа курорта, анализируется публика, посещавшая водолечебницу. Большой раздел статьи посвящен разбору трудностей, с которыми столкнулись город и АО «Кексгольмский курорт». Статья основана на впервые введенных в оборот по рассматриваемой теме источниках – финской периодической печати и путеводителях конца XIX - начале XX вв., архивных документах.

Ключевые слова: Карельский перешеек, Кексгольм, Приозерск, Великое княжество Финляндское.

О курортном деле Кексгольма – уездного города Выборгской губернии Великого княжества Финляндского – упоминается в редких российских историко-краеведческих печатных изданиях: «Приозерская земля: история и культура», составитель А. П. Дмитриев; «Приозерск», составитель А. Краснолуцкий. В перечисленных книгах идет лишь небольшое описание водогрязелечебницы, принадлежавшей АО «Кексгольмский курорт» (Käkisalmen kylpylaitos OY), а единственным источником цитирования информации стало финноязычное издание «Käkialmen historia» [13]. Настоящая статья была подготовлена на основе финской периодической печати и российских путеводителей рубежа XIX–XX вв., а также доступных сегодня документальных архивных материалов. Ценным источником информации по курортному делу г. Кексгольма оказались местные финноязычные газетные издания конца XIX – первой трети XX вв.: газеты «Wuoksi», «Itä Karjaja», «Käkisalmen sanomat». В публикациях упомянутых газет содержится информация о подготовительных и организационных работах, о деятельности АО «Кексгольмский курорт». Приводятся ценные статистические данные о посещаемости водогрязелечебницы, публикуются отзывы ее пациентов. Сведения по курортам Великого княжества Финляндского также приведены в российских путеводителях.

Во второй половине XIX в. экономическая жизнь Кексгольма пришла в сильный упадок. Понижение уровня воды в северном рукаве Вуоксы в 1857 г. фактически уничтожило рыбный промысел, а городской порт, расположенный в устье Вуоксы, оказался непригодным для использования. Вдобавок, строительство Сайменского канала в 1856 г. ослабило значение судоходства на Ладожском озере, но в то же время конкурентоспособность торговли по Ладожскому озеру росла, поскольку в озерной акватории были запущены первые пароходы, стало поддерживаться регулярное сообщение между Петербургом и Сортавалой [13, s. 435]. Новый экономический виток развития региона был связал со строительством железнодорожного сообщения между Петербургом и Гельсингфорсом через Выборг (Финляндская железная дорога открыта в

1870 г.), а также между Выборгом и Сортавалой (1 ноября 1892 г. была достроена и запущена ветка Выборг – Антреа (Каменногорск) – Иматра, а ещё через год, 1 ноября 1893 г., была сдана в эксплуатацию ветка Антреа (Каменногорск) – Сортавала) [4]. В 1893 г. в Сортавале завершено строительство портовой железнодорожной ветки, 01 июня 1894 г. открылась станция «Сортавала-Пристань» [4]. Таким образом, Кексгольм оказался на периферии бурного экономического развития остальной части Выборгской губернии.

Рекреационное дело в Финляндии набирало обороты. Курорты и водогрязелечебницы южной ее части обрели популярность в последней трети XIX в. [28, s. 3], в том числе и среди российской публики, а в целом юг Финляндии стал привлекательным местом для отдыха и поправки здоровья уже в 1830-е гг. [12, с. 292-293]. «Оздоровительные поездки» пользовались спросом среди петербургской публики ввиду сравнительно малого расстояния до столицы и европейского уровня обслуживания. Так, в начале XX в. насчитывалось 20 рекреационных учреждений разного типа, из них курортов (водолечебниц) – 6 [7, с 3-12]: курорт Вильмастранд (Лаппеенранта), курорт Ганге, курорт Кексгольм, курорт Мариегамн – на Аландских островах, курорт Св. Олава в Нейшлоте (Савонлинна), курорт Нодендаль (Наантали) на берегу одной из бухт Ботнического залива, недалеко от Або (Турку).

Рекреационно-лечебное учреждение, как считала местная общественность и представители городской власти, было востребовано именно в восточной части Карельского перешейка, в месте расположения города Кексгольма. Этому благоприятствовали природно-географические особенности. Побережье Ладожского озера славилось своей необычной и разнообразной природой. Здесь Вуокса, протекая черед город, впадала в Ладогу разветвленными порогами, в окружении множества прекрасных островов, поросших живописными хвойными лесами [14, s. 2]. Вопрос о предполагаемом росте благополучия Кексгольма в связи с открытием водогрязелечебницы стал регулярно подниматься на страницах финских газет за несколько лет до непосредственного введения курорта в эксплуатацию. Плюсы виделись во всем: от способа доставки на курорт отдыхающих и пациентов до экономического и культурного роста города [33, s. 1]. Предполагали, что в летний сезон будет развиваться торговля товарами широкого потребления: одеждой и тканями для ее пошива; посудой, продовольственными товарами – охладительными напитками; кондитерскими и хлебобулочными изделиями. Население города должно было получать стабильную прибыть от сдачи жилых площадей – домов и комнат – в наем отдыхающим. Должно было улучшиться транспортное, автомобильное сообщение как в самом городе, так и в его окрестностях. Стала бы развиваться культурно-досуговая сфера жизни города. Так, для приезжей публики с хорошей прибылью для себя выступал бы местный хор. Ровные и твердые дороги, по обочинам которых произрастал роскошный хвойный лес, должны были сделать небольшие увеселительные прогулки на велосипеде, пешком или на лошадях очень приятными и освежающими. Пароходное сообщение с Санкт-Петербургом и железнодорожное с остальной Финляндией должно было обеспечить водолечебницу пациентами, а город – отдыхающими [14, s. 2]. Считалось, что основной маршрут движения на пароходах по Ладожскому озеру – к Кексгольму через Сортавалу – будет удобен прибывающим гостям [33, s. 1]. Предполагалось, что большинство пациентов будет происходить из Петербурга и иных регионов России, как это было с другими действующими и успешными рекреационными заведениями Финляндии.

На одном из общественных собраний после озвучивания планов на организацию в Кексгольме водолечебницы развернулась оживлённая дискуссия. Все

единодушно согласились с тем, что курортное учреждение следовало открыть «как можно скорее». На том же собрании провели подписку на акции – подписано на сумму в 11 000 финских марок – и был избран комитет из десяти человек, который должен был привлечь новых акционеров. Комитету также предстояло разработать проект Устава, спланировать месторасположение учреждения. [13, s. 500]. Инициатива принадлежала небольшой группе людей, которые относились к «прогрессивной общественности» города, они же работали над изданием журнала «Вуокса». Фактическим инициатором, публично представившим этот план, стал журналист Пекка Комонен. В 1893 г. он опубликовал в газете «Wuoksi» статью с призывом построить водолечебницу. В 1895 г. план ее строительства был реализован на деле. Газета опубликовала статью за подписью мэра Грёнлунда, городского врача Г. Вингвиста и врача О. Хелина, призывавшую горожан присутствовать на учредительном собрании АО «Кексгольмский курорт» в здании пожарной части 4 апреля 1895 г. [13, s. 499]. На собрании присутствовало много горожан – около 50 человек – чиновники, торговцы, ремесленники и рабочие, и, судя по газетному отчёту, энтузиазм был огромным. П. Комонен выступил на собрании с речью, в которой, среди прочего, сказал: *«За последние десятилетия наш город настолько пришел в упадок, что население сократилось на 67 человек. Это свидетельствует о состоянии слабости и апатии, с которыми не могут справиться даже размеры городских финансов, если бы они были настолько велики, чтобы жители были свободны от муниципальных тягот. Жизнь без работы, без движения, без надежды на прогресс – это не жизнь, а тень жизни... Но если есть работа, деятельность и движение, то даже большие тяготы кажутся легкими, незначительными, потому что тогда у жителей есть надежда на прогресс, жизнь...»* [13, s. 499]. Уставной капитал был определен всего в 20 000 марок, разделённых на акции стоимостью 50 марок каждая. Однако, по предварительным расчетам, полные расходы на строительство водолечебницы должны были составить 70 000 марок. Таким образом, чтобы приступить к реализации своих намерений, созданное акционерное общество «Кексгольмский курорт» должно было где-то добыть еще 50 000 марок. Данная сумма не могла быть покрыта помощью предпринимателей, которые и без того вкладывали посильные средства со своей прибыли социальные городские проекты. Водолечебница должна была стать объектом, дающим прибыль городу в целом, поэтому недостающие денежные средства были запрошены у городского муниципалитета [33, s. 1]. Подавляющим большинством голосов было решено, что купальню следует построить на острове Каллиосаари (ныне – остров Каменистый). Строительство деревянных зданий водолечебницы по чертежам и планам архитектора Харальда Неовиуса началось в 1896 г. [28, s. 3]. На все здания было 17 комнат, 2 небольших подвала и башня, а их площадь составляла около 700 м², из которых 170 м² приходилось на веранду; средняя высота от земли до карниза (без учета башни) составляла 4,5 м. Установили всего 3 камина, а кровля зданий общей площадью 1025 м² состояла из оцинкованного листового железа [30, s. 1]. Смета расходов на строительство возросла до 40 000 марок, но мастер-строитель Густав Лаукканен из Нейшлота построил её за 34 950 марок и завершил строительство в конце сентября того же 1896 г. Машины и другое оборудование, необходимое для подготовки лечебницы, были приобретены компанией П. Сидорова [28, s. 3].

Дебютный сезон приема отдыхающих наступил 10 июня 1897 г. Ежегодно сезон работы курорта начинался с 10-х чисел июня и завершался в конце августа – начале сентября. На острове Каллиосаари, окружность которого составляла 1,5 км., произрастали хвойные и лист-

венные деревья, повсюду его пересекали дорожки. На нем были устроены места для игр в теннис, в крокет и т. д. К западу от острова протекала р. Вуокса, которая, разделяясь на два рукава, омывала остров со всех сторон. Мост соединял остров с городом. Через многочисленные просеки виднелся город с зеленеющими садами; далее за ним располагалась сверкающая поверхность реки с многочисленными островками, покрытыми лиственными деревьями. Все это было окаймлено темно-зеленым лесом, далеко простирающимся на все стороны. С восточной стороны располагались воды Ладожского озера. Чистота воздуха, создаваемая обширными лесами, а также близость Ладоги, поддерживающей равномерную температуру, делали курорт пригодным для людей, страдающих хроническими заболеваниями.

Водолечебница состояла из 4-х построек [7, с. 4-5]. Купальный комплекс (Рис. 1-3) включал в себя большое купальное сооружение, здание грязелечебницы и плавательную комнату.

Рис. 1. Открытка почтовая с видом купален на острове Каллиосаари. Из коллекции Музея-крепости «Корела» (инвентарный номер: Ф-5-4868/4/КП-11695/4).

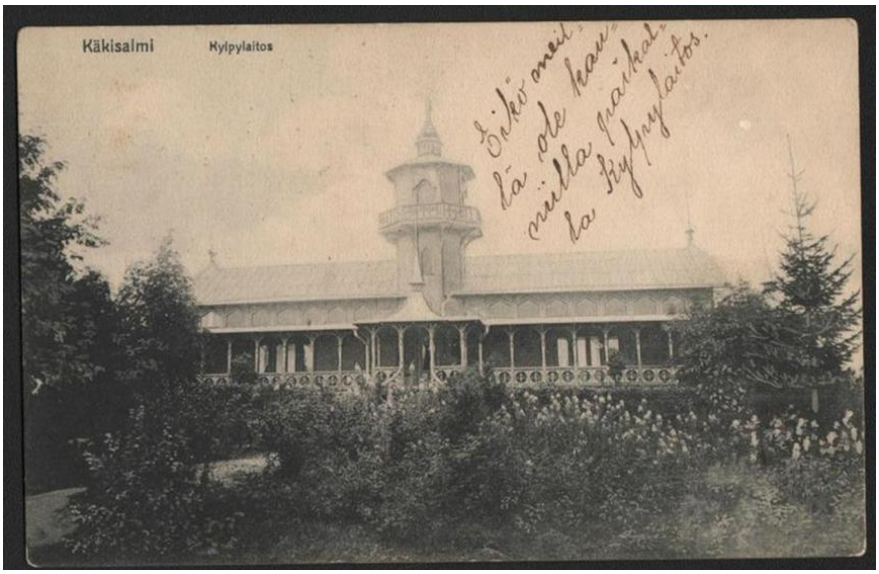
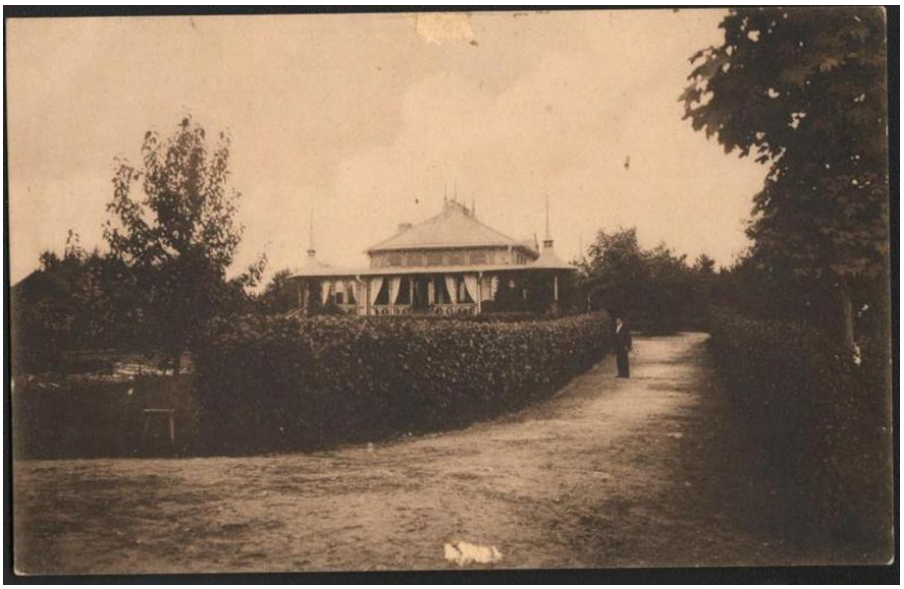


Рис. 2. Открытка почтовая с видом казино на острове Каллиосаари. Из коллекции Музея-крепости «Корела» (инвентарный номер: Ф-5-4868/11/КП-11695/11).



Ил. 3. Открытка почтовая с видом казино на острове Каллиосаари. Из коллекции Музея-крепости «Корела» (инвентарный номер: Ф-5-4868/10/КП-11695/10).

В купальне имелись оборудованные различными ваннами и аппаратами отдельные секции для женщин и мужчин. Пациентам предлагались соленые, хвойные, углекислые, ментоловые, серные, паровые и суховоздушные ванны [7, с. 4-5]. Рядом располагалось здание для грязе- и мыло-массажных ванн, применявшихся при лечении ревматизма, подагры, некоторых видов паралича и т. д. Специальная водоохладительная установка подавала воду нужной прохладной температуры. Раздевалки находились отдельно от санузлов, благодаря чему удавалось избегать влажности и чрезмерной жары в этих помещениях. С помощью радиаторов количество тепла в раздевалках можно было регулировать по мере необходимости [34, s. 2]. Плавательный бассейн был организован прямо в бухте Вуоксы, поэтому вода в нем постоянно и естественным образом менялась (Рис. 4).

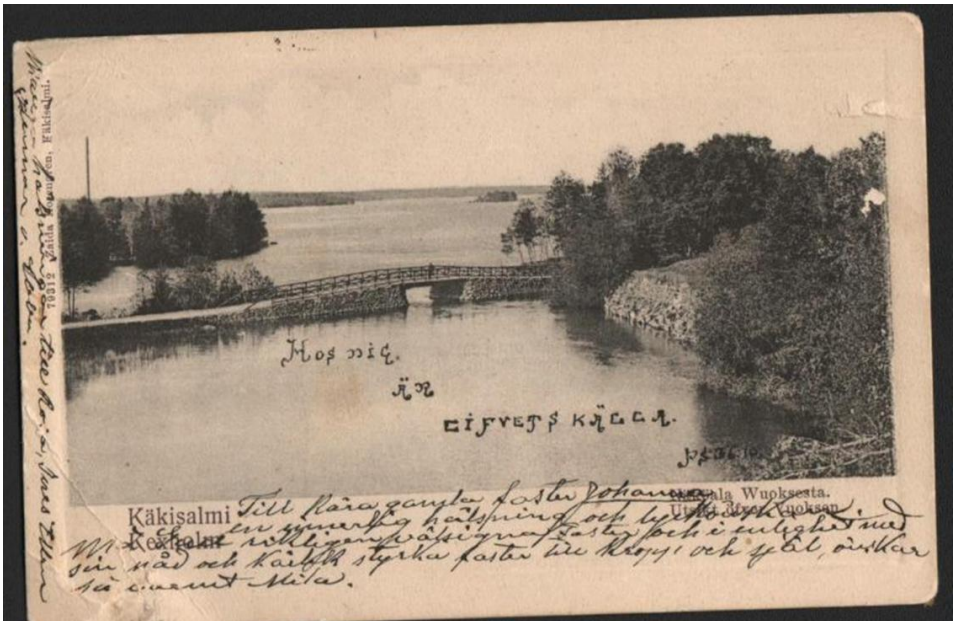


Рис. 4. Открытка почтовая с видом с видом моста через Вуоксу. Из коллекции Музея-крепости «Корела» (инвентарный номер: Ф-5-4868/7/КП-11695/7).

Поблизости находилось здание массажа и лечебной гимнастики, а на берегу одного из рукавов Вуоксы располагались купальни. Успешному лечению поддавались катары разных частей организма, ожирение, болезни сердца, нервные заболевания и т. д. [35, s. 2].

Плата за лечение была установлена в следующих размерах: за запись – 5 марок, за ванны со включением докторского гонорара – 15 марок в неделю, причем за детей до 10-летнего возраста – 7,5 марок в неделю, за врачебную гимнастику – 12 марок в неделю. За электрические, грязевые хвойные и некоторые другие ванны взималась небольшая дополнительная плата, причем такого рода ванны отпускались лишь с разрешения старшего врача.

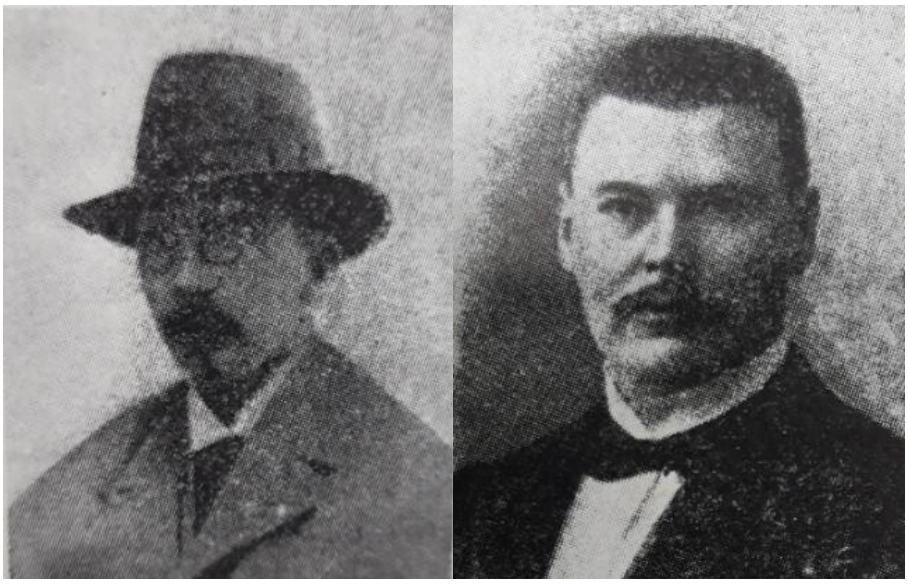


Рис. 5. Густав Винквист (слева) – врач водолечебницы Кексгольма с 1897 по 1907 годы. Эмиль Лууконен (справа) – врач водолечебницы Кексгольма с 1907 по 1917 годы. Из книги: Kujo E., Puramo E., Sarkanen J. Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaiheita. Lahti: Käki-Säätiö, 1958 (инвентарный номер: КП 11383 / Ф5-4752)

Медицинское обслуживание осуществлял городской врач доктор Густав Винквист [35, s. 2]. В 1907 г. в лечебнице сменился врач: вместо Густава Винквиста (Рис. 5) лечить пациентов теперь стал доктор Эмиль Лууконен, занимавший данный пост вплоть до ликвидации АО «Кексгольмский курорт» [21, s. 3]. Запись в водолечебницу стоила 5 марок (2 р.), причем эта сумма не менялась в течение последующих лет: та же сумма обозначена в путеводителе 1915 г. [7, с. 3-4]. Пользование ваннами, со включением лечения, за неделю стоило 13 марок (5 р.); полотенце обходилось в 1 марку (40 к.). Дети моложе 12 лет платили половину суммы. За пользование электричеством, грязевыми ваннами и ваннами с добавками вносилась доплата, соответствующая цене добавляемых ингредиентов. Больной, внесенный в список пользующихся ваннами, имел преимущество над другими. За местное лечение, например, при болезнях гортани, мочевого пузыря, желудка и при болезнях органов брюшной полости, платили отдельно. Также взималась сезонная плата – 3 марки в неделю или 12 марок (4 р. 50 к.) за все лето на 1 человека. 2 члена одной семьи платили 22 марки (8 р. 20 к.), 3 члена – 30 марок. (11 р. 10 к.), остальные по 6 марок. (2 р. 25 к.). Дети 8-14 лет платили половину стоимости [5, с. 111-114]. Помещение для проживания можно было снять у частых лиц, причем цены колебались в зависимости от размеров комнаты, ее меблировки и т. п., между 10 и 40 марками в месяц [5, с. 111-114]. За сведениями о свободных комнатах необходимо было обращаться к дирекции АО «Кексгольмский курорт». Местное население, желавшее сдать комнаты в наем

пациентам лечебницы, подавалось в списки администрации курорта уже с марта – заблаговременно, до начала сезона приезда гостей. На территории водолечебницы имелось Казино, состоявшее из двух залов. Завтрак, обед и ужин в 1899 г. стоили 18 марок (6 р. 50 к.) [5, с. 114], а в 1915 г. - 20 марок в неделю на 1 человека [7, с. 4-5]. В казино было представлено диетическое меню, разработанное врачом [5, с. 114]. Также можно было питаться в ресторане городской гостиницы и отдавать за завтрак, обед и ужин 16 марок (6 р.) в неделю на 1 человека. К оплате принимались как марки, так и рубли [5, с. 114].

На основе доступных данных – опубликованных в периодической печати списков гостей водолечебницы – удалось составить примерную географию и количество прибывавших на лечение пациентов. За основу были взяты материалы, размещенные в газетах «Itä Karjala», «Käkisalmen sanomat», «Helsingin Sanomat», «Uusi Suometar» в период с 1898 по 1916 гг. Большинством зарегистрированных пациентов местной водолечебницы были жители Кексгольма и Кексгольмского уезда (Каукола, Ряйсяля, Валкъярви, Сердоболь (Сортавала), Хиитола). На втором месте по числу посетителей курорта за рассмотренный период были жители иных населенных пунктов Выборгской губернии, а также из крупных финских городов – Гельсингфорса, Вильманстрандта (Лапеенранты), Йоэнсуу, Тампере. За весь рассмотренный период сравнительно мало пациентов было из Петербурга и еще меньше – из других городов Российской Империи, а ведь именно на столичную публику делался упор, когда возникла идея создания курорта на Каллиосаари. Ниже приведены несколько примеров за один календарный период – конец июня. В списках зарегистрированных гостей водолечебницы на 20 июня 1898 г. числилось 82 человека, из них выходцев из Петербурга – 3 человека [15, s. 2]. Число зарегистрированных гостей лечебницы на конец июня 1901 – 83 человека, выходцев из Петербурга – 2 человека [16, s. 2]. Число зарегистрированных пациентов лечебницы на 20 июня 1905 – 57, из них выходцев из столицы – 2 человека [18, s. 3]. Наконец, на 20 июня 1911 г. значилось 60 человек, из Петербурга – 5 человек [22, s. 2]. Публика других водолечебниц состояла, в основном, из жителей крупных финских городов и Петербурга, а также других стран. В качестве примера можно взять схожую водолечебницу в Нейшлоте (Савонлинна). 483 зарегистрированных гостя значилось на конец июля 1903 г., перечислены пациенты из следующих городов: Выборг, Вильмандстрандт, Турку, Котка, Берлин, Петербург, Миккели, Оулу, Йоэнсуу [32, s. 2]. В период с 25 по 31 июля 1903 г. зарегистрировано пациентов – 293 человека, перечислены имена пациентов из следующих городов: Петербург, Ханко, Гельсингфорс, Турку, Москвы, Минска, Риги, Марьянхамины, Иматры, Сортавалы, Нью-Йорка, Стокгольма, Выборга, Нейшлота; треть из перечисленных пациентов прибыла из Петербурга [31, s. 3]. Окрестные жители, которые приезжали сюда, чтобы поправить здоровье, были очень довольны купальней, но оставляли сравнительно мало денег для купальни и косвенно для города [38, s. 3]. Это было одной из причин постоянных убытков водолечебницы, т.к. местная публика составляла большинство пациентов купальни. Среднее число посетителей водолечебницы за все время ее работы держалось на уровне нескольких сотен человек. К сожалению, нет доступа к ежегодным отчетам АО «Кексгольмский курорт» за годы работы лечебницы, кроме 1916 г. Однако, по данным финской периодической печати удалось установить число зарегистрированных пациентов за некоторые месяцы и годы (Табл. 1):

Таблица 1.
Количество зарегистрированных пациентов АО «Кексгольмский курорт» в период с 1897 по 1916 гг.

Год	***Число посетителей, чел.***			
	Июнь	***Июль***	***Август***	***ИТОГО***
1897	-	-	-	150
1898	82	59	95	236
1899	33	75	118	203
1900	46	101	-	-
1901	83	-	-	128
1902	51	-	-	-
1903	Данных нет			
1904	52	92	-	-
1905	57	120	-	-
1906	83	-	-	250 (268)
1907	-	-	-	234
1908	-	-	-	205
1909	-	146	-	-
1910	-	78	-	-
1911	60			-
1912	Данных нет			
1913	87	-	-	-
1914	-	125	-	224
1915	-	-	-	150
1916	-	-	-	189 [1, л.4]

Тем не менее, даже по имеющимся в наличии статистическим сведениям можно предположить среднее число пациентов водолечебницы, которое варьируется в пределах 150-270 человек ежегодно. В период с 1901 по 1910 г. число пациентов варьировалось от 128 до 268 человек. Наименьшее количество посетителей было в 1901 г., а наибольшее – в 1906 г. [13, s. 502].

Ключевое значение в деятельности курорта имела многолетняя поддержка со стороны городского совета – и это неспроста. На успешную деятельность водолечебницы власти Кексгольма возлагали большие надежды, ведь она должна была оживить весь город, сделать его привлекательным местом. Лечебница дефакто являлась муниципальным предприятием: представленный двадцатью голосами на собраниях, город был главным акционером АО «Кексгольмский курорт» [13, s. 502]. Город предоставил водолечебнице в бесплатное пользование остров Каллиосаари, арендовал расположенные на нем земельные участки, принадлежавшие Тенкалахти (финская деревня, ныне – заречная часть г. Приозерска) и другим близлежащим деревням, и передал их купальне за низкую арендную плату. Город вложил в компанию, управляющую купальней, в общей сложности 92 500 марок собственных средств. Он также выкупил акции на сумму 5000 марок, пожертвовал учреждению 8500 р. (22 500 марок), завещанных купчихой Авдотьей Андреевой, а также предоставил из своих средств ссуды под залог зданий бани на общую сумму 65 000 марок с процентной ставкой всего 4,5%. В период с 1897 по 1904 г. город выделил АО «Кексгольмский курорт» 58 187 марок 15 пенни из прибыли компаний по производству алкоголя, в период с 1905 по 1908 г. – 13 200 марок, а в период с 1912 по 1915 г. – 19 974 марки 45 пенни, что в общей сложности составило 91 361 марку 89 пенни. Из этой суммы 17 962 марки 87 пенни было направлено на погашение полученных от

города займов, а остальная часть – на выплату процентов, амортизацию и прочее, а также на покрытие довольно крупных операционных убытков, понесенных курортом в 1897-1904 гг. [13, s. 502]. Убытки курорта в начале деятельности и до 1905 г. в среднем составляли от 5000 до 6000 марок [24, s. 2]. Относительную прибыль курорт стал приносить только с 1905 г., за исключением пары лет (1908 и 1911), когда проводился капитальный ремонт [24, s. 2]. В связи с началом Первой мировой войны возникли надежды на улучшение положения курорта из-за повсеместного призыва к общественности отказаться от отдыха на иностранных курортах. В ноябре 1914 г. назначенный городским советом специальный комитет предложил построить на Каллиосаари санаторий-отель, который работал бы и зимой. Общая смета расходов составляла 122 000 марок. Данное громкое предложение возникло из-за того, что общее собрание курортных учреждений в Хельсинки рекомендовало именно такой вариант развития финских курортов и лечебниц [13, s. 502].

В 1910-е гг. возникла необходимость проведения ремонтных и косметических работ построек водолечебницы. Принимая во внимание вышеизложенное, администрация курорта постановила, чтобы из прибыли компании по производству безалкогольных напитков в 1915 г. городом было выделено 1500 марок на наружную окраску стен зданий лечебницы. Подсчитали, что всего на ремонтно-косметические работы в 1914, 1915 и 1916 гг. потребуется 4500 марок [24, s. 2]. Первый этаж казино курорта следовало расширить для создания там концертного зала со сценой и гримерными по бокам общей площадью около 130 м². Для этого администрация курорта просила выделить из прибыли общественной питейной компании уже в 1915 г. 2500 марок. Итоговая сумма на работы по изменению планировки здания казино должна была составить 7000 марок [24, s. 2].

АО «Кексгольмский курорт» и принадлежавшая ему водолечебница с момента своего основания, в силу разных обстоятельств, которые будут рассмотрены ниже, сталкивался с трудностями. Уже через 2 года после открытия водолечебницы местная газета «Wuoksi» опубликовала развернутую статью под названием «Причины отсутствия гостей в водолечебнице» [36, s. 3]. Публикация вышла откровенно гневная, у редакции газеты были на то свои причины. На общем собрании акционеров АО «Кексгольмский курорт» зимой 1899 г., было принято решение, что рекламные буклеты в количестве 50 000 экземпляров и стоимостью 460 марок следует напечатать и распространить до конца марта в типографии «Itä Karjala», т.е. в типографии самой «Wuoksi». Однако, правление курорта выбрало типографию газеты «Käkisalmi» (в состав администрации учреждения частично входили те же члены, что и в газету и типографию «Käkisalmi») [36, s. 3]. По мнению редакции «Wuoksi», столь малое за прошедшие два купальных сезона число пациентов лечебницы (150 человек в 1897 и около 100 человек – в 1989 г.) объяснялось неумелыми действиями со стороны администрации АО «Кексгольмский курорт». Например, отмечает издание, ничего не было сделано для устройства в штат лечебницы авторитетного и широко известного врача, что могло бы привлечь людей на лечение в Кексгольм. Местный доктор Густав Винквист, хотя и обладал несомненной квалификацией, все же был неизвестен в курортной среде. Другая веская причина нехватки пациентов, по мнению редакции «Wuoksi», состояла в провальном распространении информации о лечебнице. Так, в 1898 г. рекламные проспекты были напечатаны только в конце мая, когда большинство из тех, кто мог бы запланировать отдых и лечение на курорте Кексгольма, уже составило иные планы рекреационных поездок [36, s. 3].

Говоря о работе администрации АО «Кексгольмский курорт» по продвижению водолечебницы среди потенциальных отдыхающих, нельзя обойти вниманием наиболее популярные русскоязычные путеводители по Финляндии, нацеленные на публику, для которой изначально и был спланирован курорт с водолечебницей, то есть на жителей российской столицы и прибывающих из других крупных российских городов. Только через 2 года после открытия водолечебницы столичной публике стала доступна информация о ней в первом русскоязычном путеводителе по Финляндии – «Иллюстрированном путеводителе по дачным, водолечебным и живописным местностям Финляндии…», составленным Николаем Петровичем Федотовым[1], которому довелось лично посетить Кексгольм в 1898 г. [5, с. 111-114]. Описание города и лечебницы, представленные им, – довольно подробные. Также прилагается детальный план Кексгольма с необходимыми гостям обозначениями. Есть описание лечебницы [5, с. 111-114]. В «Путеводителе по дачным и водолечебным местностям Финляндии и живописным районам восточной части ее», составленном К. Б. Гренганеном, информация о Кексгольме представлена на четырех страницах. Есть подробное описание города и населения, также имеются необходимые справочные сведения: гостиницы, транспорт, питание [11, с. 185-190]. В целом, данный путеводитель в некоторой степени дублирует путеводитель Н. П. Федотова. В путеводителе, составленном П. В. Гусевым и изданном в 1908 г., нет никаких сведений о Кексгольме, он даже не обозначен на опубликованной там карте [3, с. 127]. В «Путеводителе по Финляндии» за 1911 г. городу Кексгольму посвящена 1 страница. О водолечебнице нет ни слова, кроме того, что она имеется в наличии [9, с. 118-119]. В нижегородском издании Корсакова В. В. «Санатории и курорты в Финляндии» от 1912 года Кексгольмский курорт даже не упоминается [6]. В «Путеводителе по Финляндии» от 1914 г. в кратком разделе, посвященном Кексгольму, есть упоминание о лечебнице с рестораном, но без подробных сведений: «*Близ Кексгольма находятся водолечебница и ресторан на острове на реке Вуоксе. Остров этот покрыт частью лиственным, частью хвойным лесом. Ресторан при водолечебнице отличается очень недорогим и порядочным столом.*» [9, с. 149]. Примечательно, что в этом же издании в многостраничном разделе, посвященном городу Нейшлоту, повествование о водолечебнице занимает половину страницы и содержит следующие сведения: местоположение, состав курортного комплекса, специализация, продолжительность курортного сезона [9, с. 147]. Далее обратимся к изданию «Спутник по Финляндии. Курорты, дачи и живописные местности Карелии». В подробном для своего времени и удобном 400-страничном путеводителе описанию Кексгольма, его достопримечательностей и рекреационных объектов посвящена всего 1 страница. В разделе кратко изложена информация о доступном транспорте, гостиницах и ресторанах, описаны планировка и история города, занятия местных жителей. Всего несколько предложений в пять строк посвящены описанию водолечебницы: «*Водолечебница состоит из собственно купального заведения и грязевых ванн. Лечение, главным образом, от катаральных болезней разных органов, от болезни сердца, от ожирения, ревматических страданий, невралгии и др. При водолечебнице, недалеко от нее, имеется ресторан*» [10, с. 151-152]. В то же время подробно в путеводителе изложена, например, информация о Нейшлоте, этому городу посвящено 11 страниц текста и иллюстративного материала. Опубликован подробный план города, включены фотоизо-

[1] Н. П. Федотов – автор многих дореволюционных изданий – путеводителей и справочников, посвященных Финляндии; бывший управляющий зданиями Санкт-Петербургской городской думы // Цит. по: https://vk.com/wall-98221643_364391 (дата обращения: 25.10.2025).

бражения, детально изложены данные о достопримечательностях, транспорте, культурных обычаях местного населения и, конечно, водолечебнице, текст о которой по объему занимает две трети страницы и оформлен в отдельный подраздел [10, с. 104-114]. В путеводителе «Курорты, санатории и пансионы Финляндии: Сезон 1915 г.» на 2-х страницах даны необходимые справочные сведения по курорту: даты начала и окончания сезона приема гостей, транспортное сообщение, краткое описание лечебницы, стоимость и места проживания [7, с. 4-5].

Реклама курортов Финляндии встречается также на страницах периодической печати. Бросается в глаза, что предпочтение в деле популяризации водолечебницы г. Кексгольма в подавляющем большинстве случаев отдается размещению на страницах финноязычных изданий. Так, на ежегодном собрании акционеров АО «Кексгольмский курорт» в 1905 г. посчитали достаточным опубликовать рекламу водолечебницы в двух финских ежедневных газетах («Inkeri», «Laatoka»), 1 раз в местной газете Кексгольма и только в одной из немецких газет Петербурга [17, s. 3]. Регулярно реклама водолечебницы Кексгольма встречалась лишь на страницах местной периодической печати.

В марте 1912 г. была опубликована большая статья, посвященная проблеме жилищного фонда Кексгольма в контексте вопроса об увеличении численности приезжих. В начале XX в. деревянные городские дома (Рис. 6, 7) были в плохом состоянии и не удовлетворяли потребностям и запросам изысканной и богатой курортной публики. Возникали опасения, что если через Кексгольм будет проложена железная дорога, то уже во время ее строительства возникнет большой дефицит жилья [23, s. 2]. Частным лицам было трудно строить более крупные дачные гостевые дома, поскольку такая стройка требовала больших вложений. Было высказано предложение *начать строить на острове Каллиосаари достойные и современные виллы, в том числе и для продвижения водолечебницы, а также с целью увеличить количество ее пациентов* [23, s. 2]. Ведь современные коттеджи должны были прийтись по вкусу многим гостям, и они захотят провести весь летний сезон в Кексгольме. Приводился в пример успешный опыт Нейшлота, где действовало специальное акционерное общество, которое строило и обслуживало виллы для местной водолечебницы. Ежегодно компания показывала хорошие результаты. Спрос на виллы увеличивался год от года, всего в Нейшлоте на 1912 г. располагалось 7 вилл, самая большая из которых – двухэтажная и содержала более 20 комнат. Но даже в этом случае все потребности в гостевом жилье удовлетворить не удавалось. Предлагалось создать аналогичное нейшлотскому акционерное общество, куда могли бы войти те же представители, которые входили в акционерное общество «Кексгольмский курорт», что могло бы дополнительно поддержать курортную деятельность. *«Водолечебница никогда не будет приносить сверхприбыль, потому что даже если количество пациентов увеличится, расходы вырастут в той же пропорции. Виллы же, безусловно, принесут доход и тем самым поддержат существование водолечебницы»* [23, s. 2]. Стояла проблема эстетики внешнего вида города. Иногда эта информация проскальзывала в печатные издания, предназначенные для отдыхающих: «*Своим наружным видом этот городок не может похвалиться…*» [11, с. 186]. Проблема никак не решалась, поэтому часто на страницах периодики можно встретить высказывания, что летом Кексгольм был особенно привлекателен из-за широких улиц и обилия зеленых насаждений, однако вид портили неопрятные жилые дома. Хозяев такой недвижимости со страниц газет призывали привести свои жилища в порядок и покрасить их [23, s. 2]. Также наблюдались проблемы с качеством предоставляемого в аренду жилья, что побудило

администрацию водолечебницы опубликовать отдельную инструкцию по подготовке комнат к сдаче пациентам курорта [25, s. 2]. Администрация водолечебницы на страницах местных газет призывала следовать всем инструкциям, которые составил созданный финляндскими водолечебницами центральный комитет.

Рис. 6. Открытка почтовая с видом гостиницы Вуоксела в Кексгольме. Начало XX века. Из коллекции Музея-крепости «Корела» (инвентарный номер: Ф-5-4868/13/КП-11695/13).

Рис. 7. Открытка почтовая с видом улицы Питкякату. Начало XX века. Из коллекции Музея-крепости «Корела» (инвентарный номер: Ф-5-4868/8/КП-11695/8).

Так, следовало уменьшить собственную жилую площадь и отдать гостям целую комнату или пару комнат, обставить их просто и уютно. Рекомендовалось приобрести железные кровати с пружинными матрасами. С целью соблюдения гигиены и чистоты призывали не экономить на лизоле при мытье пола. Следовало тщательно проверять, чтобы в комнате, особенно в постели, не было клопов. В гостевом помещении не должно было быть мух, т.к. они не только являлись разносчиками болезней, но и могли серьезно нарушать ночной отдых постояльцев [25, s. 2].

Кексгольму трудно было стать притягательным для приезжей публики городом – прежде всего, из-за проблем с городским общественным порядком. Кутеж местной выпивающей публики, посещавшей казино лечебницы, часто нарушал покой купальщиков и, безусловно, наносил ущерб всей бане, потому что пациентам не хотелось приезжать снова, особенно иностранцам, не знавшим местного колорита, когда они слышали крики неодобрения и угрозы насилия. В казино имелись ограничения на продажу спиртных напитков, что вызывало недовольство местных выпивох [20, s. 3]. Неуютно гостям города было гулять и на территории парка у крепости. В одной из газет читаем: «*Раздаются жалобы на то, что праздные лесорубы и городские бездельники облюбовали замковый парк местом для отдыха и игры в карты. Когда туда, помимо прочих вкусностей, приносят ещё и алкоголь, это оскорбительно и доставляет неудобства отдыхающим и курортникам*» [19, s. 3]. Остро стояла проблема некого равнодушия со стороны местного населения в вопросе создания условий для роста привлекательности города как туристического и курортного центра. Врач водолечебницы Э. Лууконен со страниц газеты обратился с призывом [25, s. 2] к жителям города: *«Отсутствие быстрых водителей на улицах Кексгольма создавало особые трудности и неудобства. Незнакомому человеку довольно сложно найти водителя по телефону, да и где его найти, если его не подскажут? Вот почему все горожане, а особенно те, кто хоть немного знает русский язык, должны направлять и помогать обратившемуся за советом незнакомцу, проводить его в отведенную для него квартиру, дать советы по водолечебнице, почте, враче и месте, где можно поесть. Мы, финны, никогда не можем быть слишком вежливыми.*

Услужливость и щедрость сразу производят приятное впечатление на пришедшего в лечебницу гостя. Он обязательно заметит, что все делают все возможное, чтобы ему было комфортно. Он может пожелать остаться здесь на все лето, пригласить сюда других своих родственников и друзей, а когда купальный сезон закончится, вернувшись домой, всегда в самом лучшем виде представит своим друзьям купальню и город с его красотой и достопримечательностями, в благоприятном свете. Хотя жители города получают материальную выгоду от гостей бани, они могут своей услужливостью, вежливостью и приятным поведением во многом помочь местному курорту, делая и город все более известным.

У многих людей в городе есть моторные и парусные лодки, так пусть они возят гостей города с их семьями в увеселительные поездки на пляжи островов, за кофе и рыбой, дают им в пользование как можно больше гребных лодок.

Эмиль Луукконен»

Ключевой фактор, влиявший на посещаемость водолечебницы, состоял в труднодоступном расположении города Кексгольма и связано это было, главным образом, с отсутствием железнодорожного сообщения города со столицей или даже с Выборгом. Способ добраться до города по железной дороге был труден и долог, особенно для пациентов из Петербурга. В данном случае они должны были добраться до Выборга, далее – по Карельской железной дороге доехать поездом до станции Хиитола, а уже оттуда шла дорога до Кексгольма длиной 37,5 км., по которой можно было добраться исключительно на лошадях. Около железнодорожной станции находится почтовая, где можно достать хорошую повозку и лошадей до Кексгольма за 6 марок [11, с. 185-190]. Н. Федотов в своем путеводителе [5, s. 115-116] рекомендовал выезжать из Петербурга поездом в 9:30, который прибывал в Выборг в 13:07. В 13:35 из Выборга на Сердоболь отходил другой поезд, который до нужной станции Хиитола преодолевал 93 версты. Лошадей на этой станции не всегда

можно было достать, поэтому, по приезде в Выборг, можно было заказать лошадей прямо из Кексгольма по телефону. Парная коляска по стоимости обходилась в 9 рублей. Более трудным был путь по железной дороге от Выборга до станции Антреа (ныне – Каменногорск), оттуда до Кексгольма можно было добраться смешанным способом – на пароходе по Вуоксе и перекладных. Пароход курсировал через шлюз Паккола, в Пеллекеля, далее – на лошадях через село Ряйсяля (ныне - Мельниково) следовало прибыть в Уннункоски (ныне – пос. Горы Приозерского района), откуда ежедневно отходил пароход в Кексгольм. Вот как Н. Федотов описывает данный железнодорожно-пароходный маршрут: *«Этот последний путь особенно рекомендуется как администрациею водолечебницы, так и в путеводителе по восточной Финляндии г. Гренгагена. Я же, напротив того, нахожу этот последний путь крайне неудобным, длинным и утомительным, а для больных, направляющихся в Кексгольм для исцеления недугов, прямотаки невозможным. И вот почему. На пароходах, совершающих рейсы по реке Вуоксе, шкипера и прислуга – финны, совершенно непонимающие русского языка. Ни на один вопрос на русском языке никто из них вам не ответит. Поэтому вы будете кататься по р. Вуоксе взад и вперед и не будете знать, где вам следует высадиться. От ст. Антреа до пароходной пристани Пеллекеля 4 часа езды на пароходе. Оказывается, почтовая станция находится по другую сторону р. Вуоксы, куда вы и переправляетесь на пароме. Здесь опять затруднение: на берегу нет ни извозчиков, ни носильщиков, а, между тем, до почтовой станции целая верста. Как быть с багажом и где искать почтовую станцию? Но вот вы на почтовой станции Пеллекеля. Требуете лошадей, но вас не понимают. За небольшими исключениями та же история повторяется и на всех прочих станциях: Оравантлоки, Хонкала и др. Наконец, вы приезжаете на предпоследнюю станцию Хонкала. Станция эта находится в большом селе, которое приютилось в красивой, холмистой местности, у небольшого озера. Прекрасный сосновый лес, кирка, две-три дачи. Отсюда до пароходной пристани всего 12 верст. Оказывается, у парохода сломалось колесо и он временно прекратил свои рейсы. Все эти мытарства с неприятными сюрпризами пришлось испытать мне летом прошлого года. Пришлось продолжать путь в Кексгольм на лошадях и сделать лишних 37 верст. Отправившись на пароходе от ст. Антреа в 9 ч. 55 м. утра, я приехал в Кексгольм уже в первом часу ночи»* [5, с. 115-116]. Также от станции Антреа на пароходе через шлюзы Паакола, Пеллекеля можно было добраться до Кивиниеми (ныне – Лосево), а оттуда через узкий проток мимо Ряйсяля и далее в Кексгольм. Однако, как и предыдущий, этот маршрут движения был долгим по времени [11, с. 185-190]. Второй путь движения к Кексгольму – по реке Неве и Ладожскому озеру на пароходе. Ладожские пароходы имеют отдельную пристань в 1 1/2 километре на востоке от города, к которой ведет хорошая дорога, обсаженная деревьями [11, с. 185-190]. Пароходное сообщение было налажено также между Кексгольмом и Сердоболем. Передвижение по Ладожскому озеру на большие расстояния не пользовались популярностью из-за опасности самого Ладожского озера ввиду частых штормов [28, s. 3]. Администрация курорта и городской совет понимали, что улучшение транспортной доступности водолечебницы – вопрос, который нельзя полностью решить до тех пор, пока не будет построено долгожданное железнодорожное сообщение с остальной частью Финляндии. Однако местная общественность, обеспокоенная вопросом посещаемости города гостями и пациентами, предлагала улучшить состояние дел организацией регулярного дилижанса или иной подобной услуги от станции Хиитола до Каарлахти (ныне – Кузнечное) в летний сезон

[17, s. 3]. Предлагали также организовать прямое судоходство из Сердоболя в Кексгольм без заезда в Яаккима (придорожный поселок, располагавшийся на территории современного Лахденпохского района) и в порт Куркиеки [17, s. 3]. В путеводителе «Курорты, санатории и пансионы Финляндии: Сезон 1915 г.» встречаем следующее описание транспортного сообщения: *«Сообщение с Кексгольмом поддерживается как по Ладожскому озеру, так и по железной дороге, причем пароход приходит из Петрограда один раз в неделю (13 мар.); по железной дороге следует доехать до станции Хитола (пересадка в Выборге, во II кл. 6 р. 30 к., в III кл. 4 р. 20 к.). Здесь находится почтовая станция, где можно достать лошадей либо прямо до Кексгольма (38 килом., 8-9 мар.) либо до пристани Карлахти (22 килом., 4-5 мар.), откуда до Кексгольма ходят пароходы 2 раза в день (1 мар. – 1 м. 25 п.)»* [7, с. 4-5]. В городе обстояла большая проблема с регулярным частным извозом – его просто не было. Имелись только услуги фурманов (водовозов) по перевозке грузов [9, С. 147]. От пароходной пристани на берегу Ладоги до города они берут плату 75 пенни (рублей) [11, с. 190]. Иначе обстояли дела с транспортной инфраструктурой других расположенных на юге Финляндии курортов, например, в Вильманстранде или Нейшлоте, куда из Санкт-Петербурга по железной дороге можно было добраться за день: 4 часа в пути из Петербурга до Выборга и далее – 7 часов из Выборга до Нейшлота.

С весны 1916 г. АО «Кексгольмский курорт» приступил к прохождению процедуры банкротства. Об этом на своих страницах сообщила городская газета «Käkisalmen sanomat». На внеочередном общем собрании акционеров, состоявшемся 28 мая 1916 г., председательствовал доктор Э. Луукконен, а протокол вёл мастер Матти Кайсла. В связи с тем, что к 1 сентября Финансовая палата погасила задолженность города перед компанией в размере 54 000 марок, и хотя доход за последний курортный сезон был довольно хорошим и как минимум на 3000 марок превысил доход предыдущего лета, а также ввиду отсутствия ожидаемых доходов от алкогольной компании, общее собрание акционеров посчитало, что нет иного способа погасить городские долги, кроме как оставить движимое и недвижимое имущество компании, инициировав процедуру банкротства [26, s. 2]. 6 марта 1917 г. в 21:00 в здании городского клуба состоялось заседание правления компании «Кексгольмский курорт», на котором присутствовали постоянные его члены: А. В. Комулайнен, Э. Лууконен и П. Комонен. Было принято решение, что 27 марта 1917 г. состоится общее собрание акционеров компании для узаконивания права продать без аукциона недвижимое имущество курорта, принадлежащее городу, а также избрать новое правление компании [2, л. 2]. 12 апреля 1917 г собрался в расширенном составе Городской совет, чтобы обсудить и принять решение о покупке водолечебницы, принадлежащей компании АО «Кексгольмский курорт», а также связанных с этим договорённостях. Заседание вёл уездный врач Г. В. Левандер. После короткого обсуждения расширенный совет постановил поручить и разрешить компании АО «Кексгольмский курорт», которая фактически являлась неплатёжеспособной, сделать предложение о покупке недвижимости компании на сумму 65 400 марок и движимого имущества на сумму 10 100 марок, а финансовой палате, в свою очередь, предоставить необходимые средства для этой цели в виде краткосрочного займа из имеющихся в наличии средств. Советник Кирвес внес предложение о том, чтобы после перехода компании в собственность города управление ею осуществлялось бы как муниципальным коммерческим предприятием, но его предложение было отклонено в пользу решения, согласно которому муниципалитет должен был продать указанное недвижимое и движимое имущество кооперативу курорта и сана-

тория Кякисалми («Käkisalmen Kylpylä- ja Sanatorio Osakeyhtiö»), которое планировали создать, приобретя акции на сумму 60 000 марок с указанной в уставе возможностью продать компанию в случае необходимости заинтересованной организации или частному лицу. Был назначен комитет из пяти человек для текущего обслуживания и содержания курорта, а также для разработки проекта его устава, получения сметы расходов на ремонт и т.д. В состав комитета вошли врачи Эмиль Луукконен и А. Бремер, директор А. В. Комулайнен, мастер М. Кайсла и торговец Х. Сильвеннойнен, а также управляющий банком П. Комонен в качестве заместителя. Наконец, совет поручил избранному комитету совместно с финансовой палатой подписать устав кооператива курортов и санаториев Кякисалми и подать заявку на утверждение его устава [27, s. 2]. С получением Финляндией независимости курорт пришлось закрыть навсегда, принятые на собраниях решения так и не были претворены в жизнь.

Таким образом, вопреки устоявшемуся в российской историографии мнению, водолечебница города Кексгольма не сыграла той важной роли, которую изначально ей отводили в деле становления и развития Кексгольма как важного туристического и популярного центра притяжения и не принесла горожанам ничего, кроме разочарования, о чем писали городские газеты начала XX в. и что подтвердилось впоследствии ликвидацией курорта.

Список источников и литературы

1. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ), ф. 499, оп. 1. д. 1.

2. ЛОГАВ, ф. 499, оп. 1, д. 4.

3. *Гусев, П. В.* Практический путеводитель по городам курортам и живописным местностям. / П. В. Гусев. – Санкт-Петербург: тип. Э.Ф. Мекс, б. Бреденфельд и Ко, 1908. – 143 с.

4. *Забирунова, Т. В.* История Карельской железной дороги. Начало. // Муниципальное бюджетное учреждение культуры Сортавальского муниципального округа Региональный музей Северного Приладожья: [сайт]. – Сортавала, 2025. – URL: https://sortavala-museum.ru/news/item/9 (дата обращения: 18.10.2025).

5. Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным и живописным местностям Финляндии с новыми картами, планами и словарем. / Сост. Федотов Н. Санкт-Петербург: Типо-литография Шредера, 1899. – 251 с.

6. *Корсаков, В. В.* Санатории и курорты в Финляндии: из дневника участника научной экскурсии врачей Московского физико-терапевтического общества в Финляндию с 25 июня по 7 августа 1912 г. / В. В. Корсаков. – Нижний Новгород: "Нижегородский ежегодник" Г. И. Сергеева и В. Е. Чешихина, 1913. – 54 с.

7. Курорты, санатории и пансионы Финляндии: Сезон 1915 г. – Гельсингфорс: Финляндское о-во туристов, 1915.

8. Путеводитель по Финляндии / Под ред. Карелина. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1911. – 276 с.

9. Путеводитель по Финляндии / Под ред. Карелина. Изд. 2-е. Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина – «Новое время», 1914. – 348 с.

10. Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Нюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии // Сост. Грэнхаген К. Б. Санкт-Петербург: Типо-литография Акционерного общества «Самообразование», 1914. – 394 с.

11. Финляндия: Путеводитель по дачным и водолечебным местностям Финляндии и живописным районам восточной части ее / Сост. К. Б. Гренгаген. – Санкт-Петербург: бр. Пальмгрен, 1905. – 274 с.

12. *Шикалов, Ю. Г.* Тихий уголок: Финляндия для российских туристов по описаниям путеводителей конца XIX-начала XX вв. / Ю. Г. Шикалов. // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2017. Issue 2. – С. 292-312.

13. *Kujo, E.* Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaiheita. / E.Kujo, E.Puramo, J.Sarkanen. – Lahti: Käki-Säätiö, 1958. – 1067 s.

14. Aura: Tietoja Turun kaupungista ja Länsi-Suomesta. – Turku: Auran uuden yhtiön kirjapaino. – 1896, № 280. – S. 2.

15. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1898. – № 54. – S. 2.

16. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1901. – № 53. – S. 2.

17. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1905. – № 21. – S. 3.

18. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1905. – № 47. – S. 3.

19. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1905. – № 51. – S. 3.

20. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1906. – № 64. – S. 3.

21. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1907. – № 66. – S. 3.

22. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1911. – № 61. – S. 2.

23. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1912. – № 25. – S. 2.

24. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1914. – № 36. – S. 2.

25. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1915. – № 58. – S. 2.

26. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1916. – № 115. – S. 2.

27. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1917. – № 42. – S. 2.

28. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1939. – № 13. – S. 3.

29. Laatokka: Sanomia Sortavalasta ja Itä-Karjalasta. – Sortavala: Sortavalan Kirjapaino. – 1896. – № 99. – S. 3.

30. Laatokka: Sanomia Sortavalasta ja Itä-Karjalasta. – Sortavala: Sortavalan Kirjapaino. – 1896. – *№ 7. – S. 1.*

31. Päivälehti. – Helsinki: Päivälehden Kirjapaino. – 1903. – №179. – S. 3.

32. Savonlinna: Sanomia Savosta. – Savonlinna: Etelä-Savon Kirjapaino. – 1901. – № 99. – S. 2.

33. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1894. – № 85. – S. 1.

34. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1895. – № 72. – S. 1-2.

35. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1897. – № 46. – S. 2.

36. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1899. – № 45. – S. 3.

Дубовцева Инга Владимировна – ученый секретарь Приозерского филиала ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник» «Музей-крепость «Корела», (г. Приозерск, Россия), i.v.dubovceva@yandex.ru

THE RESORT BUSINESS OF KEXHOLM (KYAKISALMI) IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

I. V. Dubovtseva

This article analyzes the life of the town of Kexholm in the Vyborg Governorate of the Grand Duchy of Finland as a resort and tourist center, in the context of the operation of the hydrotherapy center on Kalliosaari Island. Attention is paid to the prerequisites for the establishment of the medical facility: the town's economic situation in the second half of the 19th century and the expected prospects for the resort's operation as the foundation for the development of Kexholm's prosperity. The article also examines the preparatory work, establishment, and operation of the resort, and analyzes the public who visited the hydrotherapy center. A large section of the article is devoted to the challenges faced by the town and the Kexholm Spa JSC. The article is based on newly introduced sources on the topic – Finnish periodicals, guidebooks from the late 19th and early 20th centuries, and archival documents.

Keywords: Karelian Isthmus, Kexholm, Priozersk, Grand Duchy of Finland.

References

1. Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vyborge (dalee – LOGAV) [Leningrad Regional State Archive in Vyborg (further – LOGAV)], f. 499, op. 1, d. 1. (In Russ.)

2. LOGAV, f. 499, op. 1, d. 4. (In Russ.)

3. *Gusev, P. V.* Prakticheskij putevoditel' po gorodam kurortam i zhivopisnym mestnostyam [A Practical Guide to Cities, Resorts, and Picturesque Locales] / P. V. Gusev. – Saint Petersburg: tip. E.F. Meks, b. Bredenfefl'd i Ko, 1908. – 143 p. (In Russ.)

4. *Zabirunova, T. V.* Istoriya Karel'skoj zheleznoj dorogi. Nachalo [History of the Karelian Railway. The Beginning] // Municipal'noe byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury Sortaval'skogo municipal'nogo okruga Regional'nyj muzej Severnogo Priladozh'ya [Municipal Budgetary Cultural Institution of the Sortavala Municipal District, Regional Museum of Northern Ladoga Region]: [website]. – Sortavala, 2025. – URL: https://sortavala-museum.ru/news/item/9 (last request: 18.10.2025). (In Russ.)

5. Illyustrirovannyj putevoditel' po dachnym, vodolechebnym i zhivopisnym mestnostyam Finlyandii s novymi kartami, planami i slovarem [An Illustrated Guide to the Summer Cottage, Hydropathic, and Picturesque Locales of Finland with New Maps, Plans, and a Dictionary] / Comp. by Fedotov N. – Saint Petersburg: Tipo-litografiya Shredera, 1899. – 251 p. (In Russ.)

6. *Korsakov, V. V.* Sanatorii i kurorty v Finlyandii: iz dnevnika uchastnika nauchnoj ekskursii vrachej Moskovskogo fiziko-terapevticheskogo obshchestva v Finlyandiyu s 25 iyunya po 7 avgusta 1912 g. [Sanatoriums and Resorts in Finland: From the Diary of a Participant in a Scientific Excursion of Doctors from the Moscow Physico-Therapeutic Society to Finland from June 25 to August 7, 1912] / V. V. Korsakov. – Nizhnij Novgorod: "Nizhegorodskij ezhegodnik" G. I. Sergeeva i V. E. Cheshikhina, 1913. – 54 p. (In Russ.)

7. Kurorty, sanatorii i pansiony Finlyandii: Sezon 1915 g. [Resorts, Sanatoriums, and Boarding Houses of Finland: The 1915 Season]. – Gelsingfors: Finlyandskoe o-vo turistov, 1915. (In Russ.)

8. Putevoditel' po Finlyandii [Guide to Finland] / Ed. by Karelin. – Saint Petersburg: tip. A.S. Suvorina, 1911. – 276 p. (In Russ.)

9. Putevoditel' po Finlyandii [Guide to Finland] / Ed. by Karelin. – 2nd ed. – Saint Petersburg: tip. A. S. Suvorina – "Novoe vremya", 1914. – 348 p. (In Russ.)

10. Sputnik po Finlyandii. Kurorty, dachnye i zhivopisnye mestnosti Karelii, Savolaksa, Nyulandii, korennoj Finlyandii, Satakunty, Tavastlanda i Esterbotnii [A Companion to Finland. Resorts, Summer Cottage and Picturesque Locales of Karelia, Savolax, Nyland, Finland Proper, Satakunta, Tavastland, and Ostrobothnia] // Comp. by Grenkhagen K. B. – Saint Petersburg: Tipo-litografiya Akcionernogo obshchestva "Samoobrazovanie", 1914. – 394 p. (In Russ.)

11. Finlyandiya: Putevoditel' po dachnym i vodolechebnym mestnostyam Finlyandii i zhivopisnym rajonam vostochnoj chasti ee [Finland: A Guide to the Summer Cottage and Hydropathic Locales of Finland and the Picturesque Regions of its Eastern Part] / Comp. by K. B. Grengagen. – Saint Petersburg: br. Pal'mgren, 1905. – 274 p. (In Russ.)

12. *Shikalov, Yu. G.* Tikhij ugolok: Finlyandiya dlya rossijskikh turistov po opisaniyam putevoditelej kontsa XIX-nachala XX vv. [A Quiet Corner: Finland for Russian Tourists in the Descriptions of Guidebooks from the Late 19th – Early 20th Centuries] / Yu. G. Shikalov // Al'manakh severoevropejskikh i baltijskikh issledovanij / Nordic and Baltic Studies Review. – 2017. – Issue 2. – pp. 292-312. (In Russ.)

13. *Kujo, E.* Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaiheita. / E.Kujo, E.Puramo, J.Sarkanen. – Lahti: Käki-Säätiö, 1958. – 1067 p. (In Russ)

14. Aura: Tietoja Turun kaupungista ja Länsi-Suomesta. – Turku: Auran uuden yhtiön kirjapaino. – 1896, № 280. – P. 2. (In Russ)

15. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1898. – № 54. – P. 2.
16. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1901. – № 53. – P. 2.
17. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1905. – № 21. – P. 3.
18. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1905. – № 47. – P. 3.
19. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1905. – № 51. – P. 3.
20. Itä Karjala. – Käkisalmi: Itä-Karjalan Kirjapaino. – 1906. – № 64. – P. 3.
21. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1907. – № 66. – P. 3.
22. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1911. – № 61. – P. 2.
23. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1912. – № 25. – P. 2.
24. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1914. – № 36. – P. 2.
25. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1915. – № 58. – P. 2.

26. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1916. – № 115. – P. 2.
27. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1917. – № 42. – P. 2.
28. Käkisalmen Sanomat. – Käkisalmi: Kaakkois-Karjalan Kirjapaino Oy. – 1939. – № 13. – P. 3.
29. Laatokka: Sanomia Sortavalasta ja Itä-Karjalasta. – Sortavala: Sortavalan Kirjapaino. – 1896. – № 99. – P. 3.
30. Laatokka: Sanomia Sortavalasta ja Itä-Karjalasta. – Sortavala: Sortavalan Kirjapaino. – 1896. – № 7. – P. 1.
31. Päivälehti. – Helsinki: Päivälehden Kirjapaino. – 1903. – №179. – P. 3.
32. Savonlinna: Sanomia Savosta. – Savonlinna: Etelä-Savon Kirjapaino. – 1901. – № 99. – P. 2.
33. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1894. – № 85. – P. 1.
34. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1895. – № 72. – P. 1-2.
35. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1897. – № 46. – P. 2.
36. Wuoksi. – Käkisalmi: Wuoksen Kirjapaino Oy. – 1899. – № 45. – P. 3.

Dubovtseva Inga Vladimirovna – scientific secretary of the Priozersk branch of the State Budgetary Cultural Institution of the Leningrad Region "Vyborg United Museum-Reserve" "Korela Fortress Museum", (Priozersk, Russia), i.v.dubovceva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 28.12.2025; принята к публикации: 03.02.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дубовцева И. В. Курортное дело Кексгольма (Кякисалми) в конце XIX – начале XX вв. // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 118-136.

FOR CITATION:

Dubovtseva I. V. Kurortnoye delo Keksgolma (Kyakisalmi) v konze XIX – nachale XX vv. [The resort industry of Kexholm (Käkisalmi) in the late 19th – early 20th centuries] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 118-136.